

AVTONOM.ORG

АВТОНОМ

№38 \ 2019

ЧЕШСКИЙ ТЕРРОР

SHARP SHOOTER

САМОУПРАВЛЕНИЕ В СУПЕРМАРКЕТАХ

НАРОДНАЯ ДОЛЯ

ОСЛЕПЛЯЙ ЦИКЛОПОВ

КУРДСКИЙ ВОПРОС

ЦИТЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Революция 1917 года: надо ли повторять	3
Коммунизм по-китайски	12
Обманутые дольщики	15
Самоуправление в «Пятерочке»	19
Война с камерами наблюдения	23
Суд над Тони Негри	34
Борьба с «терроризмом» в Чехии.....	41
Опыт Рожавы	50
Либертарии Норвегии	60
Анархия в картинках и фото	69
Соцопрос в городе Кропоткин	81
Столкновения в Гамбурге.....	87
Sharp Shooter.....	92
Roter Stern.....	95
Сантьяго Сьерра	101
Эрих Мюзам.....	103
Биополитическая власть.....	105
Эксперимент Чэнь Цзюньмина	112
Сакаэ Осуги.....	125
Макс Неттлау	132
Анархизм как потребность.....	137
Защитный фонд.....	140
Женские тюрьмы.....	141

1917... Можем повторить? (неюбилейные размышления)

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях.
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.

*Максимилиан Волошин,
«Письма счастья из несчастного вчера
в бессмысленное сегодня»*

Письма счастья из несчастного вчера в бессмысленное сегодня

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.

Павел Коган

Как каменный лес, онемело,
Стоим мы на том рубеже,
Где тело – как будто не тело,
Где слово – не только не дело,
Но даже не слово уже.
Идут мимо нас поколенья,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье,
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

Александр Галич

Полвека назад в Советском Союзе повсюду лихорадочно и помпезно закапывали письма. Нарядные капсулы с посланиями потомкам в грядущее от октябрат, пионеров, колхозников, комсомольцев, космонавтов, шахтёров, академиком под надзором начальства тщательно и торжественно замуровывали в бетон и опускали на дно морей и рек, закладывали в фундамент новостроек. В этих пись-

мах представители всех советских поколений и профессий официально, пламенно и торжественно клялись быть достойными своих великих потомков из 2017 года и не опозорить себя, принося свои жизни на алтарь их грядущего рая. Зачем закапывались эти письма?

Затем, чтобы счастливые потомки в священную годовщину светящего столетия Великого Октября, наслаждаясь райской, чудесной, одухотворённой, изобильной и свободной коммунистической жизнью могли достойно помянуть из своего прекрасного и совершенного далёко своих предков – несовершенных, несчастных, тяжело живущих в неустанной борьбе с умножающимися временными трудностями, недобитыми врагами и отдельными пережитками прошлого, но свято и по-партийному непреклонно верящих в неумолимое счастливое будущее.

А четырьмя десятилетиями ранее наступивший на горло собственной песне верный поэт партии Маяковский в пьесе «Клоп» также проделал подобную процедуру: отправив жалкого обывателя двадцатых

годов XX века в лучезарные двадцатые века XXI, чьи совершенные и счастливые обитатели не могли понять глупости и мещанства своих несознательных предков. По той же причине мумифицировали тело Ленина: через сто лет люди непременно обретут бессмертие, воскресят вождя и он, выйдя из Мавзолея, отряхнувшись и протерев очи, увидит то невероятно прекрасное коммунистическое будущее, которое он подарил своему благодетельствованному народу и всему благодарному человечеству.

Ныне это будущее наступило. Мы – те счастливицы из будущего, обязанные быть совершенными и обречённые жить радостно. Но читать послания, адресованные нам, почему-то не хочется. (А вождя хочется не воскрешать, а поскорее поглубже окончательно закопать, на случай, если транс-гуманистам удастся осуществить свои жутковатые и отвратительные мечты о зомби-криогенном бессмертии!)

Едва ли наши оболваненные, доверчивые и наивные бабушки и дедушки могли

представить в 1967-м, как будет проходить юбилей Революции в 2017-м. (Лишь один диссидент Андрей Амальрик в те годы мудро предрекал Советской Империи гибель не позднее 1984 года; остальным казалось, что этот унылый и безысходный кошмар – ещё на века). «Десять лет упорного труда – тысяча лет счастливой жизни!» – уверенно сулил людям товарищ Мао, как и его так много обещавшие наставники-большевики.

На деле «упорный труд» всегда затягивается на каторжные и тюремно-лагерные тысячелетия и требует всё новых гекатомб и поколений, а «счастливая жизнь» отдаляется на ту же дистанцию. (Не случайно, всего через год после торжественного закапывания капсул с письмами счастья в СССР, «новые левые», наконец осознавшие банкротство «старых левых» и понявшие, что «Социализм без свободы – это барак!», дерзко писали на стенах восставшего на очередную Революцию Парижа противоположный лозунг: «Всё и немедленно!»)

Многое ли изменилось за полвека? Всё – и ничего. Да, вместо поголовно-принудительного научного коммунизма и не менее научного атеизма мы сегодня обречены на принудительное и поголовное воцерковление под страхом оскорбления религиозных чувств начальства; вместо злобного и бесчеловечного публициста-эмигранта Ульянова, писавшего часто под псевдонимом «Ильин», ныне нас заставляют чтить злобного и бесчеловечного философа-эмигранта Ильина без псевдонима; а главным союзником Кремля вместо «Варшавского договора» стала гордая и неведомая республика Науру.

Однако в главном всё по-прежнему: от людей в их тотально отчуждённой жизни почти ничего не зависит; чиновники размножаются в геометрической прогрессии; общественная ткань разорвана на миллионы человеческих атомов, стёртых в пыль за ненадобностью – при наличии Представления о том, что такое ре-

природного газа; и уже не грядущие «зияющие высоты» 2017-го года, но минувшее величие Державы должно галлюцинаторно компенсировать наше сегодняшнее личное

прозябание и вырождение. Вот что бывает со страной, катастрофически проигравшей Великую Революцию. Проигравшей век. Проигравшей своё будущее навеки.

Ноябрь уж наступил...

Прекрасное далёко!
Не будь ко мне жестоко!
Не будь ко мне жестоко!
Жестоко не будь!

*Песня из фильма начала 1980-х
«Гостя из будущего»*

Зачинайся, русский бред...
Александр Блок

волюция, в наступившем тысячелетии одинаково дикие и странные – что у нынешней власти, что у нынешней оппозиции. Некий оппозиционер назначил Революцию на некий день (5 ноября 2017 года) и стал уверенно ждать прихода этого дня, как приверженцы Белого Братства некогда ждали назначенного их пророками на определённую дату Судного Дня.

Власть, вероятно, вконец оболванившая не только публику, но и саму себя потоками конспирологического бреда, отождествляющая революцию с политтехнологией и спецоперацией, осознающая свою гнилость и бессилие, ждущая праведной расплаты, и поверившая, что революцию кто-то может «назначить» на определённый день и «провести» как очередное запланированное мероприятие, в священном трепете также обречённо ждала своей предначертанной и неизбежной кончины. Всё, как в талантливой пародии на бездарное революционное стихотворение Огарёва из «Бесов» Достоевского – главной книги, в которой нынешний режим давно ищет всех ответов на все главные вопросы:

И народ, восстать готовый

Из-под участи суровой
От Смоленска до Ташкента
Повсеместно ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб восстать беспрекословно.
Чтобы порешить боярство,
Порешить вконец и царство,
Церковь, тюрьмы и семейства –
Мира старого злодейства.

Всё и случилось, как в скверной пародии на Революцию. «Студент», однако, не пришёл, благоразумно оставшись за кордоном, народ и не подумал «восстать беспрекословно» и даже не узнал о порученной ему революции. А центральные улицы обеих столиц в День Икс вместо победоносных революционеров, отряхивающих с ног оковы старого мира, наводнили главные защитники этого старого мира – удалые отважные молодцы с щитами, шлемами и дубинками, ритуально хватающие всех подряд (я здесь исхожу не из версии обоюдной провокации, а из версии обоюдного идиотизма власти и оппозиции, которая мне кажется несколько правдоподобнее). На первой из регулярно потом повторяю-

щихся демонстраций диссидентов 5 декабря 1965 года (день сталинско-бухаринской конституции) на Пушкинской площади к памятнику поэту вышел известный диссидент и, начиная митинг, гордо провозгласил: «Граждане свободной России, подойдите ко мне!». К нему тут же охотно кинулись десятки граждан свободной России – в штатском и в форме – и поволокли его и других в застенки. Нечто подобное, только ещё нелепее, случилось сейчас, фарсом ознаменовав столетний юбилей. Торжественный хор омовцев, статисты из оперов и назначенные безгласные жертвы, актёры без арий, бессмысленно влекомые на заклатие во славу поднимающегося с колен государства, мучимого фантомными кошмарами вековой давности, – эта опера подоспела аккурат ко «красному дню календаря».

Поэт Саша Чёрный, описывая годы реакции, предшествующие Семнадцатому, констатировал: «Единственные новости: парад и мордобой». У нас «мордобой» случился точно по расписанию – аккурат между двумя ржавыми духовными скрепами: седьмым и четвёртым ноября, – то есть пятого. А в роли «парада» выступили десятки более или менее научных конференций, посвящённых дате и так и оставшихся неведомыми широким массам.

Впрочем, для широких масс были ещё и бесконечные сериалы и фильмы о революции по телевизору – неважно: «художественные» или «научно-документальные» (ибо их «художественность» столь же высока, как и их «документальность» и «научность») – в равной мере бездарные по форме и фантастические по сути. Целью их было не объяснить случившееся век назад средствами наук и искусств, а, напротив, заболтать, развлечь и напугать, симулируя жирную юбилейную галочку на телеэкране.

Злодеи, «демоны революции», Парвус и Троцкий, на деньги немецкого генштаба и мирового еврейства и в угоду своему са-

танинскому тщеславию и прирождённой вредности злонамеренно подкапывающие основы цветущей самодержавной России и обрекающие её на бунт, «бессмысленный и беспощадный», выглядели столь же жизненно и правдиво, сколь события пятого ноября походили на колоссальную драму столетней давности.

Впрочем, военный парад тоже, как ни странно, привычно-рефлекторно состоялся седьмого ноября на Красной площади. Без этого уж никак, если ритуалы и безусловные рефлексы заменяют нам голову! Парад, посвящённый, вы только подумайте! – семьдесят шестой годовщине парада 1941 года, посвящённого... двадцать четвёртой годовщине Октября! Парад – столь же лицемерный, никчёмный, вторичный, симулятивный, шизофренический, пустой и нелепый, как и вся наша юбилейная эпоха, запутавшаяся во лжи, самопародиях и ничтожестве.

Власти не одобряют Революцию, но вполне одобряют вышедшую из неё «советскую» Империю, черпавшую в Революции свою легитимность и смысл. Точно так же церковное начальство резко и гневно осуждает Революцию, как «сатанинское действо», но... радостно и помпезно отмечает столетие возрождения патриаршества, которого не было бы без этой Революции, ненадолго освободившей христиан из-под гнёта царской державы и опеки и позволившей им собрать поместный съезд, патриаршество вновь учредивший. А Госдума, тоже, вслед за старшими, ясное дело, безоглядно и категорично осуждающая все революции скопом, в 2005 году не отказала себе в милом удовольствии отметить «столетие российского парламентаризма», также явившегося лишь побочным продуктом предшествующей Революции.

Другая Россия, или почему мы сегодня не можем всерьёз говорить о Революции?

Повесть наших отцов –
Точно повесть из века Стюартов,
Отдалённой, чем Пушкин,
И видится, точно во сне.
Борис Пастернак

Прежде, чем размышлять сейчас о Революции 1917–1921 годов, следует попытаться понять, почему мы почти фатально не можем её понять. Многие этому препятствуют. Но понимание причин невозможности своего понимания Революции – первый и необходимый шаг к честному пониманию самих себя.

Как ни странно, возможно, сто лет – недостаточная дистанция для осознания такого, веками вынашиваемого, выстраданного, и на века повлиявшего всемирного события, как Российская Революция и её катастрофическое поражение. Невольно вспоминается смиренно-лукавый ответ искушённого Дэн Сяопина на вопрос о том, как в Китае оценивают итоги Великой Французской Революции: «Всего лишь два века прошло. Рано ещё об этом судить».

Мы – словно путники, из своего глубокого ущелья, из провальной бездны современности, пытающиеся разглядеть вершину Эвереста. И за невозможностью этого подменяющие сказочную и недоступную нам реальность Революции жалкими мифами, убогими сплетнями и худосочными схемами. Ведь куда легче признать глупостью, недоразумением, наваждением и мороком Революцию, чем... самих себя, не только не способных на такое «безумие», но даже неспособных понять «безумцев».

Кроме того, чтобы понять нечто, надо, хотя бы отчасти, это нечто иметь в себе. Чтобы понять свободу, надо уже немного быть свободными, как «вольный баран» в сказке

Щедрина, тосковать по свободе среди стада нормальных, довольных всем баранов. Чтобы понять утопию, подвиг и мечту, надо самим хоть как-то уметь мечтать и быть не чуждыми героизма. Чтобы понять великое, надо нести в себе нечто от величия. Иначе, по словам Герцена: для лакеев не существует великих людей, ибо они всегда видят их лишь со стороны грязных подмёток их сапог.

А ведь мы и те, кто жили сто лет назад и поднялся на Революцию – жители разных

планет, люди несоизмеримо разных пород. Наши симулятивные «эсеры» («Справедливая Россия») и «парнасы» (каस्याновцы) имеют со своими тёзками вековой давности – партиями Социалистов-революционеров и Народной Свободы (кадетами) не больше общего, чем самодовольный телепропагандист Владимир Соловьёв (скромно написавший даже «евангелие» от себя) имеет общего с великим поэтом и философом Владимиром Соловьёвым, а опереточный депутат Пётр Толстой и писательница Татьяна Толстая – с настоящим Толстым.

Представим себе, что сто лет назад мы стартовали к звёздам на ракете и вот, как в романе Лема, вернувшись со звёзд через век, не узнаём своего мира. Кое-что осталось прежнее: тот же рельеф местности, те же черви, тараканы и пресмыкающиеся. Всё те же – со слегка перелицованными вывесками: самодержавие, православие и народность, те же держиморды городские-полицейские (недавно снова переставшие маскироваться под «милицейских»), те же казаки с нагайками, пересевшие с коней в автобусы со шторками и заменившие нагайки на дубинки а папаху на шлемы, то же бесправие, патриотизм, черносотенство, пьянство...

Любимая российская игра – бег на месте на граблях. Но вот куда делись люди? Где нам, подобно Диогену, разыскивать их? Где то, что определяло духовную и общественную жизнь России начала XX века: крестьянская община, восставшая за землю и волю, самоотверженная интеллигенция, бросающая вызов власти и жертвенно страдающая за народ? Где страна Блока, Толстого, Вернадского, Фигнер, Каляева, Цветаевой, Бердяева, Спиридоновой, Махно, Рахманинова? Ныне – лишь ветер шумит над выжженной человеческой пустыней, замогильно пробегаёт среди заброшенных деревень, ржавеющих громад первых пятилеток и ржавеющих ракетных боеголовок. Поголовная трусость, эскапизм, мелочность, бесплодие, малокровие, похмельная усталость, суицидальность, бескрылость, распад и кладбищенская стабильность, да приятные сны о былом величии Державы. Человечки вместо человек – выродившиеся потомки творцов Революции, неспособные дотянуться чувством и мыслью до своих отцов и матерей, – вот все мы. Попытки понять Революцию и полное непонимание её помогают лучше и трезвее понять самих себя, неспособных более ни к мечте, ни к бунту, ни к свободе.

Безъязыкость и бессловесность

Бродит Кривда с полосы на полосу
Делится с соседской Кривдой опытом...
Александр Галич

Века, века – вас будет проклипать
Больное позднее потомство!
Александр Блок

Ещё одна важная помеха на пути к восприятию подлинной Революции – наш предательски неадекватный язык. Целенаправленно сконструированный за этот век партийный новояз не даёт

описать случившееся тогда, а лишь порождает зазеркалье фантомов. В них, по Оруэллу, «свобода – это рабство», «война – это мир», а величайшая гордость и всемирное достижение и оправдание тысячелетней

России – Революция – понимается как постыдная случайность и нелепость, причём её катастрофическое поражение выдаётся за триумфальную победу. Такой новояз обрекает нас на бессловесность и безмыслие. Он приучает нас стыдиться великого и гордиться позорным.

«Великая Октябрьская Социалистическая Революция», – о которой не ведали сами её участники, предпочитавшие говорить лишь об «октябрьском перевороте», как об одном из важных эпизодов единого революционного процесса. «Советская власть» – как название для режима, уничтожившего к весне 1918 года Советы, превратившего их в никчёмные фасады для партократии, чекистов и комиссаров из центра. И, напротив, постыдный ярлычок: «антисоветская контрреволюция», часто применяемый как раз к народным повстанцам, боровшимся за вольные Советы (а не власть партии) и за подлинные лозунги Октября.

«Мелкая буржуазия» – марксистский презрительный штамп в отношении столь ненавистного «научным социалистам» крестьянства, подлежащего ликвидации-расчленению и составляющего колоссальное большинство населения страны и главную опору Революции (почему тогда уж хотя бы не «крупный пролетариат»?). «Союз Советских Социалистических Республик» – название для страны, не имевшей ничего общего, ни с «союзным», ни с «советским», ни с «социалистическим», ни, тем более, с «республиканским» началами, и бывшей централизованной тоталитарной бюрократически-партийной империей, органично встроенной в мировую систему индустриально-государственного империализма. «Диктатура пролетариата» – как обозначение для режима страны, в годы Революции стремительно депролетаризировавшейся: пролетарии, в ходе установления этой «диктатуры пролетариата», либо бежали из городов в деревню, спасаясь от голода,

либо становились партчиновниками, у которых от рабочих оставалось лишь «правильное» социальное происхождение, либо с оружием в руках противостояли этой самоназванной диктатуре (как восставшие героические рабочие Ижевска и Воткинска), либо создавали «рабочую оппозицию» в партии, называвшей себя «рабочей». Пока мы будем использовать как инструментальный кривое зеркало этого насквозь лживого и подлого языка угнетателей, мародёров и узурпаторов, мы не сможем приблизиться к пониманию Революции.

Нынешний мутный официальный язык, сочетающий ветхие большевистские штампы с пронафталиненным языком черносотенцев и реакционеров, лишь наводит тень на плетень, именуя «заговором», «бунтом», «крамолой» и «смутой» величайшее и стихийнейшее из событий нашей истории, наклеивая ярлычок «бесов» на всех революционеров, заставляя нас всех смотреть на революцию из окошка царского дворца и привычно видя лишь «подстрекательство, демагогию и манипуляцию» в попытке народа стать эмансипировавшимся субъектом собственной судьбы и прорваться в иное измерение бытия. Нас заставляют отождествить себя с господами, тиранами, жандармами, генералами и банкирами прошлого и настоящего и ужаснуться зверскому разгулу этой «распоясавшейся сволочи», вырвавшейся из привычных клеток и начавшей крушить сковывавшие их скрепы. «Смута» – это воистину жуткое для правителей зрелище: солдаты, вдруг почему-то отказавшиеся умирать и убивать по приказу непонятно зачем и посмеявшиеся рассуждать, спорить с офицерами и братья с неприятелем; рабочие, пожелавшие контролировать свои заводы; женщины, отринувшие рабские рамки патриархата и вливающиеся в общественную жизнь из своего домашнего семейного рабства. «Крамола» – это всякая попытка изменить мир, пересмотреть порядок вещей и правила игры в процессе Революции. «Бесы»

и «смутьяны» – все те, кто смеет мечтать, не желает повиноваться и приспособляться, угрожая основам Державы. «Катастрофа» – распад Империи-тюрьмы, а «умиротворение» – её восстановление в ухудшенном виде ценой миллионов жертв. Такой язык описания событий лишь немногим лучше большевистского новояза и скорее утаивает и морочит, чем раскрывает истину.

Под стать этому языку и все предлагаемые концептуальные подходы к Революции, ос-

нованные на множестве сконструированных мифов, упрятанных вглубь несостыковок и противоречий и ложных аксиом. У любого державника и государственника, у всех власть имущих реакция на Революцию одинакова – как у той знаменитой старушки из анекдота, которая, увидев однажды верблюда, категорически заявила, что такого зверя просто не может быть.

Власти умеют славно отмечать годовщины войн, как и развязывать сами войны, – но не юбилеи революций, ибо революции всегда ставят под вопрос саму власть. Нам говорят: народ не может быть творцом истории, он всегда орудие – либо добрых и светлых сил («своего» Дракона-Государства), когда он строим марширует по приказу на войну или погром, либо – злых и тёмных сил «заговорщиков», «закулисы» и «иноземцев-инородцев» (когда он перестаёт повиноваться – явно по приказу Дракона вражеского). В Революции же народ опровергает эту аксиому, как и аксиому о нужности самого Дракона-Государства, меняет основания игры. Оттого-то наши начальники так жаждут поскорее забыть о кошмаре Революции, пересидеть эти юбилейные годы, заболтать эту память всяким бредом.

Вот основные мифы, предлагаемые нам о Революции, один другого ничёмнее и лживее. Миф официально-самодержавный, ныне вполне восстановленный в правах (отчасти в своей сменовеховской и евразийской версиях, призванных как-то примирить его с большевизмом). Императорская Россия гармонично процветала и побеждала в борьбе с германцами – и вдруг, откуда ни возьмись, объявились иностранные агенты, работавшие сразу на все разведки – от Антанты до кайзера – и начали сеять смуту, разжигать классовую рознь, и наивный и кроткий народ-богоносец вдруг озверел, показал свою бесовскую природу (а куда делась его богоносность?!), забыл о присяге и вере, обезумел и поддался демагогам и иноземным шпионам, пока его не привели в чувство и не вернули в стойло новые правители Державы (вчерашние «бесы» и «смутьяны»!), заново отстроившие и собравшие рассыпавшуюся на кусочки страну и заботливо восстановившие вертикаль власти – главную и сакральную скрепу. При этом Ленин, священный доселе для многих соотечественников, мягко выводится из-под острия разоблача-

ющей критики, Сталин и вовсе знаменует благую и спасительную мощь возрождаемой отеческой власти и наведение порядка, а за все революционные эксцессы отдуваться приходится, как и три четверти века назад, злодеям Троцкому и Парвусу (как создателям теории «перманентной революции»... да и национальность у обоих уж очень подходящая). Вывод: дети (поданные)! Слушайте родителей, а то хуже будет! До какой степени такое видение событий Революции беспомощно, противоречиво и ничего не объясняет – думаю, читателю не нужно доказывать.

Миф большевистский, от которого, впрочем, частично отошли наследники большевизма из КПРФ (осуществляющие творческий и плодотворный постмодернистский синтез Ленина с Пуришкевичем и Победоносцевым), но который до сих пор инерционно и рефлекторно силён в сознании многих жителей России. По этому мифу, русский народ, прозябавший под гнётом царизма, помещиков и капиталистов, возглавила и повела стройными рядами и организованными колоннами к высотам коммунизма могучая партия мудрого Ленина. Выстрелила «Аврора», занялась заря новой эры, и Ленин великий наш путь озарил... и так далее. До высот мы, правда, немного не дошли, но ведь, как говорится, можем и повторить. Вывод: дело лишь за новой партией нового типа и новыми мудрыми вождями. Надо лишь их дожидаться. Такое понимание приводит... к пятому ноября, отнюдь не к седьмому.

Миф либеральный. Ах, как прекрасен и светел был Февраль, празднично избавивший нас от пут деспотизма, подаривший нам Временное правительство, прогресс в рамках законности и обещание всяческих прав! И как же ужасен и внезапен был Октябрь, когда подлые узурпаторы, словно Гаммельнский крысолов, обманули массы и увели их за собой, наобещав с три короба! И всего-то надо было восставшему революционному народу потерпеть годик и погодить – с Учредительным собранием и поме-

щичьей землёй – до победоносного конца войны! Этот подход, подобно большевистскому, разрывает искусственно единый процесс Революции, противопоставляя Февраль Октябрю (только с обратным знаком), но столь же авангардистски-элитарен и высокомерно-схематичен. Если большевики ликуют, что нашему народу так несказанно повезло с прекрасными партийными вождями, сумевшими вытащить массы из буржуазного февральского болота на сияющую вершину Октября, то либералы горько сетуют – как не повезло демократическим вождям России с неблагодарным и нетерпеливым народом, соблазнённым большевиками, сманившими массы с февральских вершин в октябрьские мрачные бездны. И вывод: в революциях следует держаться «золотой середины» между свободой и деспотизмом, соблюдать умеренность и аккуратность и не давать несознательному народу слишком много воли, дабы он не впал в пагубную анархию!

Наконец, все существующие интерпретации Революции грешат одним общим принципиальным изъяном: это всегда взгляд на события «из города» (и неважно, считаем мы главным действующим лицом партийное и государственное чиновничество, партийных интеллигентов, рабочих или буржуазию). Всё же подавляющая часть жителей России жила тогда в деревне, и Великая Российская Революция была, прежде всего, революцией общинного крестьянства, поднявшегося против самодержавного государства (царского, а потом большевистского) за землю и волю, за «чёрный передел» и самоуправление. Такова концепция одного из крупнейших знатоков социальной истории Теодора Шанина, и с ней трудно не согласиться.

Петр Рябов

Коммунизм по-китайски, или будет ли в Китае революция

Цена земли

Гуляя по так называемому «биологическому острову» в центре Гуанчжоу, я наткнулся на заброшенную деревню. Экскаватор пыхтел, методично делая свою работу. Заносил ковш и вгрызался в стену дома. Кирпичи сыпались вниз. Я бродил по камням, рискуя поломать ноги. Среди зарослей тропических лопухов неожиданно обнаружил уцелевший храм. Его стены были испещрены граффити, а сам он был превращен в общественный туалет.

Тут я встретил опиравшегося на палку старика. Старик ругал почем зря местных партийных чиновников. Он поведал, что они продали деревенскую землю строительной корпорации. А жителей выселили, предложив им мизерную компенсацию. Многие отказались уезжать. Теперь их дома сносятся бульдозерами. Но они все равно продолжают жить на развалинах.

– Предложили нам 2100 юаней за метр, разве ж это деньги? – ворчал старик. – Лучше вообще не брать. Выставили нашу землю на аукционе по 30 юаней. Хотели показать нам, что она ничего не стоит, – усмехнулся он. –

А сами продали по 90000.

– Вы не пробовали писать наверх и жаловаться? – спросил я. – Например, самому Си Цзиньпину. Многие его хвалят.

– Если все вороны черные, разве может быть одна белая? – сказал старик. – Пока существует партия, не будет нового Китая.

Старик отличался от остальных встреченных мной его соотечественников тем, что открыто осмелился ругать власти. Но беда всех подобных протестов в том, что они локальны. Люди требуют компенсации, но стоит только им ее получить, как протест затухает. Это же касается и забастовок на предприятиях, не переходящих в широкие движения. Одно из основных требований – повышение зарплаты. Если удастся добиться его выполнения, то все успокаивается. Людям куда дороже личные интересы, чем интересы других. Я никого не обвиняю в эгоцентризме, просто так устроена жизнь в отсутствие внятных политических идей и свободы мнений.

В свое время Мао пытался применить в Китае марксистскую теорию. За неимением в стране рабочего класса, он попытался опереться на крестьянство. Но классическое разделение на помещиков и крестьян в Китае не работало. Те, кого обозвали помещиками «дичжу», на самом деле таковыми не являлись. В Китае, особенно на юге, до сих пор сохранилось родовое общественное устройство. Жители одной деревни оказывались членами одного рода, происходящими от одного предка. Кто-то из них мог разбогатеть и выйти в люди, но остальные сельчане продолжали ощущать с ним кровное родство. Поэтому когда ком-

мунисты приходили в деревню с целью ликвидировать помещика, на его защиту поднимались все члены семьи, то есть вся деревня. В итоге Мао пришлось опереться на безземельных мигрантов – переселенцев «хакка». Эти люмпенизированные слои стали ярыми приверженцами нового строя, впервые наделившего их землей.

Чтобы случилась социальная революция, нужен социальный взрыв. Но к нему ведет сильное социальное расслоение, когда единственный способ подняться из низов – это передел земли и другой собственности. В нынешнем обществе такого расслоения нет. Проще заработать копейку на хлеб, чем, грубо говоря, пойти и отнять ее у богача. В стране развивается средний и малый бизнес, кругом полно магазинчиков, ларьков, кафе и забегаловок. Растет и средняя зарплата рабочего – сейчас она выше, чем в России и достигает 3,6 доллара в час.

Давно прошли те времена, когда жители деревень довольствовались плоской риса в день. Мой знакомый профессор-филолог Тан рассказал мне, что государство организовало госхозы – государственные хозяйства. Оно арендует у крестьян землю и дает им работу. Так что они теперь не крестьяне, а госслужащие. Им не нужно платить налог на землю. Они получают зарплату. Покупают современные уборочные машины, государство выдает им компенсацию. Они даже могут вкладывать инвестиции в эти хозяйства. Теперь они собирают большой

урожай. Риса так много, что каждый человек в Китае смог бы съесть два с половиной цзиня в день.

– Эффективность сельского хозяйства очень высока, – сказал профессор. – Но понятно, что так много никто не сможет съесть. Так что государство продает рис. А в деревне оседает столько средств, что там строят библиотеки. Жители могут поехать куда угодно. Моя младшая сестра – крестьянка. Она поехала в путешествие в Гонконг, Сингапур, Корею.

Китайская мечта

Тот же профессор Тан рассказал, что начал изучать русский язык в 1940-е годы. Тогда Китай шел путем Советского Союза. По словам профессора, китайцы считали путь Советского Союза правильным и полезным для своего народа. Они хотели учиться у Советского Союза.

– Русский народ создал первое в истории всего мира социалистическое государство.

Хотя оно уже распалось, но его опыт, его ошибки стали мировым наследством. Если Китай хочет построить в своей стране социализм, мы и теперь должны учиться у русских, извлекать их опыт и избегать их ошибок, – подытожил профессор.

Это показалось мне удивительным. О каком, черт побери, социализме идет речь?

Но оказалось, его слова выдержаны вполне в русле риторики правящей партии. Китайский лидер Си Цзиньпин выдвинул новый лозунг – «китайской мечты». По его мнению, великое возрождение китайской нации – это и есть китайская мечта. Три составляющих «китайской мечты» – сильное и богатое государство, национальный подъем и народное счастье. Чтобы добиться осуществления мечты, нужно идти китайским путем, то есть по пути социализма с китайской спецификой. «Китайская мечта» – это идеал, однако у коммунистов есть еще более высокий идеал – коммунизм. В него не верят те, у кого нет твердых идейных позиций и кто подвержен влиянию утилитаризма. Такие люди не смогут ничем пожертвовать ради партии, государства и народа. Революционные идеалы выше неба. Без далекого идеала не может быть соответствующего коммунистическим требованиям члена партии. Однако если он оторвался от реальной работы и впустую говорит о далеких идеалах, этот коммунист тоже не соответствует требованиям.

Развивая социализм, можно приблизиться к далекому идеалу – коммунизму. Но коммунизма не достичь без марксистских принципов. В ответ на высказывания об ограниченной ценности марксизма-ленинизма Си Цзиньпин заметил: «Социализм с китайской спецификой – это социализм, а не какой-то другой «-изм», фундаментальные принципы научного социализма нельзя терять, если их потерять, это уже не социализм»¹. Чтобы оправдать в глазах народа собственное существование, правящей элите нужна идеологическая опора. И

она выбрала в качестве опоры старые и проверенные ценности. Напрасно некоторые западные аналитики полагали, что вслед за рыночным капитализмом в Китай придут и демократические свободы. Элита прекрасно понимает, что в случае введения этих свобод она рискует потерять свое кресло. Поэтому твердится, что только компартия знает, как осуществить китайскую мечту. А раз она обладает этим уникальным знанием, то и исполниться мечта может лишь под ее руководством.

Поскольку слова не должны падать в пустоту, компартия применила излюбленное средство – запустила мощную пропагандистскую кампанию. Чиновникам было предписано опроститься и укрепить связи с народом. Вначале вспомнили лозунг Мао Цзэдуна «Взгляни в зеркало, поправь платье, прими ванну и поищи средство для лечения». После чего Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Три вида строгости и три вида правдивости». Чиновнику необходимо быть строгим в морали, применении власти и соблюдении дисциплины, необходимо быть честным в принятии решений, ведении дел и поведении. Вслед за этим партийные комитеты всех уровней организовали курсы нравственности и провели инспекцию их результатов².

Но что касается народа, то кому-то вообще наплевать на лозунги. Кто-то думает только о том, чтобы заработать ежедневный юань. Есть и те, кто спит сладким сном, пребывая в уверенности, что движется к светлому коммунистическому будущему. А в это время вокруг бурными темпами продолжает строиться общество авторитарного капитализма.

Ильяс Фалькаев

Обманутые дольщики: протест, перерастающий в гнев

В последний день сентября 2017 года группа людей заняла пятнадцатый этаж одного из недостроенных домов на юге Москвы. С крыши многоэтажки был вывешен баннер «Достройте ЖК Царицыно». В это время внизу, у входа в подъезд, другая группа людей зачитала обращение перед камерами журналистов. «Мы просим достроить «Царицыно 2». Наши семьи без

квартир. Наши дети без квартир... Мы устали ждать окончания стройки и окончательного здравого решения руководящего состава правительства Москвы». Так прошла очередная, минимум третья за месяц акция «царицынцев», дольщиков самого известного долгостроя страны.

10 лет ожиданий и борьбы

«**Ц**арицыно» и «Царицыно 2» – это целый район, состоящий из новостроек. Строить его еще при Лужкове, в 2006 году, взялся «Московский хлебокомбинат продуктов», входящий в группу компаний «Настюша» – крупнейший столичный агрохолдинг, лидер Москвы по производству хлеба. Спустя 10 лет большой стройки из 24 домов сданы в эксплуатацию только восемь, в остальных работы заморожены на разных этапах. Владелец «Настюши» бизнесмен Игорь Пинкевич находится под стражей по обвинению в хищении 159 миллионов рублей. Решение проблемы царицынского долгостроя у московских властей нет, а диалог с дольщиками, которые несмотря на сложившуюся ситуацию на момент написания этой статьи официально даже не признаны обманутыми, строится только благодаря их активности.

«Царицынцы» устраивают акции по несколько раз за месяц: от привычных митингов до палаточных лагерей и срыва выставки недвижимости. Однажды они перекрывали дорогу неподалеку от своих недостроенных домов. Прибывшая на место несанкциони-

рованной акции полиция задержала зачинщика, но вскоре отпустила – оказалось, что

родственники одного из полицейских тоже приобрели жилье в ЖК «Царицыно».

Это не удивительно. По официальным данным Минстроя России в стране насчитывается чуть больше 38 тысяч обманутых дольщиков. По данным самих дольщиков, их число превышает 100 тысяч человек. Речь идет непосредственно о покупателях жилья, а если учитывать членов их семей,

то эту цифру можно умножить минимум в два раза. Официальные цифры занижаются, в основном, муниципальными властями, которые для красивой статистики в своих регионах не спешат включать в реестр проблемных многие объекты, по факту таковыми являющиеся. Давно замороженный ЖК «Царицыно» – прекрасный тому пример.

Единый фронт дольщиков

Долгостроями становятся не только проекты экономкласса. В Москве и в регионах есть примеры проблемных домов бизнес- и даже премиум-класса. Но это, скорее, исключение. В основном, достается семьям простых рабочих и служащих, покупающих квартиры в многоэтажных гетто. Некоторые из них так и не доживают до заветных ключей. Те же «царицынцы» рассказывали о нескольких случаях смертей на нервной почве в своих рядах.

Умирали люди далеко не пенсионного возраста. Последняя такая трагедия случилась осенью 2017 года. Есть такое устойчивое мнение, что рабочий класс в XXI веке не идет на баррикады, потому что ему есть, что терять. Многим обманутым дольщикам терять уже нечего. Некоторые из них, продав старую недвижимость и взяв ипотечные кредиты, остались буквально без жилья и средств к нормальному существованию. В 2009 году, когда вскоре после банковского кризиса встало примерно 80% строек Москвы, один из обманутых дольщиков пытался поджечь себя на Красной площади. В западных (и не только) странах это событие привело бы, наверное, к акциям протеста, перерастающим в беспорядки, у нас оно утонуло в новостных лентах и вскоре о нем забыли на несколько лет. До 2014 года, когда грянул еще один кризис, породивший

новую волну обманутых вкладчиков. Но на сей раз дольщики начали действовать организованнее.

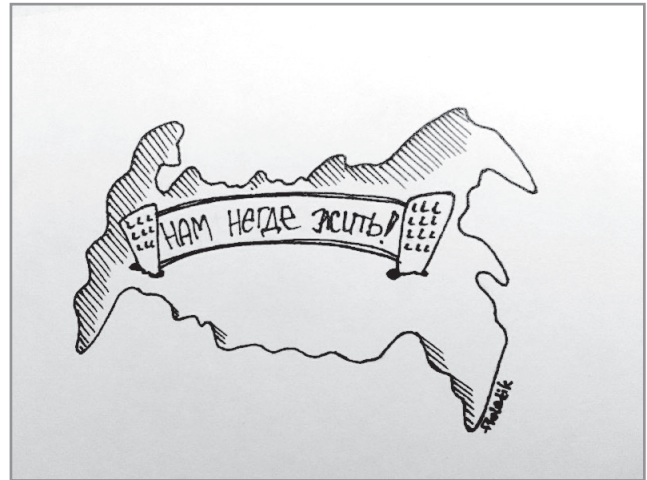
Палаточные лагеря, к примеру, возникали не только в Москве, но и в Нижегородской, Амурской областях, Красноярске, Новосибирске, Благовещенске, Санкт-Петербурге и других регионах. Порой они появлялись параллельно в нескольких городах. Наладились коммуникации между регионами и инициативными группами. Дольщики устраивали всероссийский съезд, совместные междугородние акции. Они преодолели свою отстраненность от общепротестной движухи. Организованные группы вкладчиков в строящееся жилье можно было видеть практически на всех крупных протестных мероприятиях российских мегаполисов. В нескольких городах прошли совместные акции обманутых дольщиков и стремительно политизирующихся дальнобойщиков из «Объединения перевозчиков России».

Такая активность менее чем за год до выборов не могла не привлечь внимание властей. Государство выразило заинтересованность в срочном решении проблемы. Летом 2017 года представителей инициативных групп обманутых дольщиков были приглашены в Госдуму, где они встретились не только с «народными избранниками», но и с мини-

стром строительства Менем и несколькими региональными чиновниками, отвечающими за строительный комплекс. Выслушав традиционные беспредметные тирады Жириновского-Зюганова-Миронова в духе «как же плохо, что людей обманывают, надо что-то делать», собравшиеся решили, что в Думе будет создана рабочая группа по делам обманутых дольщиков. О ее важности говорит хотя бы тот факт, что вошедших в группу депутатов даже не отпустили на летние парламентские каникулы. Думцы пообещали решить проблему всех долгостроев за три года, начав с тех, что были особенно на слуху благодаря активности дольщиков.

Вот только решаются проблемы, опять-таки, дольщиков объектов, официально признанных проблемными. Да и стоит ли сильно рваться помочь всем и сразу, если в реальности задача стоит другая – продемонстрировать заинтересованность в решении проблемы, закончить несколько известных, медийных долгостроев и успокоить народ перед выборами? Это понима-

ют и обманутые дольщики. Их совместная активность весны-лета 2017 года – попытка запрыгнуть в уезжающий поезд под назва-

нием «Президентская кампания-2018». Места в нем, конечно, хватит не всем. А те, кто останутся на перроне, будут и дальше радикализироваться и пополнять общепротестную массу – другого пути просто не будет, будет только обида на «доброе царя», забывшего о них еще на шесть лет.

Стратегия банановых республик

Долевое строительство – это когда покупатель приобретает не готовый дом или квартиру, а будущие метры в строящемся жилье. Таким образом он становится соинвестором проекта и каждый месяц платит взносы либо застройщику, либо банку, если покупка совершена с привлечением ипотеки. Всегда есть риск задержек или вовсе несдачи объекта – некоторые строительные компании на деле оказываются лохотронщиками, другие не выдерживают конкуренции или меняющихся экономических условий. Это как русская рулетка с одним патроном в барабане – скорее всего ты отделаешь-

ся нервотрепкой, но может не повезти по-крупному, и ты станешь одним из тех самых обманутых 100 тысяч.

В Россию доленое строительство пришло после развала СССР. Появилось оно де-факто. Люди вносили свои взносы по предоплате, подписывая предварительные договора купли-продажи или вступая в жилищно-строительные кооперативы. 214 федеральный закон, регулирующий правила долевого строительства, появился гораздо позднее – в последние дни 2004 года. Но и он, как видно, работает через раз. Власти уже много лет его реформируют, но реаль-

ных обманутых дольщиков меньше от этого не становится. Если кратко, то все реформы 214-ФЗ сводятся к вытеснению с рынка маленьких и слабых строительных компаний и сужению конкуренции до круга из нескольких игроков, представляющих крупные холдинги. Однако прогореть можно, вложившись в крупные и финансово успешные компании. «СУ-155» несколько лет была в тройке лидеров на строительном рынке России, а потом разорилось и наплодила армию обманутых дольщиков по всей стране.

Идея долевого строительства родилась в середине 1980-х годов в нищей Аргентине. Президент Рауль Альфонсин запустил программу «Строительство по справедливости». Населению предлагалось приобрести акции нового акционерного общества, материально поддерживавшего строительство жилых домов. Суммы, внесенные населением, были эквиваленты определенному метражу квартир. Схема оказалось действенна и помогла поднять число собственников жилья более чем в 10 раз – с 2% до 21%. В дальнейшем принцип долевого строительства перенимался другими странами третьего мира, постепенно модернизируясь.

В Западной Европе такие схемы покупок не популярны. Из-за высокой рискованности с ними не желают связываться ни покупатели, ни банки-кредиторы. К тому же, во многих странах хорошо развит рынок арендного жилья. Например, в Германии в нем проживает примерно треть населения. В России не иметь в собственности угла считается в обществе непрестижно и чуть ли не позорно. Хотя бы с ипотекой на 20 лет, на этапе котлована, но нужно стремиться приобрести свою недвижимость. Атмосферу подогревают рекламные кампании банков и застройщиков – по радио, ТВ и на объявлениях в общественном транспорте счастливые молодые мужчины объясняют нам,

что надо брать строящееся жилье, а то будет поздно. В тех же рекламах их возжелают женщины, им благодарны дети и старики, им завидуют соседи. Потому что это не просто люди, это без пяти минут собственники недвижимости «в лучшем месте на Земле», каком-нибудь очередном тоскливом микрорайоне на окраине города, вдали от благ цивилизации.

Вся эта история с долевым строительством еще раз демонстрирует уродство капитализма, особенно в таких вечно развивающихся странах, как Россия. Строительный бизнес давит на комплексы рабочих людей. Им объясняют, что и они, простые трудяги, могут быть собственниками жилья, что о них позаботились и придумали для них идеально экономную схему – просто надо отдать свои деньги и немного подождать. Тем же, кто не дождался, потом вяжут руки ОМОНовцы, а полицейские разгоняют их протестные палаточные лагеря. Власти, зачастую аффилированные с крупным бизнесом, как правило, занимают его сторону и помочь многочисленным инициативным группам ничем не могут. Но! Если будут выборы и вы очень вежливо и много раз попросите сами знаете кого разобраться, то, может быть, и удастся что-нибудь придумать с вашим долгостроем. Может в Аргентине эта схема и правда работала неплохо, но наша банановая республика совсем гнилая.

Сергей ЯКОВЛЕВ

«Пятерочка»: рабство и самоуправление

«Автоном» публикует рассказ бывшего сотрудника известной сети супермаркетов «Пятерочка». Он рассказывает, как выжимают соки из работников «Пятерочки», а также, что получилось из его попытки ввести самоуправление в магазине, директором которого он стал.

В 2013 году я попал в пасть капиталистического чудовища под названием X5 Retail Group. Прошел все круги ада от грузчика до директора. Люди идут работать в «Пятерочку» не от хорошей жизни, а потому что государство не может предоставить своим гражданам более достойную работу, более достойную зарплатой. В небольших провинциальных городах, где средняя зарплата 7–8 тысяч рублей, грузчикам в «Пятерочке» платили десятку и это были относительно неплохие деньги.

Делается это так: берется средняя зарплата по региону в области торговли, к ней прибавляется премия (обычно около 1/3 от зарплаты) и от кандидатов нет отбоя. Но только эту премию вам заработать не дадут. Работа в «Пятерочке» это рабство в чистом виде – кассиры и грузчики весь день работают, как стахановцы, выполняя приказы директоров, задерживаясь на работе, приходя раньше времени, выходя на неоплачиваемые подработки, товароведы безвылазно принимают товар и составляют акты, заместители и директора работают по 15–16 часов в сутки, выполняя требования высшего руководства.

Система такая: происходит давление на супервайзера, супервайзер лично раздает планы и указания каждому директору, директор, в свою очередь, относится по-эксплуататорски к своим подчиненным, то есть в компании выходит так, что каждый сотрудник и раб, и надсмотрщик одновре-

менно, и чем ты выше по карьерной лестнице, тем больше у тебя рабов, и тем ты виднее руководству, и тем меньше у тебя личной жизни. X5 выжимает человека, как лимон, давая взамен гроши. Еще одна проблема компании – это коррупция, которая сказывается на работе магазинов, приводит к перезатарке.

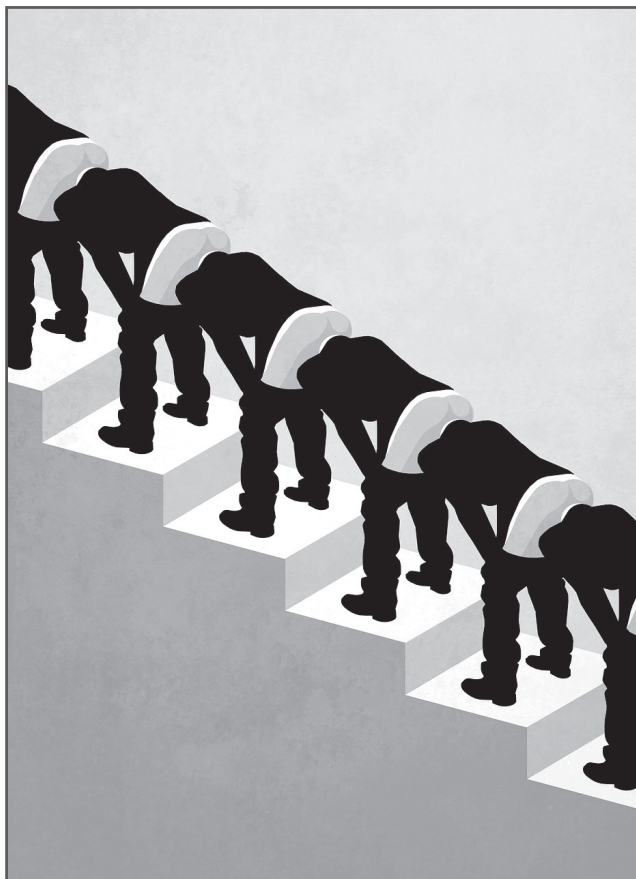
«...Невыполнение показателей ведет к давлению на директора и на весь персонал, их обвиняют в том, что они сами не справляются и не получают тех денег, которые могли бы заработать....»

Большинство магазинов «Пятерочка» перезатарены товаром, причем так, что товар паллетами приходится вывозить в торговый зал, потому что хранить его нигде, и в торговом зале покупателям становится тяжело пройти. Происходит это так: поставщик того или иного товара дает взятку менеджерам из отдела закупок, а тот, в свою очередь, закупает как можно больше товаров данного поставщика, этот товар в невероятном количестве и распределяется по магазинам.

В компании экономят на всем, а в первую очередь на зарплатах персонала. Чтобы заработать премию, надо было выполнять нереально завышенный план продаж, вкладываться в мизерный процент потерь и еще

выполнять кучу показателей и требований компании. Компании не выгодно, чтобы магазины выполняли эти показатели, потому что тогда надо будет всем сотрудникам начислять премии. Невыполнение показателей ведет к давлению на директора и на весь персонал, их обвиняют в том, что они сами не справляются и не получают тех денег, которые могли бы заработать. По моим подсчетам, в кусте из 100 магазинов только 20–30 супермаркетов справляются с планом, это при том, что в новостях отмечается рост доходов компании. За четыре года работы я наблюдал, как с каждым годом уменьшается оклад и как увеличивается премиальная часть зарплаты. С 2016 года «Пятерочка» перестала работать с охранными агентствами. Это был гениальный ход со стороны руководства – не надо платить охранникам, в магазинах участились случаи воровства, увеличились потери, а значит, и премий за процент потерь работникам платить не надо.

На собрании руководство службы безопасности заявило, что деньги на охрану равны

потерям без нее, а 80% потерь – это хищение самим персоналом, так что охраны не будет, следите лучше за своим персоналом. Работа в компании устроена так, чтобы человека было легко принять на работу и легко уволить. На каждого работника повешено столько обязанностей, что за смену физически не успеешь всё выполнить, как бы ни старался, нагрузка колоссальная, ответственность тоже. В компании нет продавцов и кассиров, там все универсалы, и даже грузчики обязаны уметь сидеть за кассой. Эти продавцы-кассиры всю смену бегают от кассы к отделу, от отдела к кассе, иногда без обеда, а иногда сидят по 5–6 часов безвылазно за кассой. Про Трудовой Кодекс лучше не заикаться, станешь кандидатом на увольнение, а уволить всегда найдут за что. На протяжении четырех лет работы в компании я часто слышал фразы «не нравится – увольняйся» и «если не будешь делать все, что я скажу – уволю». Перечень обязанностей у сотрудника компании большой, но размытый, первый пункт, он же главный – «выполнять задания вышестоящего руководства».

Так что Трудовой Кодекс Трудовым Кодексом, а тебя в любой момент могут уволить за «несоответствие стандартам компании» или «невыполнение поручения руководителя». Так что получается, что эти стандарты выше Трудового Кодекса РФ. Смена у продавцов-кассиров и грузчиков длится по 12 часов. По факту необходимо прийти раньше на полчаса и частенько задерживаться на работе, а в таблице закрывается 10,5 часов, это при том, что из положенных 1,5 часов отдыха сотрудник быстро обедает за 15 минут и бежит снова работать.

Также 10,5 часов в таблице закрываются и заместителям директоров, а по факту они работают по 15–16 часов за смену. Напряженная работа, моральное давление и недосып часто сказываются на психическом состоянии людей, работающих в «Пятерочках». Когда один из коллектива болеет или в отпуске, его работа ложится на плечи остального коллектива, это еще при том, что каж-

дый год урезают штатные единицы и там, где должны работать десять человек, работают пять. Должность директора в этой компании потеряла престиж, «директор» в Х5 вовсе не директор, а скорее козел отпущения и прокладка между руководством компании и продавцами-кассирами.

Директор практически ничего не решает в магазине, решает высшее руководство, а свое решение передает директорам на исполнение. Обязанностей у директоров прибавляется с каждым годом, ответственность огромная, все штрафы госорганам платятся из кармана директора, а зарплата, как и у всех, с каждым годом все меньше. В 2016 году урезали персонал отдела кадров, часть работы отдела кадров перевесили на директоров.

Теперь директора занимаются оформлением приемов, увольнений, больничных и отпусков. Быть директором – это значит всегда быть под контролем, даже на выходных. У директоров и заместителей в обязанности входит установить на телефон WhatsApp и выполнять распоряжения, которые сыпятся десятками в рабочую группу и в личку. Чувствуешь себя будто на поводке или прислужгой при больном, который звонит в колокольчик, и ты бежишь по его звонку выполнять приказы.

Мой опыт работы директором был недолгим, всего полгода. Так как сеть быстро расширяется, всё больше строится новых магазинов в области, образовалась нехватка административного персонала. Людей набирают неопытных, чуть ли не с улицы, так что для меня это был шанс, которого я долго ждал. Меня без стажировки, без какого-либо обучения поставили директором в один из таких магазинов, а до этого я проработал год грузчиком и два года заместителем директора. В подчинении у меня было десять человек. Я решил поэкспериментировать и с первого дня провел собрание всех работников. На собрании я сказал, что это теперь наш магазин и мы все за него отвечаем и всё мы теперь будем делать вместе, все во-

просы, касающиеся работы в магазине, мы будем решать раз в неделю на таких собраниях коллективно, то есть вместо деспотичного «как я сказал, так и будет» (как обычно руководят директора сети), мы сами будем решать, как работать. Работники и работники сами выбрали себе зоны ответственности по возможностям и предпочтениям, кто-то более активный и подвижный взял на себя больше отделов в зале, кто-то более усидчивый и внимательный работал больше за кассой, даже у меня и моего заместителя были в зале отделы.

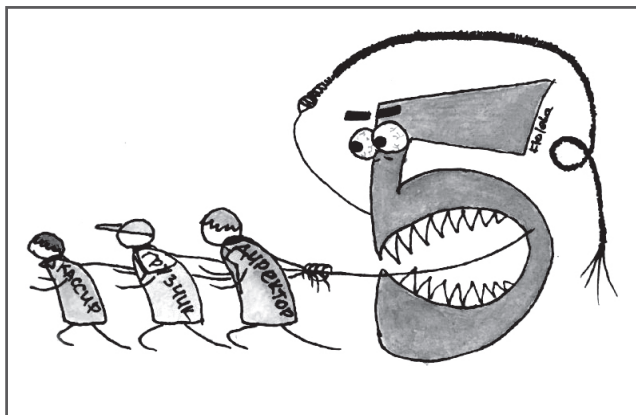
«...Меня без стажировки, без какого-либо обучения поставили директором в один из таких магазинов, а до этого я проработал год грузчиком и два года заместителем директора.....»

Когда ко мне подходили с больничным, я никогда не отказывал, а порой и сам отпраивал к врачу тех, кто придет с соплями на работу, я думаю, что лучше пусть в смене работают три человека, но здоровых, чем четыре больных. Я им дал больше свободы, чем дают другие директора, и дело потихоньку пошло. В первое время было, конечно, тяжело, но, главное, все работали, старались. С каждым собранием коллектив становился все дружнее. Вскоре я перестал чувствовать себя руководителем, но чувствовал себя частью большой семьи. Конечно, в семье было не без уродов.

Работницы сами вычислили воровку среди коллектива, которая продавала товар мимо кассы. На собрании все единогласно высказались за её увольнение. Первый месяц мы не сделали план по товарообороту. Но потом все остальное время, которое я там проработал, мы перевыполняли поставленные нам планы. Мы придумали идею, как бороться с потерями, в частности, с большим количеством просроченного товара (это еще одна проблема «Пятерочек»: так как большинство товара заказывается автозаказом, то много уходит в просрок). Часть просрочен-

ной продукции мы покупали сами за треть стоимости, а часть продавали скупщикам по дешевке, остальное отдавали бомжам.

Скупщиков искали сами, например, с лошадиной фермы у нас покупали по дешевке просроченный хлеб лошадям, собаководы покупали просроченное мясо для собак. На вырученные деньги мы пробивали через кассу часть просроченной продукции.

В других магазинах вся эта продукция безжалостно выкидывалась в мусор. Так как внешнего воровства почти не было, а внутреннее воровство отсутствовало, мы уложились в процент потерь в первом переучёте. С этого первого переучёта начался ад. Мы все стали получать хорошие зарплаты относительно других магазинов, но теперь к нам были еще более жесткие требования. У нас начались частые проверки, было сильное давление со стороны высшего руководства.

Вот пример одной из проверок. В середине недели без предупреждения в магазин приехал с проверкой директор кластера. Чехвостила за каждую мелочь. Я ему говорил, что физически мы не успеваем сделать всю работу, которая от нас требовалась, что не хватает людей, нам бы пришлось сутками работать, чтобы всё успеть. В ответ он начал грубить и сказал, что людей у нас хватает, но они плохо работают. А потом на выходе из магазина был такой диалог, который я запомню дословно на всю жизнь.

– Что это такое? – спросил он.

– Урна.

– Вижу что урна, но почему она здесь????!!!!

– Чтобы покупателям было удобно чеки выбрасывать.

– По стандартам компании урны здесь быть не должно!!!!

– Я понимаю, но один из покупателей оставил отзыв в жалобной книге, он хотел бы, чтобы здесь была урна.

– Мне плевать на покупателей, стандарты компании надо соблюдать! Это не твой магазин, а магазин компании. Вот откроешь свой магазин, ставь урны где хочешь.

Вот такой вот яркий пример всех диалогов с руководством. Торговые сети всячески пытаются подавить любую индивидуальность, заменив её стандартами компании.

Вскоре ко мне пришел супервайзер и сказал: «за несоответствие требованиям компании и за невыполнение моих распоряжений я имею право тебя уволить или понизить». Я выбрал понижение, и у меня как гора с плеч. Сейчас работаю в своё удовольствие ночным товароведом, не вижу с высшим руководством вообще и ни капли не жалею о понижении.

Государство само создаёт все предпосылки к рабству. Люди, чтобы хоть как-то продолжать существовать, готовы идти работать куда угодно, лишь бы платили, тут их и встречают такие корпорации как X5, ЗАО «Тандер» и прочие чудовища современного мира. Пока государство не сможет предложить людям достойную работу, не сможет защитить права работника должным образом, рабство в торговых сетях будет только развиваться.

Максим Тройкин

Ослепляя циклопов, разрушая паноптикум: охота на камеры в Метрополисе

*Повесть о личной войне против государства-надзирателя,
безусловно, выдуманная.*

Глава I. Я – подозреваемая...

С тех пор как камеры стали достаточно мобильными, чтобы можно было снимать людей без их согласия, избиение фотографов стало у американцев замечательным развлечением. Известные люди, преследуемые папарацци; обычные граждане, возмущенные новыми ордами, вторгающимися в их частную жизнь, демонстранты, не желающие попасть на карандаш – все любят навешивать человеку, который тычет камерой им в лицо.

Но что делать, если человека, которой тычет тебе камерой в лицо нет, а есть только камеры и ты сам? Всякий раз, когда я заворачиваю за угол и вижу камеру, наставлен-

ную на меня, я нет-нет, да и услышу в голове: «Попалась!». Даже самым невинным из нас трудно не чувствовать себя подозреваемыми. Еще бы, для спецов по безопасности, наблюдающих за всем через камеру слежения, все – подозреваемые.

Эти мысли крутились у меня в голове с того дня, когда я наткнулась на Youtube на видео под названием «Camover 2013». Я смотрела, как немцы носятся по всему городу, срывая, разбивая и закрашивая камеры слежения. Они говорили, что это новая игра и бросали вызов другим. «Я рада, что кто-то это делает», – подумала я и пошла спать.

Глава II. Камера № 1

Несколько недель спустя я была на улице с другом – мы искали места для вывешивания баннеров и вообще исследовали редко посещаемые высокие точки Спрингфилда. Когда мы добрались до самого края крыши, поглядывая через край на основную улицу центра города, то обнаружили, что мы не одни. Так же через край здания глядела камера слежения, провода от которой уходили через дыру в стене.

Мой друг прокомментировал это, но я проигнорировала его и сменила тему, решив, что если собираюсь сюда вернуться, то мне лучше не продолжать.

Каждое воскресенье мои друзья собираются, чтобы посмотреть «Шоу Щекотки и Царапки». Мне вообще наплевать на него, так что когда пришло воскресенье, я сказала, что мне надо убрать мою комнату, украдкой

выскользнула и вернулась к себе домой. Там я надела старую ветровку, которую кто-то оставил давным-давно, черные хлопчатобумажные перчатки, бейсболку и какие-то темно-синие джинсы. Я захватила холщовую сумку для покупок и положила туда кусачки, которые заранее взяла из кладовки на работе. Я доехала на велике до точки в паре домов от цели, припарковала его там и дальше двинулась пешком, надев капюшон и натянув кепку пониже, чтобы не попасться другими камерам слежения.

Я залезла по пожарной лестнице на кондиционер и, наконец, на крышу. Подкралась сзади камеры, схватила ее обеими руками,

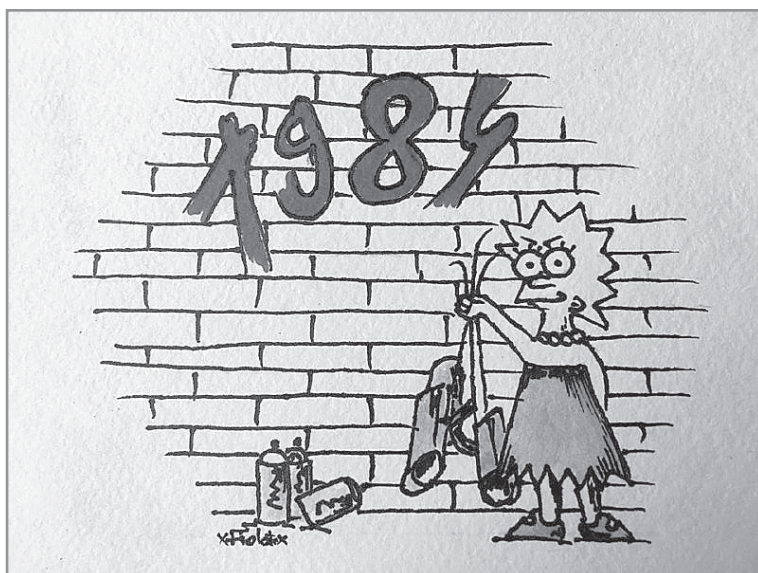
свернула камеру с кронштейна и перекусила провод с помощью кусачек. Поскольку я никогда так раньше не делала, я не знала, не сработала ли какая-то тихая сигнализация или не прервался ли вдруг «ужастик» у кого-то, кто наблюдал за экраном, так что я запихала камеру и кусачки в сумку и ретировалась к своему велику.

Когда я вернулась домой, я была как будто наэлектризована адреналином. Я знала, что собираюсь сделать это еще раз в следующие выходные, и я точно знала, что за камера это будет.

Глава III. Камеры № 2 и № 3

Моя работа находится по соседству с «зеленым» яппи-кафе, которое делает деньги на моде нескольких последних лет на местную еду. Дела владельцев идут для них достаточно успешно, но есть одна вещь, которая возвращает их назад из их «экотопии». Она заключается в том, что кафе расположено рядом с «Красти Бургером», где тусит куча черной молодежи, так что владельцы кафе понатыкали снаружи камеры слежения. Одна из этих камер смотрела как раз на то место, где я устраивала перекур по дороге обратно домой. Каждый день камера пялилась на меня, пока я курила и старалась не пялиться в ответ.

Единственной загвоздкой в моем плане было то, что камера была установлена рядом с другими и, естественно, они попадали в поле зрения друг друга. Необходимо было попасть на крышу, но единственное место,

с которого я могла это сделать, находилось прямо под той камерой, которую я хотела убрать. Всю неделю я провела, прокручивая в голове возможные сценарии. К тому моменту как начались «Щекотка и Царапка», я чувствовала себя так, как будто делала это уже

много раз. Я извинилась, забралась на велик, припарковалась за один дом до и добралась уже пешком.

Прежде чем я дошла до места, я спряталась за заборами повязала на лицо бандану. Даже в капюшоне и кепке в прошлый раз я чувствовала себя неуверенно. Свернуть и выломать камеру – все произошло так быстро, что, размышляя об этом потом, я не могла быть уверена, что я не направила ее на свое лицо, прежде чем перекусить провода. Вдруг последнее, что увидел человек, просматривавший запись, было мое глупое лицо? Возможно, этого и не случилось, но штука была в том, что любая моя ошибка будет записана.

Замаскировавшись, я быстро приблизилась, придвинула стопку стульев позади

кафе к стене и забралась за камеру. Как только я оказалась на крыше, я сделала короткий крюк к другой камере, которая смотрела на ту же аллею, перекусила провод и крутила ее, пока не сломался кронштейн, а потом повторила все тоже самое с первой камерой. Затем я слезла и зачем-то вернула стулья туда, где нашла их.

Я уехала на велике, убрала камеры и переоделась. После этого я пошла в бар напротив и стала там ждать, чтобы увидеть, не приедут ли копы. Я хотела узнать, не соединены ли камеры с какой-то сигнализацией. Никто не приехал.

Глава VI. Конспирация одиночки

У меня поехала крыша. Всю неделю я проводила, строя планы и мысленно репетируя, пока не подошло время начала «Щекотки и Царапки». К этому моменту проявились два изменения в моем образе мышления.

Во-первых, изменились мои взаимодействия с камерами слежения. Раньше, если я заворачивала за угол и видела красный круг светодиодов, который присутствует спереди большинства современных камер, я могла поразмышлять о том, насколько это выглядит похоже на HAL из «2001 год: Космическая Одиссея» и пошла бы дальше, ворча про все увеличивающееся вторжение индустриального капитализма в мою частную жизнь и чувствуя себя оскорбленной.

Теперь, если я видела камеру, я немедленно начинала придумывать способ убрать ее.

Второй сдвиг – как это все поменяло то, как я проводила время, когда мои мысли не были заняты чем-то. Это давало всей неделе перспективу. Всякий раз, когда я занималась на работе каким-то заданием, не требующим шевеления мозгами, мои мысли перемещались на цель этой недели. Это делало последующие задания, которые требовали всего моего внимания, чем-то раздражающим. С другой стороны, штуки, которые раньше бесили меня, такие как плохие водители, тупые клиенты, ломающиеся или теряющиеся вещи, в моих мыслях больше не задерживались. У меня была миссия.

Глава V. Помощь при стихийных бедствиях: камеры № 4, 5 и 6

Началась зима, загнавшая меня домой. Как и во многих других частях страны, у нас была «экстремаль-

ная» зима. Я смотрела в окно, слушая радио, которое заклиняло людей идти домой и не уезжать никуда. Я ждала с нетерпением

ем, когда вернется теплая погода, чтобы я смогла выйти и снова играть. Смотрела видео с восстающей Украины. Люди на улице, дерущиеся с полицией, использующие самодельные катапульты для того, чтобы перебрасывать коктейли молотова через баррикады. Баррикады, сделанные из... снега. На видео было показано, как они набивали мешки снегом, и я поняла очевидное. Эти люди сражались день и ночь в разгар русской зимы. Как комфортно я себя внезапно почувствовала – слишком комфортно! Мне надо было подтолкнуть себя. Меня осенило: пока население смотрит Netflix, включив отопление на полную, а полиция занимается ДТП и – прочими вызовами по 911, связанными с погодой, любой, у кого хватит духа ринуться навстречу стихии, получит весь город в свое распоряжение.

В тот вечер я надела на себя все свое термобелье, шарф, большие перчатки, большую ветровку поверх зимней куртки и направилась проверять свою гипотезу. Две камеры, которые я искала, были не на главной улице, но на сильно загруженной транспортной парковочной зоне возле нескольких баров, обычно наполненной людьми и совсем открытой. Они были на подоконнике – так просто не дотянуться, но не то чтобы совсем невозможно. Я припарковала свой велик за рестораном, замаскировалась и взяла контейнер для молока, который, как я думала, позволит мне дотянуться до цели. На месте точно никого не было. Я забралась на контейнер и не смогла дотянуться. Фак.

Методичное планирование в течение недели позволяло мне избегать стресса импровизации в компрометирующих обстоятельствах. Там была третья, гораздо большая камера для другого дела, на которую у меня были планы, но на день попозже. Если бы кто-то посмотрел запись с этой камеры тем вечером, он бы увидел следующее: черная зефирка с банданой на лице приближается к паре камер, ставит контейнер на землю под ними, достает кусачки, тянется к ка-

мерами, не может их достать, спрыгивает и лихорадочно озирается. Затем названная зефирка принимается бегать вокруг каждого из ресторанов и баров в переулке и наконец вытаскивает деревянную паллету из-за одного из них, прислоняет к стене, взбирается к камерам, перекусывает провода и пытается свернуть кронштейн первой камеры. Камера остается по-прежнему крепко прикреплена к оконному подоконнику; зефирка упирается обеими ногами в стену ниже камеры и дергает камеру туда-сюда, прикладывая силу всей верхней половины тела, пока камера не поддается, отправив зефирку в полет спиной вперед, так что она практически приземлилась на задницу. Она встает на ноги, лихорадочно озирается и направляется проделывать тот же самый маневр с другой камерой.

В такие моменты тяжело оценивать время, но я достаточно уверена в том, что это дело заняло несколько минут, в отличие от прошлых акций, на которые точно уходило несколько секунд. Пока я упиралась обеими ногами в стену и тянула обеими руками, мой взгляд упал на небольшой винт в месте, где камера соединялась с опорой. Ах вот че.

Возвращаясь к виду с третьей камеры: зефирка перестает тянуть туда-сюда, ставит ноги обратно на паллету, спокойно открывает камеру, слезает, возвращает деревянную паллету и уходит.

Несколько дней спустя, в разгар снежного бурана, парализовавшего город, я вернулась, на этот раз на хорошо обозреваемую крышу во время, которое должно было быть часом пик, но вместо этого всюду, куда хватило глаз, был только пустынный город под снежным покровом. Да, я была там; держась за спутниковую тарелку для равновесия, я скинула пинком камеру сверху. Я с нетерпением ждала сезона наводнений.

Глава VI. Дислокация, дислокация, дислокация

После легкой расправы с первыми камерами, которые были просто расположены, решение, какие камеры убрать, должно было быть подкреплено планом. Я решила, что должна избегать появления на камерах во время моих маленьких прогулок просто в силу характера преступления. Определить время его совершения по просмотру видео было просто, а владельцы других камер вполне могут посочувствовать и скооперироваться, чтобы проследить, кто находился поблизости в то время. Кроме того, если такие действия по какой-либо причине будут названы политическими – появится ли коммюнике или

в результате работы хитроумной полиции – для дальнейшего расследования станут доступны деньги федерального бюджета. Это серьезно ограничивало мои возможности по перемещению и список возможных целей. Я сразу же припомнила одно из правил городской герильи: любое действие должно давать возможность делать что-то, что раньше было тебе недоступно. Держа это в уме, я решила создать «коридоры приватности» в моем городе: дорожки, по которым можно будет ходить, не попадая на камеры.

Глава VII. Примитивное будущее

Я бродила будто в другом мире. Секрет бойца-одиночки, который я хранила, заставлял меня чувствовать себя так, как будто я была супергероем или злодеем. Теперь, когда я видела пялящиеся на меня камеры, я все еще чувствовала то изначальное беспокойство. Исследования показали, что люди ведут себя совсем по-другому, когда они знают, что за ними наблюдают: они больше стараются соответствовать социальным нормам, не выделяться. Они становятся беспокойными и раздражительными, принимая, однако, в конечном счете слежку и беспокойство как норму. Я сам вела себя так же: смотреть вперед, продолжать идти, неосознанно оценивая, как мои движения могут быть интерпретированы. Но теперь все по-другому: после первого шевеления беспокойства я вспоминаю, что я – секретный агент, и оглядываюсь, замышляя.

Во все усложняющемся обществе пространства для индивидуальных девиаций стано-

вится все меньше и меньше, от нас требуют все больше конформности. Я имею в виду не такие поверхностные формы самовыражения, как стиль одежды, музыкальный вкус, рекреационное использование наркотиков или даже религиозные и сексуальные предпочтения – это все принимается в той мере, в какой не разрушает производство, потребление или социальный контроль. Я имею в виду в большей степени нашу свободу передвижений, нашу свободу выражать себя, предпринимать действия по всему миру, саму нашу автономность – это все обычно урезается. Наш разум приспособливается к этим ограниченным наборам опций: служба, благотворительность, голод или купить, снять, быть бездомным или быть под наблюдением, прятаться, подчиняться или быть игнорируемым.

Но иногда наш разум и тело вспоминают, что однажды был другой набор возможностей: самозащита, атака, разрушение. И это

были те возможности, которые я считаю достойными. Когда сейчас я играю на ка-

меру, моя улыбка искренна, а не вымучена. Я знаю, что я вернусь, чтобы уничтожить ее.

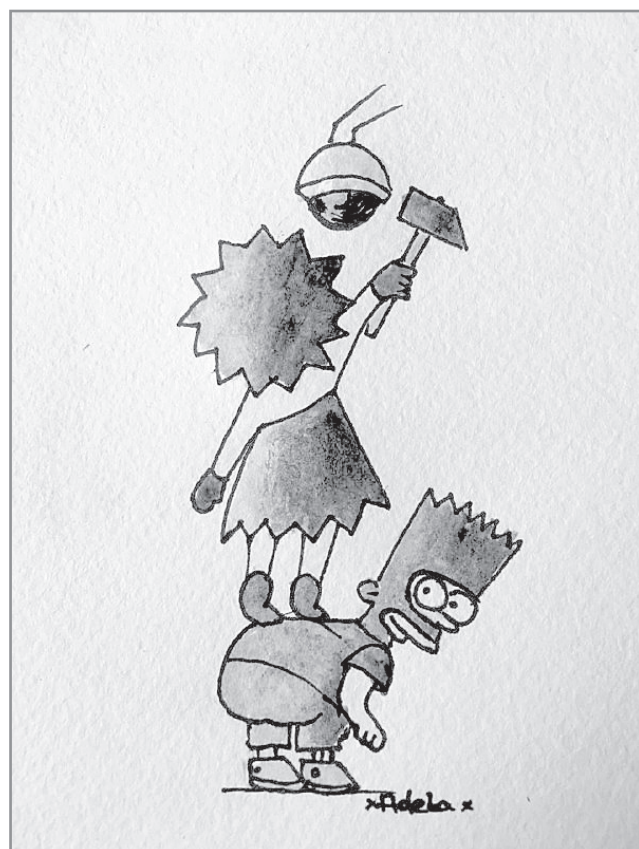
Глава VIII. Удваиваем ставки: камеры №7 и №8

Мне не нравилось работать в одиночку. Так я чувствовала себя в безопасности и в то же время сильной, придумывая, как все повернуть и исполняя планы, которые требовали серьезных решений с реальными последствиями, не обсуждая с их кем-то еще, доверяя только себе самой.

Поэтому мне трудно сказать вам, почему я решила втянуть в это еще одного человека. Может быть, я думала, что мне нужен будет кто-то на шухере для более дерзких акций, которые я надеялась провести. Может быть, просто нужно было идею, находившуюся внутри одной моей головы, вынуть из нее и увидеть перспективу. В любом случае, я решила сблизиться с Бартом. Я доверяла ему, а он как-то сделал пару замечаний на тему того, что ему хотелось бы поступать схожим образом. Я поначалу симулировала безразличие, как делала всегда, когда всплывала тема камер.

Мое приглашение привело его в восторг. Для того, чтобы попрактиковаться, я отвела его к заброшенному торговому центру, где камеры еще были целы и, возможно, работали. Я хотела, чтобы он научился движениям в нестрессовой обстановке, чтобы он мог фокусироваться на окружающей обстановке во время миссий и смог избежать той неловкой ситуации, которая приключилась со мной на прошлом выходе.

Мы спрятались в кустах, замаскировались и быстро приблизились к первой камере сзади. Барт поставил ногу на замок из моих рук, и я подтолкнула его вверх. Он положил

руки на стену, чтобы придать себе устойчивости.

- Теперь используй кусачки, чтобы перекусить провод, а затем просто тяни камеру, и ты увидишь, когда она сломается.
- Не ломается.
- ОК, возможно, там есть ручной винт на шарнире, который можно просто раскрутить?

Тишина.

– Получилось!

Он спрыгнул на землю. Мы проделали тоже самое со второй камерой и пошли домой.

Глава IX. Барт и Лиза выходят на улицы: камера № 9

Несколько дней спустя я взяла Барта на простую миссию, которую и так планировала, но мне пришлось ее отложить, поскольку бар продержался открытым до более позднего часа, чем я. Я наконец-то нашла ночь, когда он был закрыт, и тогда остальное было раз плюнуть. Мы подняли капюшоны и натянули пониже шапки, когда подходили к зданию, затем забрались по забору из рабицы позади него на крышу. Мы покружили за камерой, замаскировались и произвели еще одно «анатомирование камеры», обрезали провода, запихали это все в карман моей куртки, слезли и покинули зону до того, как сняли перчатки и капюшоны.

Мы пробирались задними дворами по направлению к моему дому. «Хочешь, попробуем ее одну? Как эксперимент?» – спросила я. «Да-а, звучит отлично». Я нацелилась на камеру, которая была на въезде на стоянку, на уровне лица; она снимала вид на то, куда заезжают машины, а также на тротуар. Камера была закрыта стеклянным колпаком, для того чтобы скрыть направление, куда она смотрит.

Я достала молоток из кармана куртки.

– Давай согласуем план: мы тут покружим, замаскируемся в дальнем углу, подберемся

сзади. Ты смотри в оба, потому что движение тут достаточно интенсивное. Я ударю колпак молотком, он расколется, я постараюсь выдрать камеру, а если это не сработает, я шандарахну еще пару раз молотком по ней. Потом смоемся вдоль улицы во дворы. Возражения, пожелания?

– Идет.

Сообщать, что я собираюсь делать, и выносить это на обсуждение – это вызывало странные эмоции. Мне казалось, что это мой проект, и когда столько стоит на карте – готова ли я принять чей-то еще вклад? Я полагаю, что если бы он сказал «нет» или мы бы не смогли договориться о каком-то одном плане, я могла бы вернуться другой ночью и сделать это самостоятельно. Мы поэтапно следовали плану, но когда я замахнулась молотком, он только слегка задел колпак. Замахнулась снова и результат тот же. Я отступила в сторону, чтобы удар получился прямым и обрушила молоток прямо на колпак. Он отскочил обратно на меня, как будто я ударила по резине. Мы остановились, пожали плечами и постарались как можно лучше стереть отметины, рекламирующие нашу неудачную попытку, а потом потрусили прочь, размаскировавшись за зданием.

Глава X. Camover

Мы обсудили варианты, как нам разделаться с колпаком. Мы исключили огонь из-за непропорционально высокого наказания за поджог в США. Мы также исключили вариант

закрасить купол, поскольку он был бы временным, а нашей целью было полное уничтожение камер. В отличие от некоторых текстов на эту тему, в которых утверждается, что защитная краска, пере-

кусывание проводов или даже просто наклеивание пластиковых пакетов на линзы – это достаточно, я считаю необходимым максимальное повреждение. Если мы временно выводим из строя камеру, ее быстро починят и нам придется возвращаться снова и снова. Это определенный паттерн поведения: он дает врагу шанс адаптироваться, и так ты попадаешься.

Когда однажды вечером мы прогуливались, Барт поделился со мной своими новыми изысканиями: «Я поискал информацию о колпаках, они рекламируются как антивандалные. В рекламном ролике их переезжают на машине и поджигают. Чтобы раскрутить винты требуются собственные ключи. Но есть инструмент, который может справиться с материалом, из которого сделан колпак. Такой длинный, тонкий и острый, можно заказать в интернете, так что мы можем купить его анонимно с помощью подарочной карты Visa... Я только все равно не знаю, на какой адрес заказать».

Мы решили пока что отложить эту тему. Тем временем, я разрабатывала свой собственный особый инструмент и с нетерпе-

нием ждала возможности опробовать его в полевых условиях. Я была в туристическом отделе Congolomo-Mart, когда наткнулась на небольшой девайс, называвшийся «пила диверсанта». Это было несколько черных проволок, переплетенных между собой с тканевой петлей на каждом конце. Я засунула ее в штаны, положила в карман паракордовый шнур в 50 футов и ушла.

Когда я пришла домой, я отрезала два куска по 20 футов от паракордового шнура и привязала их на оба конца «пилы диверсанта», добавив тяжелое стальное звено от цепи на один из концов. Я воображала себе, как бросаю это звено через камеру, направляя так, чтобы проволока была строго наверху, а затем двигаю туда-сюда, чтобы пропилить пластиковый кронштейн.

Я рассказала Барту про инструмент, и он пришел в восторг: «Отлично! Я наблюдал за точкой, которую ты упомянула на прошлой неделе, и пешеходы там исчезают вскоре после того, как закрывается торговый центр. Камеры там вне досягаемости, но это новое приспособление – самое то».

Глава XI. Спрингфилд в осаде: камеры № 10,11,12 и 13

Мы добрались до торгового центра сильно позже закрытия, но достаточно рано, чтобы шоу в соседнем баре заглушило любой подозрительный шум, который мы могли бы производить. Мы стояли по бокам от первой камеры. Я высвободила короткую веревку и перебросила через камеру стальное звено. Угол был неправильный, и оно отскочило от стены, но Барт поймал его прежде, чем оно бы ударилось о металлическую решетку под нами.

– Слава богу! Приготовишься сделать так снова, если что?

Мы повторили это еще пару раз, пока нако-

нец я не попала звеном через камеру. Я протянула веревку еще немного, пока пила не оказалась прямо на металлическом кронштейне, но тут я решила поменять план.

– Давай посмотрим, что произойдет, если мы просто потянем.

– Ок, раз, два, три!

Мы оба дернули как следует, и проволочная пила развалилась пополам, при этом направив камеру вверх.

Фак. Я сломала мою новую игрушку, используя ее неправильно, а никакого запасного плана у меня не было. Я задумалась: «Давай посмотрим, достаточно ли длинна остав-

шаяся веревка, чтобы просто перебросить ее и потянуть вниз, поскольку паракорд более прочный». Ранее я убедилась, что кронштейны недостаточно хрупки для того, чтобы их можно было сдернуть тонкой нестатичной веревкой, поэтому я и решила смастерить приспособление по типу пилы.

Но я ошибалась. Эту камеру мы, потянув, убрали легко. Барт схватил камеру и перерезал провода, которые были прикреплены к зданию.

– Хочешь, разделаемся с еще одной или на сегодня все? – спросила я.

– Давай еще!

Теперь, приспособившись к веревке со звоном, я с легкостью перекинула ее через вто-

рую камеру, которая поддалась так же просто, как первая.

Обычно на это месте я бы пошла домой. Выбраться, обработать точку, вернуться домой – таков был мой стиль, он был консервативен, но безопасен. Но тут я поняла ценность совместной работы: вам весело и вы подталкиваете друг друга на большее. Если какие-то задания и кажутся работой для одного человека, двум людям достает смелости и дерзости, чтобы сделать это побыстрее. Вместо того, чтобы пойти домой, мы пошли и сняли еще две камеры с крыши, и я заснула, чувствуя себя превосходно.

Глава XII. Думай глобально, круши локально

Как мы позже узнали из неофициальных источников, работавшие в торговом центре люди сплетничали и строили версии по поводу того, что случилось с камерами. Тут мне пришло в голову, что у любого бизнеса, камеры которого мы уничтожали, есть хозяин, который должен был злиться или даже испытывать страх, но у которого есть и работники, которые точно замечали, что камеры исчезли и либо не придавали этому значения, либо считали, что это забавно. Без сомнения, когда боссы вызывали полицию, те отвечали: «Да, у нас серия подобных случаев за последнее время...» – так и распространялись слухи.

Это было иррационально, но я иногда сочувствовала тем людям, чьи камеры мы ломали. Некоторые из них были владельцами маленького бизнеса, которые, возможно, воображали, что кто бы не сломал камеру, он придет затем, чтобы ограбить их или что-нибудь такое. Важно помнить, что отдельные люди не обязательно действуют

целенаправленно, со злым умыслом, чтобы построить целую тоталитарную систему, да она фактически никогда так не строится. Если каждая камера является частью большей системы камер, которые успешно следят за нами каждый раз, когда мы выходим из дома, имеет ли значение, кто поставил ее? Разве кто-то из этих людей будет сопротивляться, если полицейское государство затребует пленку для приобщения к делу? Потребуется ли вызывать их в суд или они просто передадут ее как добропорядочные граждане? Да какое это вообще имеет значение, с тех пор как большинство камер наблюдения подключено к интернету, и мы знаем, что АНБ (*Агентство национальной безопасности – «Автоном»*), да и вообще любая другая государственная организация имеет доступ практически ко всему, что находится в интернете? Так что это фактически камеры АНБ. Каждый владелец просто играет свою небольшую роль в этой системе надзирательского феодализма.

Глава XIII.

Компания Любителей Анонимности: камеры № 14, 15, 16, 17 и 18

Все опасения по поводу привлечения второго человека, которые у меня были, исчезли. Барт сходу взялся за дело, исследовал, проводил разведку и, заставив меня понервничать, самостоятельно снес пять камер на той же неделе, когда мы убрали четыре.

– Я никогда бы не сказала, что ты не должен разбираться с камерами в одиночку, но подумай о том, чтобы немного сбавить темп; мы же хотим иметь возможность делать это и дальше. Конечно, нам придется изрядно потрудиться, чтобы серьезно сократить их количество, но если мы будем сохранять нерегулярные перерывы между вылазками, у нас будет больше шансов не быть пойманными. Я не хочу удерживать кого бы то ни

было от того, чтобы уничтожить все камеры в мире, но если ты сбавишь темп, мы будем дольше в игре.

Я поговорила с ним о моей личной политике не бродить особо в тот вечер, когда я собираюсь атаковать камеры, чтобы не попасть на запись в том районе.

– Я понимаю, что это выглядит избыточной предосторожностью для каждого случая мелкого вандализма, но если каким-либо образом они поймут принцип и решат обозначить это как какой-то вид активизма, то на дело пойдут деньги федерального расследования, и мы не пожалеем, что позаботились о безопасности.

Глава XIV.

Незаконченное дело: камеры № 19, 20, 21 и 22

Решившись продолжать работу над так называемыми антивандальными камерами, я пошла в Lowe's и взяла молоток и самое большое долото, какое смогла найти.

Мы пригнулись к земле и замаскировались за закрытым офисом через улицу, дважды проверили инструменты и надели перчатки. То, что казалось обычным зимой, выглядело криминально-абсурдным жарким и влажным летним вечером. Мы ждали перерыва в неплотном потоке забулдыг, все еще пытающихся найти дорогу от закрывшихся баров до дома. На улице в тот час были только пьяные, таксисты, копы и преступники.

Мы быстро перебежали улицу, направляясь к цели. Я приставила режущий конец до-

лота к колпаку и начала методично бить по рукоятке молотком. Замахивалась и замахивалась, дюжину раз как минимум. Электрическая коробка, к которой был прикреплен колпак, издавала громкий низкий «бум» при каждом ударе. На поверхности купола появилась россыпь глубоких отметин, но долото не продвигалось вглубь до самой камеры.

– Машины! – театрально прошептал Барт, и мы, не слишком торопясь отбежали вглубь, на безопасную дистанцию.

– Не пойдет, время для плана Б, – сказала я и вынула из сумки баллончик с черной матовой краской и потрусила обратно к камере.

– Все чисто, – сказал Барт, просматривая улицу в обе стороны. Я покрыла колпак толстым слоем краски и распылила ее еще

и вокруг, позволив краске стекать, так чтобы любой прохожий мог издали сказать, что этот узел паноптикума выведен из строя. Мы пошли и покрасили другую камеру под колпаком в другой части города.

– Будем за ними смотреть, чтобы узнать, сколько им потребуется времени, чтобы очистить их и узнать, не остаются ли в результате этого процесса царапины или помутнение на куполе. Такую штуку мы могли бы делать под какие-то временные события, типа марша или чего-то в этом духе, но в качестве постоянного метода это, конечно, не годится.

Мы снова были разогреты адреналином и не готовы успокаиваться, так что подошли к ресторану, на котором были две камеры, направленные на тротуар, который они считали границей своей собственности. Мы взаимодействовали уже более естественно. Мы приблизились, практически не разговаривая, я посмотрела в обе стороны – «Чисто!» – и мы оба прыгнули, схватили камеры и крутанули их. Они остались у нас в руках, и мы убежали тем же путем, что и пришли, в жилой квартал, где мы размаскировались, сняли наши яппи-наряды и ушли в ночь.

Глава XV. Разведка

С тех пор как Барт указал на две камеры снаружи торгового центра, я не могла перестать думать о них. Всякий раз, когда я проходила мимо, я смотрела не только, чтобы придумать, как их снять, но чтобы увидеть, как передвигается там народ. Когда в этом районе куча людей? Когда никого?

Как-то вечером у меня было немножко свободного времени, и я решила, то могу его потратить, сидя снаружи торгового центра. Большую часть времени я сидела далеко на скамейке, но я ожидала, момента как подберусь к камере поближе, чтобы проверить проход, который не было видно со скамейки, так что я была одета в неприметную одежду и яркую желтую куртку. Яркая желтая куртка – это уловка, которую я взяла из изучения психологии опознания: люди запоминают только самую заметную деталь в тебе, такую как яркую майку или кричащие ботинки и на этом успокаиваются. Позже я стала использовать этот трюк, передвигаясь во время разведки иначе, чем обычно, перед камерами, которые я планировала убрать сама.

Я сидела снаружи торгового центра и наблюдала. За полчаса никто и рядом с камерами не прошел. Я поменяла точку наблюдения и проверила проход. Никого. Странно. Я сидела еще немного на скамейке и пошла домой. Если бы вечер, в который я проводила разведку, был исключением, я бы вернулась на следующий вечер. Была пятница, а камеры были прямо рядом с баром, так что я была уверена, что если никто там не прошел это время, это не случайность. Я подошла за час до того, как бары закрываются. И опять никто не прошел. Я понаблюдала двадцать минут, достаточно долго, чтобы убедиться, что работать на этом месте будет просто. Очень просто. Но и чертовски весело.

*Перевод текста, опубликованного
CrimethInc. ex-Workers' Collective,
автор указан как Seldom Seem Simpson*

Итальянский автономизм: Тони Негри и «дело 7 апреля»

Как в послевоенной Италии возникло движение автономов и почему большинство рабочих групп не поддержало авангардную вооруженную борьбу «Красных бригад»? «Автоном» публикует вступительную статью к книге «Судебный процесс. Антонио Негри и "дело 7 апреля"», в которой собраны расшифровки главных моментов суда по делу Негри и других итальянских политактивистов и интеллектуалов, входивших в организации «Рабочая власть» и «Рабочая автономия».

В отличие от французского мая 1968 года или американских студенческих протестов и контркультуры, итальянская «жаркая осень» не вошла в устоявшийся архив образов «бунтарских шестидесятых». Причина этого «умолчания», вероятно, кроется не в ограниченной региональной значимости итальянской протестной волны – с конца 1980-х «итальянская теория» активно присутствует в общемировом интеллектуальном поле, не говоря о социально-критической линии итальянского кинематографа – а в чем-то ином.

Итальянские волнения растянулись почти на целое десятилетие, что выделяет их из ряда других протестных мобилизаций середины XX века. Они не вписались в при-

вычный исторический ритм эпохи, где почти сразу же за массовыми выступлениями и утопическими грезами следовал этап резкого спада и разочарования. Выбившись из этого стандарта, «итальянская аномалия» не вошла в традиционную поп-культурную историографию современности. Таким парадоксальным образом именно сила и живучесть протестных движений может быть причиной их сравнительной безызвестности. Эта устойчивость не являлась результатом случайного стечения обстоятельств. У нее были собственные как исторические, так и концептуальные предпосылки, совокупность которых смогла образовать оригинальный и цепкий политический ассамбляж.

Предпосылки «жаркой осени»

Послевоенная Италия – страна множества противоречий, в первую очередь региональных. Процесс образования единого национального государства из нескольких монархий завершился лишь к концу XIX века, и следы этого объединения отчетливо проступали в различии между промышленным модернизированным севером и архаичным аграрным

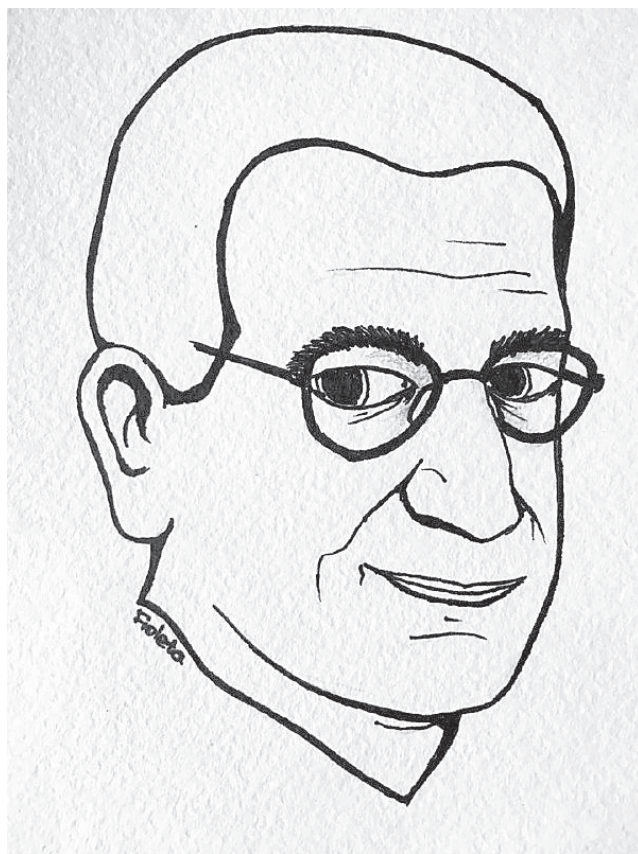
югом, где политические и экономические отношения до сих пор сохраняли явные феодальные черты. Это различие привело к устойчивой внутренней миграции «диких» религиозных южан в фабричные города севера.

Другая, не менее важна черта – наследие итальянского фашизма. Победа союзников

во Второй мировой войне, с одной стороны, ознаменовалась бедственным экономическим положением Италии, нашедшим яркое отражение в классике неореализма, с другой, усилением левых и, в частности, коммунистических движений, которые с 1920-х годов находились в подполье. Выйдя на широкую политическую арену, обретя уверенный легальный статус, коммунисты надеялись прийти к власти демократическим путем, «объединив рабочих и другие группы населения против узкой прослойки капиталистов, которые объективно были причастны к фашизму». Отчасти эта ставка на политическую гегемонию, отчасти марксистский «экономизм» с его упором на технический прогресс производительных сил предопределили внутреннюю стратегию коммунистической партии и лояльных ей профсоюзов: экономический рост, модернизация и национальное благосостояние вместо конфликтной «революционной» стратегии.

И у этой установки были свои причины – уже к концу 1940-х годов экономический уровень Италии сравнялся с предвоенным. А в 1950–1960-х и вовсе продемонстрировал впечатляющие темпы роста, сравнимые разве что с послевоенными успехами Германии. Этот феномен получил название «итальянское экономическое чудо», но у этого чуда была и обратная сторона. Одним из ключевых факторов роста был доступ к дешевой рабочей силе (которую восполняли мигранты с юга). Следовательно, на благосостоянии рабочих эти экономические успехи сказывались куда скромнее, чем на общих экономических показателях. Более того, рост был обеспечен не только умеренными зарплатами, но и введением поточного конвейерного производства, которое сочеталось с усиленным дисциплинированием рабочих на тейлористский манер.

Наконец, в 1960-е годы в итальянские университеты (так же, как и во многих дру-

гих странах Запада), где прежде обучались в основном выходцы из обеспеченных слоев, массово пришло новое поколение студентов – дети рабочего класса, который сумел поправить свое состояние в предыдущее десятилетие. Им было суждено пополнить ряды технических специалистов на предприятиях и государственных служащих. Как и их французские и американские сверстники, итальянские студенты испытывали сильное влияние со стороны левых политических групп, которое усиливалось «коллективной памятью» их родителей о периоде сопротивления и антифашистского подполья. Но кроме традиционных для других стран радикальных течений, в Италии набирало силу отдельное направление с недвусмысленным названием *operaismo*, что дословно можно перевести как «рабочизм».

Операизм

Ключевое отличие операистов от других марксистских течений лежит в особом отношении к категории рабочего класса. С их точки зрения, рабочий класс – это подвижный, мутирующий феномен. Его изменчивость – результат сопротивления рабочих капиталу, который, в ответ на это сопротивление, также вынужден постоянно менять свою форму. Таким образом, любые сциентистские и догматические прочтения Маркса, оперирующие рабочим классом как статичной данностью с набором неизменных свойств и атрибутов, оказываются не способны ухватить феномен в его актуальном состоянии и, как следствие, выработать адекватную революционную программу. В результате основным объектом операистских исследований становится «классовая композиция» рабочих – «различные формы поведения, которые возникают, когда конкретная форма рабочей силы вовлекается в специфический производственный процесс».

«...требования рабочего класса должны включать не только экономическое, но и политическое равенство, не только в публичной сфере, но и на уровне производства...»

Это внимание к «конкретным формам» породило особую линию социологических исследований труда. Операисты проводили глубинные интервью с рабочими, пытаясь выявить актуальные для них проблемы, понять их чаяния, а также выработать практики участия и сопротивления трудовой организации. Важной особенностью этих исследований было размывание традиционных границ между исследователем и объектом исследования. В дальнейшем эта практика получила название «со-иссле-

дований» или «контрисследований» и получила распространение в академической среде.

С этим же вниманием к «конкретным практикам» связана особая операистская чувствительность к технологиям. С точки зрения операистов, техника, в особенности средства производства, никогда не является нейтральным инструментарием. В ней материализуются капиталистические формы организации труда, непосредственно связанные с потребностью контролировать и эффективно отчуждать производительные силы рабочих. Технологии становятся отражением нужд и потребностей классовой структуры, а производственная иерархия понимается не как результат эффективной экономической рациональности (которая сама по себе является лишь отражением логики капиталистического накопления), но как стратегия трансформации рабочего класса для нужд контроля и стабилизации.

Операизм был радикально эгалитарным и демократическим течением. Поскольку иерархии складываются не по естественным рациональным причинам, а являются инструментами капиталистического господства, то и стратегия сопротивления не может опираться на иерархические структуры. Напротив, требования рабочего класса должны включать не только экономическое, но и политическое равенство, не только в публичной сфере, но и на уровне производства.

Эти принципы вступали в жесткое противоречие с практикой традиционных профсоюзных организаций, которые к 1960-м годам превратились скорее в элемент взаимодействия между политическими партиями и собственниками предприятий, нежели в инструменты борьбы рабочих за свои

интересы. Бюрократизация профсоюзов привела к апатии и разочарованию рабоче-

го класса в политике, которую и стремились преодолеть «рабочисты».

Политика фабрики

Операисты полагали, что вместо того, чтобы руководствоваться идеологизированными представлениями о рабочем классе и его «объективных» экономических интересах, как поступали традиционные левые профсоюзы и парламентские партии, необходимо создавать альтернативные автономные организации, способные формировать собственную повестку требований. Чтобы избежать традиционного для левых авангардизма, в своих практиках и структуре такие организации должны быть имманентны актуальной «классовой композиции» рабочих.

В результате на крупнейших индустриальных предприятиях Италии при активном участии операистов возникли целые сети неформальных низовых инициатив. Активисты этих комитетов делали ставку не только на межличностные дружеские связи, но и на особый пласт знаний рабочих о своих фабриках. Благодаря этим знаниям они оказывались способны к эффективному перехвату контроля над производством у «хозяев» и управленцев.

Не последнюю роль в обеспечении этого знания сыграли политически ангажированные технические специалисты, которые лишь недавно закончили университеты. Вопреки естественной динамике, они не образовали отдельную касту, а выступили единым фронтом с рядовыми рабочими. Но значение университетов для протестующих не ограничивалось индоктринацией будущих сотрудников. Студенты также активно принимали участие в забастовках. Они не только участвовали в совместных

демонстрациях, но и оказывали моральную поддержку рабочим перед проходными и за стенами фабрик. Видимо, сказывалось рабочее происхождение многих из них и очевидная перспектива в будущем примкнуть к массе фабричных служащих.

В этом продуктивном взаимодействии коренилось ключевое отличие итальянских протестов от их европейских аналогов. Рабочие и студенты действительно выступали общим фронтом, поддерживая и усиливая друг друга. В результате за 1969–1970 годы произошла целая серия протестов и забастовок, а общее время простоя крупнейших предприятий достигло 440 часов.

«...Осознавая свое численное и стратегическое преимущество, рабочие начинали диктовать свой собственный, более гуманный темп производства, отвоевывая участки личного времени...»

Часто требования протестующих касались именно нематериальных аспектов работы – снижения интенсивности труда и строгости производственной дисциплины. Изнуряющий рабочий ритм конвейерной линии, а также жесткие практики подчинения и субординации ассоциировались у нового поколения рабочих с рассказами их родителей о трудовой дисциплине при фашизме. Осознавая свое численное и стратегическое преимущество, рабочие начинали диктовать свой собственный, более гуманный темп производства, отвоевывая участки личного времени.

К этому стоит прибавить протесты против намеренной сегрегации различных групп рабочих с последующей разницей в оплате труда. Более молодое поколение рабочих, состоявшее в основном из мигрантов с юга, как правило, получало более скромное жалование. Несмотря на то, что конвейерный труд требовал практически идентичных навыков, система управления кадрами намеренно поддерживала многоуровневую

шкалу формальных статусов. Это позволяло укреплять лояльность и послушность работников – те, кто получал меньше, стремились выслужиться и получить повышение, а те, кто получал больше, боялись потерять привилегии. Таким образом, требование единой оплаты носило не только идеалистический, но и стратегический характер.

АВТОНОМИЯ

Логика анализа взаимосвязи между иерархиями и различиями социальных групп в отношении к наемному труду (например, разница в оплате между мужчинами и женщинами, значение безработных для рынка трудовых ресурсов), активная роль образовательных и других социальных институтов государства всеобщего благосостояния, а также классический марксистский упор на первостепенное значение производства в социальной структуре, приводит движение к расширенному пониманию классовой политики.

Все общество за границами фабрики начинает рассматриваться как элемент ее инфраструктуры – фигура «массового рабочего» начинает трансформироваться в «социального рабочего». А вместе с ней изменяется состав движения, расширяется тематика и репертуар действий, а также общая стратегия независимых от левых партий, то есть автономных, движений.

Этот поворот к вопросам воспроизводства предвосхищает энергетический кризис и экономический спад середины 1970-х. Правительство Италии спешно начинает урезать социальные программы и повышать тарифы на электричество и проезд,

а предприятия сокращают сотрудников.

К этому моменту движение операистов уже начало проникать в самую ткань рабочих районов, а экономический кризис, который рассматривался активистами как дис-

циплинарный ответ на прошлые успехи, лишь подстегивает эту тенденцию. Сквотирование пустующих зданий, которое до этого было лишь маргинальным явлением, принимает массовый характер. В некоторые из них заселяются те, кто остался без работы, в других появляются первые социальные центры.

Распространяются коллективные формы экономического сопротивления – рабочие

отказываются платить за проезд по новым ценам. Явление получает столь массовый и организованный характер, что в некоторых местах активисты выпускают собственные билеты. Жители рабочих кварталов похожим образом реагируют на повышение тарифов на электричество – вносят плату, равную стоимости электричества для предприятий – в четыре раза ниже, чем для частных лиц. Иногда демонстрации заканчиваются у дверей супермаркетов, что вынуждает управляющих продавать товары по старым ценам и даже отдавать часть продуктов в пользу нуждающихся.

В то же время в эту низовую политику включаются новые коллективные субъекты. Феминистки, близкие к операистским журналам, формулируют идею оплаты за домашний труд, которая впоследствии распространяется широко за пределы Италии. Женщины из рабочих кварталов активно включаются в протесты против урезания образовательных школьных программ и здравоохранения. Аналогичные сокращения затрагивают университеты, которые также отвечают захватами и протестами, к которым массово присоединяются рабочие.

Вместе с этим ростом присутствия автономных движений на улице усиливается конфронтация с полицией и карабинерами, которая подогревается подъемом фаши-

стских группировок, связанных с силовыми структурами и мафией. На этом фоне, вместе с опасениями «чилийского» варианта развития событий, в движении разворачиваются многочисленные дискуссии о революционном насилии. К этому моменту движение уже окончательно превращается в разветвленную сеть групп и объединений, которые никто не в силах контролировать.

«...В целом же гипотеза обвинения строится на показаниях «раскаявшегося» после пяти лет тюрьмы члена «Красных бригад», который был осужден за убийство заложника на 27 лет...»

Большинство автономных коллективов (в том числе те, что формировались вокруг влиятельных журналов) выступают за отказ от «авангардистской стратегии» силовой террористической борьбы – с их точки зрения, тайные военизированные структуры будут оторваны от рабочего класса, так же как бюрократизированные профсоюзы, и такой тип политики приведет к очевидной маргинализации. Впрочем, некоторые активисты со сталинистскими симпатиями делают выбор в пользу вооруженного подполья. Именно из этой, второй группы борцов, рождаются знаменитые «Красные бригады».

«Свинцовые годы»

Конец 1970-х в прессе окрестили «свинцовыми годами». Уличное насилие, подстегиваемое терактами фашистских организаций и ультралевого подполья, достигает предела. Убийство лидера хри-

стианских демократов Альдо Моро подводит своего рода черту под этим процессом – с одной стороны, оно отталкивает общество от радикалов, с другой – легитимирует массовые репрессии. Многие активисты

покидают Италию, другие оказываются в тюрьмах.

Судебный процесс по делу об убийстве Моро получает название «дело 7 апреля» и становится беспрецедентным примером чрезвычайных мер для борьбы с терроризмом как в Италии, так и за ее пределами. В ход идут не только массовые аресты, но и специальные парламентские декреты, которые лишают подозреваемых базовых юридических свобод и гарантий: полиция получает право не допускать адвокатов к задержанным в течение 48 часов, а предварительный арест до суда может достигать 12 лет. Ситуация усугубляется тем, что главными обвиняемыми становятся не боевики, а публичные интеллектуалы, сотрудники постопераистского журнала *Lotta Continua*. Обвинение пытается доказать их причастность к убийству Альдо Моро, да и ко всей сети «Красных бригад».

Единственной уликой обвинения становится запись голоса «бригадиста», требующего выкуп за лидера христианских демократов. С точки зрения полицейского эксперта, этим анонимным вымогателем был один из интеллектуальных лидеров операистов Ан-

тонио Негри. В целом же гипотеза обвинения строится на показаниях «раскаявшегося» после пяти лет тюрьмы члена «Красных бригад», который был осужден за убийство заложника на 27 лет.

Спустя несколько лет после ареста, когда наконец начинается открытое судебное заседание, доказательная база обвинения рассыпается на части. Трое независимых экспертов опровергают выводы голосовой экспертизы обвинения. В довершение всего, один из лидеров «Красных бригад» отрицает какую-либо связь с Негри. Тем не менее подозреваемые не получают оправдательный приговор – вместо этого им вменяют новые, более «гуманные» обвинения. Так, Негри обвиняют в подстрекательстве к насилию и моральном оправдании убийств полицейских. За это ему грозит тридцатилетний срок, но избрание депутатом от Радикальной партии Италии наделяет его депутатской неприкосновенностью. Воспользовавшись моментом, Негри эмигрирует во Францию, где остается под защитой доктрины Миттерана. Его товарищи, получившие меньшие сроки, отправляются в заключение. Впрочем, некоторые из них, например, Паоло Вирно, даже умудряются извлекать из этого пользу: «В тюрьме, с моими товарищами у нас состоялись самые лучшие философские семинары в моей жизни».

Александр Бидин

«За такого человека никто не вступится»: как полиция и СМИ Чехии демонизируют анархистов

Совсем неподалеку, в одной европейской стране, так называемой Чехии, уже третий год анархистское движение переживает очень специфические для местного контекста репрессии. Полицейская операция «Феникс» заключалась во внедрении двух полицейских агентов в анархистскую группу, которое привело к провокации планирования атак на поезд с военной техникой НАТО и нападения на полицейских при выселении пражского сквота «Sibulka». Ни одной из атак не суждено было случиться – постепенно анархисты начали подозревать неладное и решили отказаться от запланированных акций. Однако агенты записывали все разговоры, место встреч активистов прослушивалось, однако без анархистов бы не было уголовных обвинений, а значит, премий, звездочек на погонах, увеличения полицейского бюджета и благодарной общественности. А все эти деньги, потраченные на операцию... ловушка захлопнулась, и операция началась.

В ночь с 27 на 28 апреля 2015 года в по меньшей мере пяти городах Чехии было задержано около двух десятков людей, близких к анархизму, всех их допросили по подозрению в терроризме. Часть задержанных отпустили после допросов и обысков. Полицейскими были захвачены сервера, так что большинство местных анархо-сайтов не работало долгое время.

Почему «Феникс»? Возможно, это отсылка к одноименной операции против парти-

зан во время войны во Вьетнаме, а чешская полиция решила примерить на себя образ доблестных «янкиз» и словить местных партизан. А может, название акции берет свое начало в одноименном анархистском повстанческом манифесте, появившемся несколько лет назад.

О подробностях этого дела мы поговорим с Игорем Шевцовым, анархистом из Иркутска, который сейчас живет в Чехии. Он не понаслышке знает о репрессиях, его долго держали в чешской тюрьме по подозрению в атаке «коктейлями Молотова» на дом министра обороны Чехии и испытал на себе судебный запрет на посещение анархистских мероприятий за участие в нанесении ущерба собственности пражской тюрьмы «Ruzyně».

P.S. Интервью было взято, когда рассматривалось дело. На данный момент его фигуранты оправданы и получили компенсации.

– Как вообще обстоят дела с операцией «Феникс»?

Официально операция «Феникс» сейчас как бы переживает свою заключительную стадию. После всех арестов, похищений людей, рейдов в домах и анархистских центрах, внедрения полицейских агентов и освобождения троих заключенных в 2016 году начались суды. Мы до сих пор находимся под плотным мониторингом полиции, административным надзором и медиатравлей. В августе состоялись последние

слушания, и 22 сентября всех пятерых обвинённых оправдали. Прокурор подал апелляцию, так что предстоит еще процесс в Верховном суде.

Если мы посмотрим на операцию «Феникс» как на некую специфическую серию репрессий, то можно сказать, что она почти подошла к своему концу, но я вижу это по-другому: «Феникс» является родственной частью всех полицейских репрессий в Чехии и в мире вообще. С «Фениксом» связано мое дело об атаке на дом министра обороны Чехии, дело Лукаша Борла, обвиненного в создании «Сети революционных ячеек» (далее SRB), а также дело пяти анархистов, недавно обвиненных в распространении заявлений SRB о саботажах. Собственно, официальной целью операции «Феникс» было раскрытие группировки SRB и поимка ее членов. Позже оказалось, что арестованная троица анархистов обвинена в чем-то совершенно другом – подготовке террористической атаки на поезд с военной техникой НАТО, на это их должны были спровоцировать двое полицейских агентов.

«...Позже выяснилось, что заявление полиции о взрывном устройстве было медиа-приемом – Алеш имел дома всего лишь чуть больше пороха, чем разрешено чешским законом о ношении огнестрельного оружия...»

Я думаю, что можно говорить о «Фениксе» 2.0 или даже 3.0. Полиция имеет четко определенную группу анархистов, которую пытается контролировать, засудить, разобщить и демонизировать – даже с учетом того, что люди в этой «целевой группе» не обязательно друг с другом связаны.

– Теперь, когда прошел суд, и подсудимых оправдали, у них есть хорошие шансы выиграть дело и в Верховном суде. «Фениксу» пришел конец?

Лично я сомневаюсь. Я считаю эту операцию продолжением всех репрессий: и больших, известных всем, о которых напишут даже в газетах, и тех меньших, которые мы проживаем каждый день, и которые становятся нормальными деталями нашей повседневности. У чешского «Феникса»; есть много общего с остальными «монстр-процессами» против анархистов по всему миру. Операция «Тагнас» во Франции, репрессии против анархистов и коренных жителей Новой Зеландии, испанская полицейская операция «Pandora», операция ФБР «Blackfire» в США... Все они начинаются быстро, с максимальным привлечением медиа, демонизацией задержанных, громкими обвинениями, заключениями под стражу и, самое главное, почти полным отсутствием доказательств. Впоследствии люди сидят три месяца, год, два года... Обычно позже их отпускают, а потом суды их оправдывают или судят за какую-нибудь фигню, вообще не связанную с заявленной полицейской целью репрессий.

– А что происходит сейчас с теми, кто был арестован и задержан в рамках операции?

Алеш Кочи, анархист из Брно, был обвинен в хранении взрывных устройств и провел три месяца под стражей. Позже выяснилось, что заявление полиции о взрывном устройстве было медиа-приемом – Алеш имел дома всего лишь чуть больше пороха, чем разрешено чешским законом о ношении огнестрельного оружия. Алеш был лишен права на ношение оружия, получил условный приговор и был исключен из группы обвиненных в рамках «Феникса», так как между ним и остальными не было никакой связи. Петр Сова после шести месяцев тюрьмы был освобожден из-под стражи из-за ошибки прокурора, который вовремя не подал нужные документы для продолжения заключения. Мартин Игначак находился под стражей дольше всех и был освобожден

после 17 месяцев заключения усиленного режима. Он находится под административным надзором. Прокурор требовал у суда назначить ему и Сове по 12 лет.

Катарине Зезуловой также грозит тюрьма, кроме стандартного обвинения в планировании атаки на поезд она обвиняется в подготовке нападения на представителя закона. Здесь имеется в виду эпизод, в котором та же самая группа обвиняется в планировании обороны уже выселенного сквота «Cibulka» с помощью Молотовых.

Кстати, интересен тот факт, что материалы для Молотовых приготовили именно внедренные агенты, и даже выбрали место, где их спрятать. Именно они брали на себя роль

и в планировании атаки на военный поезд – они всегда покупали необходимый материал, возили все на машине, у них всегда были деньги, время и желание что-либо делать.

Тюрьма грозит и Саше Шчамбовой, которая тоже обвиняется в подготовке нападения на поезд. Радке Павловской прокурор требует назначить три года условно, за то, что она знала о планах, но не сообщила о них в правоохранительные органы. Радка, Катарина и Саша не были взяты под стражу.

В итоге, на скамье подсудимых сидят два анархиста и три анархистки. Я специально говорю так, как будто дело не закончено, потому что так и есть – в Верховном суде им все еще могут вклеить сроки.

– Ты отметил связанность «Феникса» с другими репрессиями против анархистов в Чехии. Что ты имел в виду?

Да, это как раз то, что я назвал «Фениксом» 2.0 и 3.0. Во-первых, суда ждет Лукаш Борл, анархист и активист уже не существующей «Сети солидарности» города Мост. После ареста обвиненных по делу «Феникса», Лукаш не раз замечал за собой полицейскую слежку и их усиленный мониторинг. Примерно осенью 2015 года Лукаш решил уйти в подполье, где успешно пребывал до сентября 2016 года, и оказалось, что не зря – вскоре после исчезновения полиция объявила его в розыск. В сентябре 2016-го Лукаш был задержан полицией в своем родном городе Мост.

«...полиции было нужно громкое дело, чтобы не потерять впечатление своей легитимности у населения, ну или чтобы полиция не снизили бюджет на следующий год...»

Лукаш обвиняется в создании, поддержке и пропаганде движения, направленного на подавление человеческих прав и свобод. Здесь имеется в виду «Сеть революционных ячеек» – группировка, которая взяла на себя ответственность за множество саботажей полицейских машин, атаки на машины особо злостных капиталистов, саботаж стройки роскошной резиденции и другие акции с весны 2014 года. Также Лукаш обвиняется в хранении поддельных документов, при задержании у него нашли польское удостоверение личности, сейчас он находится под административным надзором и ожидает суда.

Во-вторых, есть уголовное дело о «пропаганде движения, стремящегося подавлять человеческие права и свободы», то есть «Сети революционных ячеек». По сути,

пятеро анархистов обвиняются в том, что у них дома были анархистские брошюры и они размещали на сайтах заявления о саботажах от лица SRB.

– Есть догадки, каковы были ожидания полиции касательно итогов операции?

Тут может быть много догадок о том, какая цель была у операции на самом деле, и почему она вообще произошла. Например, полиции было нужно громкое дело, чтобы не потерять впечатление своей легитимности у населения, ну или чтобы полиция не снизили бюджет на следующий год. Как минимум, точно можно сказать, что полиция с помощью таких массивных арестов, обысков и в целом репрессий обновила свои знания о местном анархистском движении и о людях в нем.

На примере «Феникса» хорошо объясняется тактика «разделяй и властвуй». Полиция специально использовала обвинения в терроризме, потому что терроризм – это самое страшное чучело нашего времени. Обвинив кого-либо в терроризме, полиция кладет очень серьезное клеймо на обвиняемых и дискредитируют их политические убеждения, особенно в свете того, что каждый день по телевизору рассказывается о каком-нибудь терроризме. Проще говоря, словом «терроризм» можно обесценить политические мотивы разнообразных действий и людей, у которых нет ничего общего. Террористами всех этих разных людей называет государство, аргументируя тем, что они находятся в конфликте с заведенным порядком вещей, подводя знак равенства, к примеру, между анархистами и ИГ.

– Медиа раздули огромный пузырь, который поддерживали устрашающими заголовками об анархистах, которые хотели устроить террористическую атаку на поезд, а также называли их «первыми чешскими террористами». Удалась

ли полиции демонизация арестованных в связи с обвинениями в терроризме и экстремизму?

Когда полиция заявила об обвинениях в терроризме, сложилась очень нездоровая ситуация. Множество людей отступилось от поддержки арестованных товарищей, объяснив это опасностью и непродуманностью их поддержки при таких обвинениях. Это создало опасную пропасть между множеством анархистов и леваков, и теми, кто решил открыто поддержать арестованных. Такая ситуация ведет к маргинализации обвиненных. Это показало полиции, что их тактика работает – стоит обвинить кого-нибудь в терроризме, и никто за такого человека не вступится. Это и есть результат тактики «разделяй и властвуй» в нашем случае.

Эта ситуация подсушила нам, анархистам и анархисткам, ложный язык, которым мы должны защищаться от нападков медиа и полиции, и ложные цели, которые нам якобы нужно себе поставить. Язык, о котором я сейчас говорю, это язык таких терминов, как насилие-ненасилие, легальность-нелегальность, терроризм, экстремизм. Все эти понятия не были изобретены нами, мы ими не думаем.

Когда мы хотим действовать и менять мир, мы не должны думать о том, терроризм ли это, легально ли это, а не экстремизм ли это. На первом месте, на примере «Феникса», стоит спросить: чему служит военная техника? Кто обычно гибнет в военных конфликтах больше всего? И сколько таких людей не погибнет, если этот поезд с военной техникой не попадет на место назначения? Когда я отвечу сам себе на эти вопросы, дилемма «а не насилие ли это?» лично у меня отпадает. Если буду думать о том, поддержать ли наших товарищей, обвиненных в терроризме, я прежде всего спрошу сам себя, а также людей вокруг: кому будет

выгодна наша поддержка или демонизация? И кого это сделает сильнее?

– **Какие ложные цели были, как ты сказал, были подсунуты анархистскому движению репрессиями?**

Я имел в виду страх некоторых организаций, которые представляют анархистское движение, перед потерей мнимой популярности и общественного статуса. Уже до «Феникса» многие из них отказывались публиковать заявления SRB о саботажах, потому что опасались, что «люди не поймут» и что этим они привлекут лишнее внимание полиции. Я, например, считаю, что можно сколько угодно не соглашаться с SRB, но при этом публиковать их заявления, пусть и со своим критическим комментарием. Такие события, как саботаж SRB, очень важны для анархистского движения, особенно для Чехии это был в чем-то переломный момент. Думаю, что нельзя создавать цензуру других анархистских тактик, даже если мы с ними не совсем согласны. У меня встает вопрос, к чему вообще готовы все эти люди, делающие публичные акции, пишущие статьи в интернете, но боящиеся повесить на сайт сообщение о поджоге полицейской машины, потому что это может привлечь внимание полиции?

«... Такие события, как саботаж SRB, очень важны для анархистского движения, особенно для Чехии это был в чем-то переломный момент...»

Я вообще считаю, что иногда позитивная оценка может в медиа быть краткосрочной целью, которую нам надо достигнуть, или она может быть позитивным фактором, который нам поможет при случае, например, при выселении сквота, или конфликта с капиталистами. Но это не важнее, чем поддержка заключенных товарищей,

и определенно это не должно вести к замене нашего дискурса и нашей риторики на отмалчивание, или на «отзеркаливание» мнений, популярных в обществе.

– Изменился ли у вас подход к противодействию репрессиям?

Ну, в Чехии таких репрессий еще не было, поэтому многие вещи были для всех в новинку. Я тут три года живу, так что трудно сказать, как скорректировался подход к репрессиям. Для меня вот в новинку была прямая поддержка обвиненных и заключенных, их семей и близких, вокруг чего большинство анти-репрессивной деятельности и строится. Эта часть очень важна, как и публичные акции на поддержку заключенных, и бенефит-мероприятия, которые позволяют собрать все эти космические суммы на оплату адвокатов.

«...Неспособность признаться самому себе или своим товарищам, что ты чувствуешь себя очень плохо, что печаль одолевает и все задолбало, что не хочется выходить из дома, и что ты боишься, может очень сильно навредить и ослабить целый коллектив и все движение...»

– А что ты лично вынес из репрессий последних трех лет?

Я считаю, что очень важно поддерживать всех, на чьи плечи свалились тюремные сроки. Нужно заботиться друг о друге. Встречи с адвокатами, повестки на допросы, обыски, журналисты, суды... Все это может быть очень нелегко для тех, кому приходится это переживать. Думаю, это и есть одно из самых ярких впечатлений, которые мне оставили последние три года репрессий – эмоциональная тяжесть, связанная с прохождением всех этих кругов ада правосудия, а также с полной потерей анонимности, а зачастую и личного пространства.

Я слышал мнение одной анархистки, которая сказала, что в анархистской среде часто возникает нечто вроде мачо-позиции по отношению к собственным эмоциям или к тому, как мы переживаем репрессии и боремся против них. Я думаю, что она имела ввиду это отношение в стиле «ха, да что они могут, я ничего не боюсь, мне все по плечу». Такое отношение иногда возникает под давлением внешнего окружения, по отношению к которому мы можем чувствовать необходимость так себя вести и так говорить. Это может вести к абсолютному разочарованию и выгоранию. Неспособность признать самому себе или своим товарищам, что ты чувствуешь себя очень плохо, что печаль одолевает и все задолбало, что не хочется выходить из дома, и что ты боишься, может очень сильно навредить и ослабить целый коллектив и все движение.

Когда репрессии не имеют конца, менты дышат тебе в затылок, и ты осознаешь, что завтра тебя могут арестовать и посадить в тюрьму, но сохраняешь бодрость духа, продолжаешь борьбу и не унываешь – это просто отлично, ты можешь быть вдохновением и примером остальным. Но помни, что другие люди, с которыми ты стоишь на одной стороне баррикад, могут чувствовать себя по-другому и могут ощущать давление репрессий намного сильнее. Я думаю, самое лучшее, что мы можем делать друг для друга во времена репрессий (и всегда) – иметь такие вещи ввиду, проявлять взаимную заботу и не ждать, что другие выдержат все так же стойко, как и ты. Вместо этого стоит оказать поддержку тем, кому тяжелее. Я думаю, это и был мой урок, который я вынес из репрессий.

– Раз уж говорим о твоём личном опыте: в апреле 2016 года тебя судили за атаку на дом министра обороны Чехии Мартина Стропницкого, которую районный суд Праги №6 классифицировал как террористическую. Оказалось, что единственными доказательствами поли-

ции были десятки страниц протоколов с описаниями в стиле «Кто здесь самый главный анархист». Позже тебя осудили за съемку нанесения граффити на стену тюрьмы, в которой сидели наши анархистские товарищи и в которую попал в последствии и ты. Недавно вышли новости о том, что ты получил компенсацию, извинения, и что с тебя сняли обвинения по делу о граффити. Как твои ощущения от этих решений?

Высший суд Чехии и правда снял с меня судимость за съемку нанесения граффити на стену Рузинской тюрьмы в Праге, которое произошло во время солидарной шумовой демонстрации за наших товарищей, находившихся в той тюрьме. Высший суд постановил, что мои действия могут быть расценены как административное правонарушение. С того момента этим должна была заниматься администрация района Прага-6. Там чиновники решили, что мои действия не являются правонарушением. После двух лет уголовного дела и медиа-шума об анархисте, который хотел спалить министра обороны, меня полностью освободили и дело окончательно закрыли. Вот так вот, вроде был террористом, а в конце концов не судили даже за граффити.

Вскоре уполномоченное чешское министерство выплатило мне компенсацию в размере 360 тысяч крон и принесло официальные извинения за неправомерное уголовное преследование. Либералы и некоторые леваки, само собой, ссали в штаны от восторга – мол, наконец-то восторжествовала справедливость. Дескать, вот видите, государство-то не такое уж и плохое, если немного запротестовать, то все будет пучком. Я на это смотрел и мне было очень печально наблюдать это по нескольким причинам.

Во-первых, я считаю, что большинство местных леваков и борцов за права человека – весьма привилегированные люди, для которых все эти суды, демонстрации и этот активизм не является жизненной необхо-

димостью. Я не упрекаю их в этом, это просто факт, из которого вытекает другое обстоятельство: когда одни выигрывают суд, но видят, что в долговременной перспективе их бой станет лишь тяжелее, остальные хлопают друг друга по плечам и говорят, как хорошо они со всем справились и какие они молодцы. В то время как я осознаю, что нас как анархистов и анархисток в тюрьму будут сажать и при более либеральных правительствах, и при откровенной диктатуре. Они отчаянно цепляются за места в парламенте или за реформу законов ради того, чтобы правые имели меньше влияния. Тогда как мы как были на улицах и в тюрьмах, так и будем.

«...никакого удовлетворения от оправдания и компенсации я не почувствовал. Я думаю, это чувство знают все, кто прошел через долгие суды, приговоры и наказания...»

Во-вторых, каждый раз, когда получается добиться изменения закона, запрета чего-либо или выиграть судебное дело, эти люди воспринимают подобное как реальную победу. Если я спрошу, изменилось ли что-то на самом деле, они ответят, что множеством этих маленьких побед они изменяют государство и политику к лучшему. Но потом на моих глазах правительство и политики каждый раз получают с этих маленьких побед больше политических очков и легитимности, чем мы пользы и долговременных результатов нашей борьбы. Эти люди продолжают бороться за законы, за ту или иную партию, за благотворительность и так далее, а критику потом воспринимают как личное оскорбление всей их многолетней борьбы и писания петиций за какую-нибудь реформу. По их мнению, это деструктивное отношение к «позитивным политическим достижениям», либо несерьезный анархистский подход – «эти неразумные, но интеллигентные молодые люди хотят лишь бунта», скажут они.

И последнее: никакого удовлетворения от оправдания и компенсации я не почувствовал. Я думаю, это чувство знают все, кто прошел через долгие суды, приговоры и наказания. Я не могу чувствовать удовлетворения после того, как осознал, сколько других людей проходит через этот лабиринт законов и наказаний, и не за так называемую «политику», а за «бытовуху»: этим людям не достанется все внимание медиа, у этих людей нет пресловутого «движения», которое им скинется на адвокатов, организует публичную поддержку и будет писать письма в тюрьму. У многих людей, попадающих под лопасти репрессивной системы, просто никого нет, а если кто-то есть, то тюрьма и суды могут разделить их.

«...если есть шанс засудить ментов и государство и получить с этого деньги, при этом не особо затрачивая силы, которые можно использовать для реализации интересных идей, то такой шанс заслуживает раздумий...»

Когда я вижу всю эту широкую поддержку и внимание, я чувствую растерянность и злость от того, что я не имею малейшего понятия, как все это использовать в направлении подрыва «религии Государства» и его институтов, кроме того, как принять приглашение в телевизор и сказать там, что менты сволочи, что я и сделал. Я не знаю, как быть с тем, что сотни тысяч людей проходят через гораздо худшие процессы и никогда не будут в позиции, в которой нахожусь сейчас я – с полным оправданием, компенсацией и извинениями, в то время как леваки и либералы удовлетворенно кивают, хлопают в ладоши и пишут мне поздравления.

Была и дискуссия насчет того, положено ли анархисту вот так принять компенсацию

от государства. К счастью, среди анархистов нет никого, кто бы пришел и сказал: «Если ты примешь ее, то все, ты, короче, не анархист уже». Это и есть одна из самых важных вещей в анархизме – прежде всего я сам несу ответственность за свои решения и принимаю их. Кроме того, анархистское движение и мои близкие вложили намного больше, чем 360 тысяч крон, чтобы вытащить меня из-под стражи и заплатить за адвокатов – эти деньги не покроют всех расходов. Однако я допускаю, что другие люди могут занять политическую позицию не принять компенсацию, и такую позицию я уважаю так же.

Кроме того, если есть шанс засудить ментов и государство и получить с этого деньги, при этом не особо затрачивая силы, которые можно использовать для реализации интересных идей, то такой шанс заслуживает раздумий.

Наверное, стоит также упомянуть, что со времени, как меня взяли под стражу, менты всячески препятствуют мне в том, чтобы я получил какую-нибудь визу на пребывание в Чехии. Я вынужден быть здесь на основании временных разрешений, в постоянном ожидании решения чешского МВД. Видать, не светит мне здесь задержаться. Думаю, что из этого, как и из остального негативного опыта, нужно делать обстоятельные выводы и искать способы, как использовать такую ситуацию во благо.

– В России ты также испытал гостеприимство полицейских отделений, как, по-твоему, отличаются ли российские реалии от чешских?

Ну, смотря где, конечно. В целом, я считаю, чешская полиция более активно стремится к позитивной презентации своего образа населению. Полицейские отделения снаружи и в приемной часто выглядят чище и опрятнее... Ну это так, штукатурка.

Если попадете на допрос, бутылкой вас вряд ли изнасилуют, но вот люди из анархистской среды сталкивались с хорошо знакомыми анархистам и анархисткам в России явлениями: похищения, психологическое давление, так называемое превышение полномочий, рейды, маски-шоу с автоматами в шесть утра и так далее. Само собой, никаких иллюзий насчет европейских полицаев питать не стоит.

Думаю, интересно отметить одну деталь: ранее, как и российские полицейские, чешские копы не особо понимали, что происходит, когда кто-то освобождал животных из ферм, когда случались частые столкновения между антифашистами и ультраправыми. Они не обращали внимание, когда в девяностых в Чехии номера одного из самых старых анархистских журналов «А-контра» продавались в обычных газетных киосках. Проще говоря, копам бы туго пришлось с распознаванием «экстремистской угрозы». И если бы конкретные люди из академической социологической и юридической среды не построили карьеру на определении, описании, категоризации и систематизировании акций, явлений и организаций анархистского движения, как местного, так и международного, то полиция так бы и осталась в неведении. На практике это проявляется так, что, например, людей, проходящих по делу «Феникса», копы связывают с такими организациями, как «Заговор огненных ячеек» и F.A.I., на основе анализа и сравнения заявлений, акций, идеологических и теоретических текстов. Все это они бы вряд ли сделали без помощи ученых.

Еще один интересный пример: когда мне Верховный суд запретил анархистские акции, никто не знал, что это значит, и как такие акции определить. Служба административного надзора была в растерянности. Но, конечно же, ответственность за опре-

деление «анархистскости» мероприятий с радостью на себя взяла полиция, конкретно департамент борьбы с организованной преступностью, секция терроризма и экстремизма. Один особо «умный» капитан каждый месяц открывал сайт radar.squat.net, откуда выписывал почти все антиавтомобильные мероприятия в Чехии на месяц вперед, составлял табличку, посылал службе административного надзора, и указывал, что данные акции являются анархистскими.

Ну аля, запрещено: полиция, конечно же, не может запретить посещение каких-либо акций, но это может сделать служба административного надзора. Таким образом в течение нескольких месяцев мне запретили примерно 123 мероприятия, я посчитал. Концерты, FNB, демонстрации, фестивали, дискуссии, кинопоказы, все. Я, конечно же, нарушал и ходил, потому что менты хоть и контролируют, но сидеть дома под угрозой уголовного преследования и депортации хуже, чем под этой угрозой пытаться делать то, что хочешь. Ходил почти везде, куда хотел. Позже, мне приходилось иногда ходить отмечаться в полицию, когда проходили так называемые «рисковые» мероприятия, то есть акции, на которые я скорее всего пойду, по мнению полиции. За четыре зарегистрированных случая нарушения на меня почти было заведено уголовное дело.

В общем, отличия есть, но скорее декоративные, плюс взаимодействие академических кругов с полицией в Чехии гораздо лучше налажено.

Беседовал V.F.

«Шаг за шагом, система меняется»: рассказ участницы революции в Рожаве

«Автоном» публикует текст выступления немки Майке Нак, ставшей активнейшей участницей курдской революции и одним из лиц её женского крыла. В Москве Майке выступала в 2016 году как спикер «Фонда свободных женщин Рожавы». В силу вовлеченности, её мнение о происходящем в Рожаве нельзя назвать беспристрастным.

Сегодня в Западном Курдистине (Рожавя) местные жители пытаются построить систему народных ассамблей, добиться социальной справедливости и гендерного равноправия, установить подотчетность

и выборность военных командиров. Это напоминает лучшие порывы анархистов времен Гражданской войны в Испании или кооператоров после Русской революции, когда люди пытались построить свою жизнь по-новому. «Невале: революция в Курдистане» – это исследовательский медиапроект о Ближнем Востоке. Он рассказывает читателям о прямой демократии, гендерных проблемах и кооперативной экономике в регионе. «Автоном» и Nevale представляют рассказ Майке Нак из «Фонда свободных женщин Рожавы», которая выступила перед москвичами о ситуации на Ближнем Востоке.

Менталитет защиты

Революция в Рожаве началась на общей волне Арабской весны, в ходе которой курды решили претворить в жизнь свою социальную модель, вдохновенную идеологией демократического конфедерализма. Эту идею разработал Абдулла Оджалан, лидер Рабочей партии Курдистана (РПК). С самого начала Рожавя подверглась большому количеству нападений исламистских групп, таких как «Фронт Аль-Нусра» и «Исламское государство» (ИГ).

Есть три типа вооруженных сил: YPG\YPJ – для всей Рожавы, Asayiş – силы поддержания безопасности внутри городов. НРС – дружинники, охраняющие свои районы. Для каждой из трех сил есть исключитель-

но женское подразделение, что, безусловно, переворачивает ближневосточное сознание. Люди, встающие в ряды самообороны, делают это не просто для того, чтобы пойти в армию – они формируют новый образ жизни. Во время службы они проходят еженедельное образование: люди дискутируют о роли женщин, обсуждают все социальные и политические вопросы.

После начала Арабской весны с севера Ирака и Сирии сразу в нескольких местах ИГ нанесли удар по курдскому народу. На севере Сирии в ответ на эти атаки были созданы отряды народной самообороны YPG\YPJ. Но на севере Ирака ситуация отличается своей спецификой. В горах Шенгала проживает

много представителей этноконфессиональной группы курдов-езидов, не имевших на тот момент отрядов народной самообороны. Именно поэтому YPG\YPJ создали коридор безопасности, по которому люди из Шенгала смогли уйти в Рожаву. На помощь езидскому населению также пришли иракские сторонники РПК, которые занимают часть горных районов на севере Ирака. YPG\YPJ при необходимости всегда помогают людям выехать из мест проживания до совершения нападения со стороны ИГ. В Шенгале множество домов были заминированы или сожжены. На освобожденных территориях обнаруживаются доказательства поставкой Саудовской Аравией и Турцией оружия для ИГ.

В 2012 году практически без кровопролития отряды самообороны взяли курдские города и деревни на севере Сирии. Идея этих народных отрядов заключается не в милитаристском менталитете, а в менталитете защиты. Рожава зиждется на крови освобождения народа, и культура воспоминаний держится на борцах, погибших в этой борьбе. Это служит своего рода примером для того, что делать дальше. К середине 2016 года как минимум 3000 человек с курдской стороны погибли в этой войне. Из них как минимум 500 женщин отдали жизни, защищая свои земли.

В ряды YPG вливаются многие арабы, для которых культура памяти, которая есть у курдов, очень важна и показывает свой истинный гуманизм и уважение к павшим в боях. Да, в некоторых арабских деревнях люди к Рожаве не лояльны. Соответственно, есть опасения добровольной или насильственной вербовки в ИГ. В таких случаях YPG\YPJ настаивают на том, чтобы людей из

деревни переместили в другое место. YPG показывает путь нового взаимоотношения с людьми, и это меняет их отношение к курдскому движению в лучшую сторону. Если вам нечего есть или есть постоянная угроза для вашей жизни, то у вас может не оставаться времени для радикального мышления поверх основных инстинктов выживания.

Пространство для демократии

Сирийский Курдистан очень богат разнообразием культур, народов и религиозных идентичностей – здесь есть езиды, мусульмане-сунниты, алавиты, арабы, ассирийцы, курды, армяне. Исламисты с особой яростью нападают на довольно старые культуры и религиозные общины, имеющие в регионе долгую историю. Например, они с большой ненавистью нападали на ассирийскую общину, уничтожая ее церкви.

Представители всех народов могут собираться в Народном доме – это основа социальной организации Рожавы. Появилось пространство для собраний и обсуждений всех своих проблем, решений вопросов на основах ассамблеи, конструктивного высказывания и нахождения выхода из сложившихся ситуаций.

Люди в Сирии живут очень бедно, особенно в деревнях. Режим сирийской национа-

листической партии БААС создал сильную иерархическую систему. В этой системе лишь немногим людям позволялось иметь богатства и лишь немногие могли принять участие в процессе принятия решений. Это одна из причин распространения радикализма в регионе. Особенно в мышлении арабов, которые живут в беспросветной нищете и не знают пути, как выбраться из этой

нищеты. Но при этом сегодня арабы понимают, что они могут выразить свою волю и выразить свое мышление посредством создаваемой в Рожаве системы демократического конфедерализма. Здесь есть также советы, организованные по этническому признаку: например, арабские и ассирийские советы. А также отдельно советы для арабских и ассирийских женщин.

Революционная юриспруденция

Мы строим новый демократический конфедерализм, поэтому сам принцип наказания или штрафа в Рожаве отличается от общепринятого. Шаг за шагом эта система меняется: если в 2011 году у нас были обычные старомодные суды, то сейчас главное внимание уделяется низовым комиссиям в коммунах. Они занимаются модерацией и разрешением возникающих конфликтов. Система направлена на то, чтобы дать людям осмыслить происходящее и понять, что сделанное ими неэтично. Это касается всех видов преступлений, в том числе военных и социальных. Однако о военных преступлениях еще пока не думали и, соответственно, не выработали единой правовой позиции.

«...В структурах ИГ есть женщины на высоких положениях, которые даже рекрутируют других женщин в организацию...»

Приведу пример. По традиции, если женщина влюбилась и хочет выйти замуж, то мужчина просит ее спросить у отца о деньгах на свадьбу. Эти деньги являются ее собственностью – это как приданое в России, идущее с женщиной в ее новую семью, и в этом смысле охраняющее жизнь. Затем мужчина нередко забирает эти деньги и уматывает. В прошлом за это наказывали женщину, потому что считалось, что она

начала взаимоотношения до брака и, значит, украла деньги у своей семьи. По новым правилам нужно найти и наказать мужчину, потому что он совершил акт двойной эксплуатации. С одной стороны, он подверг эксплуатации эмоции и чувства этой женщины, а с другой стороны – украл деньги у ее семьи.

После поимки его отправляют на образовательные курсы, где он может подумать о своем неэтичном поведении. Все может зависеть от того, что он натворил. Он может быть даже заключен в тюрьму, но это не самый подходящий термин. Это скорее изолированное место для получения образования, где вы будете принудительно учиться вести себя этично. Дальнейшие решения происходят в зависимости от желания девушки.

Другой пример. В структурах ИГ есть женщины на высоких положениях, которые даже рекрутируют других женщин в организацию. Если такую женщину удастся захватить отрядам народной самообороны, то ее изолируют в эту как бы тюрьму и следят за ней. С ней ведется дискуссия о том, что она думает о себе. Нужно дать возможность изменить свои взгляды и воззрения, которые привели ее в такую фашистскую организацию, как ИГ. Мы это понимаем, поэтому особое внимание фокусируем на гендерных вопросах.

Женский передел

Очень много женщин взяли в руки оружие, чтобы бороться против ИГ. Разумеется, было очень много страха, связанного с этой войной, однако мы сумели мотивировать женщин взять революционный процесс в свои руки. Цель нашего женского движения – это преодоление патриархального способа мышления. Движение понимает патриархат, как систему легитимизации эксплуатации, подчинения, порабощения и насилия, в том числе – войны. Решение курдов заключается в построении общества, основанного на непатриархальных ценностях. Мы делаем другой фундамент – общинность, экологичность, низовая демократия и равные права для всех полов, религиозных и этнических групп.

Мы имеем систему со-председательства в любой организованной форме общественной деятельности. У каждой организации есть женская параллель, и из этой параллели вырастает общая организация. Поэтому ни одно решение не принимается без согласия женского движения. Для большей эффективности построены специальные женские центры.

1 сентября 2014 года была создана организация «Феминистского фонда на Ближнем Востоке». В учредительной группе были курдские и арабские женщины. Наша работа началась с того, что мы ходили от порога к порогу с вопросами о том, в чем нуждаются женщины. Первое небольшое денежное пожертвование мы получили только спустя полгода нашей работы, однако за счет нашей энергии нам удалось открыть четыре детских сада и женский центр. Наш главный капитал не деньги, а участие женщин в социальной деятельности. И сегодня женщины ведут очень традиционный образ жизни, одной из главных потребностей, высказанной ими во время опросов было то, что женщины нуждаются в образовании. Приведу цифры: 92% респондентов указали это своей главной

темой, 71% заявил о необходимости найти работу и желании принимать участие в революционном движении, 60% сказали о необходимости улучшения организации ухода за детьми. Они говорят, что в основном дети сейчас на улицах, а потому семьям нужны детские сады. Более 50% заявили, что необходима новая система здравоохранения.

Мы организовали работу нашего фонда по шести направлениям: здравоохранение, образование, исследование, экономика, проектные инициативы и кооперация. Первое, что мы сделали – открыли центры дошкольной подготовки. Существовавшие ранее центры мы преобразовали в детские сады и впервые дети получили возможность пойти в детский сад, где общение и образование ведется на их родном языке. Раньше в таких учреждениях воспитатели говорили только на арабском.

В Рожаве действует система коммун и советов – к нам обращаются люди, желающие открыть у себя детский сад. Мы не можем

особенно помочь им деньгами, но мы можем рассказать, как это организовать, чтобы они начали свою работу. Мы уже открыли семь детских садов. В Рожаве на сегодня 2000 женских коммун, так что впереди очень много работы, чтобы сделать детский сад в каждой из этих коммун.

Также мы занимаемся культурным досугом. Помимо детей мы работаем с родителями на родительских собраниях, чтобы помочь им организовать образование своих детей как воспитание сильных личностей. Нам

помогают доктора из Германии, Голландии и Турции. Но самое вдохновляющее в этой революции то, что ни одно государство на данный момент не дало ни копейки для ее поддержки. Но люди со всего мира собирают средства и сами принимают участие, приезжая сюда. Мир находится в кризисе, поэтому миру нужна революционная перспектива. Люди едут сюда, поскольку государства и нынешнее мировое устройство не дает им жизненных перспектив и ответов на их вопросы.

Здравоохранение Рожавы

После революции система здравоохранения, образованная государством, прекратила свое существование. При этом сейчас действует во многом капиталистическая система медицинских услуг. Принципы, на которых мы хотим организовать новую систему здравоохранения: во-первых, она должна быть для всех бесплатной. Во-вторых, она должна развивать систему практики и ухода.

«...проблема сделать аборт – это, безусловно, серьезно. Общество очень долго жило по феодальным законам и исламским законам...»

В конце 2014 года мы начали работу в Наруш, лагере езидских беженцев из Южного Курдистана. Особенность этого лагеря, в отличие от большинства других, заключается в самоорганизации и создании совета координации. Мы проводим здесь семинары по психологической поддержке и беседы с психологами. Также в лагере успели открыть женский швейный кооператив. Другой пример: мы отбили небольшой городок у игиловцев, и в таком злом месте нам хотелось сделать что-то хорошее, на-

правленное на благо всего народа. Когда мы открывали там центр здоровья, то пригласили всех матерей, чьи дочери погибли в войне с ИГ. Женщины, не умеющие толком читать и писать, обучились здравоохранению и дают семинары в своих районах.

При этом в Рожаве проституции нету. Однако внешние силы типа Иракского Курдистана и ИГ пытались внедрить ее появление в обществе. У женщин Рожавы нет особых причин заниматься проституцией. Если что-то подобное происходит, то силы правопорядка пресекают подобную деятельность – в первую очередь, женские отряды.

Конечно, не все идеально. Например, проблема сделать аборт – это, безусловно, серьезно. Общество очень долго жило по феодальным законам и исламским законам. В народной традиции было очень много шариатских элементов еще до прихода ИГ. Даже большинство женщин, изнасилованных ИГ, родили от них детей.

Сама семейная система как таковая сильно отличается, и брачное сожителство воспринимается не столь в сексуальном аспекте, как мы привыкли на Западе. Идея

большой семьи исходит из феодального мировоззрения на заботу о семье в будущем. В обществе распространен феномен, называемый «семейный либерализм». В рамках одной семьи могут уживаться люди из РПК, феодально мыслящие люди и люди, прак-

тикующие ислам. Это большая проблема – изменить менталитет общества, жившего в условиях авторитарного государства с укорененной исламской религией, на менталитет общества низовой демократии.

Религиозные нюансы

В Рожаве есть мулла, который является спикером Министерства религии. У него очень демократичные взгляды на то, как может быть организовано общество, но его главная проблема в том, чтобы донести эти взгляды до мышления всех людей, это очень сложно. Мулла потратил месяц, чтобы провести консультации с различными женскими организациями о том, как бы это лучше сделать. И он поступил очень мудро, подготовившись заранее к изнурительной работе, которая ему предстоит. Он изучил опыт женского движения, опыт противодействия убийствам чести, когда женщину, нарушившую патриархальные нормы, убивают ее собственные род-

ственники. Изучив эти практики, богослов создал базу знаний для дальнейших диалогов с другими муллами и их прихожанами.

Я думаю одна из причин таких больших успехов в Рожаве – понимание того, какую пользу женщины могут извлечь из революции. Сопротивление общества не самое подходящее слово, но, конечно, многим людям очень сложно изменить свой способ мышления. Для автономных женских организаций очень важно взять процессы освобождения от гендерной, этнической, религиозной и трудовой классовой эксплуатации в свои руки.

Экономические реалии

С самого начала очень большой проблемой было электричество. Люди во многих городах оказались фактически без него и без воды. Однако, сумев самостоятельно организовать небольшие электростанции в Камышло, они смогли делиться с другими городами. При этом 60% всех нефтяных запасов Сирии находится в Рожаве. Нефтедобыча обслуживает только собственные нужды – мы ничего не пускаем на экспорт. Большая проблема в том, что те люди, которые знали, как проводить очистку нефти, уехали из региона. До революции в Рожаве не шла очистка нефти –

вся нефть отсюда выводилась в другие регионы, и уже там производилась нефтепереработка. Это была колониальная эксплуатация региона, потому что живущие здесь не имели никакой прибыли от той нефти, на которой они живут.

«...женщины идут в авангарде этого экономического эксперимента. Они выполняют всю черновую и не только черновую работу. Они делают много того, чего мужчины не делают...»

Сейчас самое главное – наладить устойчивые производства. Здесь не было и нет никакой тяжелой индустрии, так как регион совсем недавно вышел из эпохи феодализма. Кроме того, тяжелая промышленность является частью эксплуататорской системы, поэтому пока что не планируется ее создание. Здесь планируют создать экологичную экономику, поэтому важно учитывать все обстоятельства, чтобы не наносить вред природе и человеку.

В Рожаве люди считают, что нет ненужности в новой капиталистической системе с традиционными инвестициями, через которые инвесторы стали бы эксплуатировать природу и человека. Вместо этого люди борются за возвращение общественной экономики. Это не та модель плановой экономики, как в СССР.

«...В сравнении с Германией все делается на благо народа, а не на продажу за рубеж...»

Здесь работает очень много небольших кооперативов до 20 человек. К примеру, швейные и сельскохозяйственные кооперативы. Наши женщины идут в авангарде этого экономического эксперимента. Они выполняют всю черновую и не только черновую работу. Они делают много того, чего мужчины не делают.

Нас часто спрашивают: допускается ли наемный труд в Рожаве? И каково здесь объяснение с точки зрения социалистической перспективы и всего такого? Над этим ведется работа, идет постоянное развитие. У нас есть производства, магазины, автомобильные мастерские, аптеки, рынки. Идея состоит в том, чтобы изменить подход к данному труду. К примеру – рынок. Тут есть некая логистическая необходимость

в том, чтобы люди могли получать еду. То же самое касается аптек. Когда я участвовала в ассамблее продавцов лекарств, они сказали несколько важных вещей. Например, у них были большие трудности с поставками из-за наложенного эмбарго, и мы решали, как обойти его и при этом не взвинчивать цены для населения. Это все обсуждается по всей Рожаве, ведь цены возросли на 200%.

При наших коммунах действуют экономические комитеты, и их первоочередная задача на сегодня – контролировать приемлемость цен для нужд всего населения. Стоит сказать, что учителя и воспитатели не получают зарплату. Они получают лишь то, что необходимо для существования. Система экономической поддержки распространена в каждой коммуне для контроля достаточности еды. В коммунах также есть производственные мощности: к примеру, места, где можно обмолотить муку.

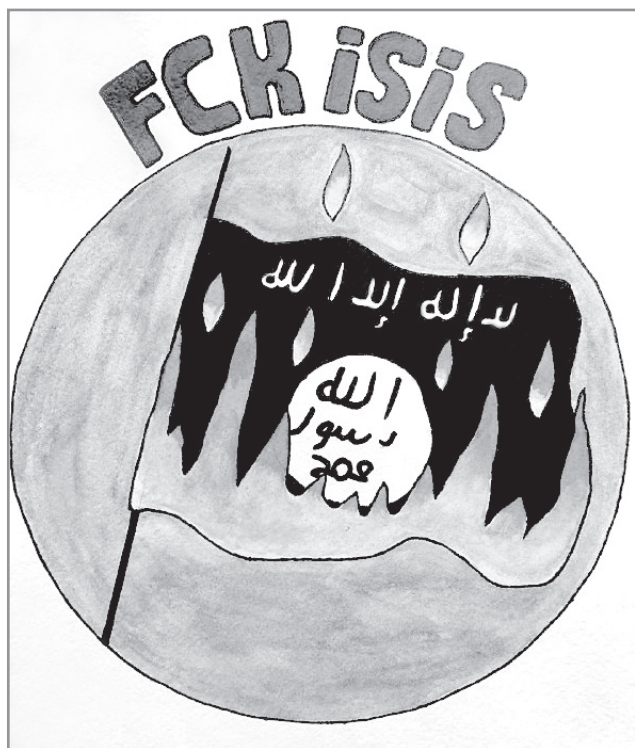
Мы можем сказать, что новая экономическая система в Рожаве действительно уникальна. В сравнении с Германией все делается на благо народа, а не на продажу за рубеж. И в обществе идет большая политическая дискуссия о том, можно ли эксплуатировать природу и человека. И если вы собираетесь открыть какое-то предприятие, то не будет ли оно делать перепроизводства. Все это этические вопросы, и они все время обсуждаются.

В коммунах, помимо советов, работают комитеты, которые занимаются организацией ее жизни в различных сферах. Кроме того, в этих же коммунах создаются народные дружины. Комитеты здравоохранения, комитеты образования и комитеты улаживания конфликтов между людьми.

Кооперативные перспективы

Задачи в получении большой прибыли у кооперативов нет. Если дела и продажи идут хорошо, то полученные средства ре-инвестируются в свой проект, либо инвестируются в другие проекты этого кооператива. Доходы распределяются по потребностям. Иногда работницам нужно ехать на такси, на это даются деньги. Также деньги дают на еду, повседневные расходы, мобильную связь. Но сейчас в Рожаве все еще наемный труд, люди получают зарплату в денежном эквиваленте. Однако меняется сама ментальность, само отношение к этому.

Богачи не очень любят Рожаву, потому что большинство из них уехало из страны, а оставшиеся не очень спешат делиться с остальными. Сейчас меняется отношение к собственности. Некоторые хотели бы немедленно забрать у богатых собственность и отдать коммуна, но это бы вызвало большую нестабильность в Рожаве. Рожава очень сильно нуждается в вещах извне. В частности, палатках для беженцев, медицинском оборудовании, и в этом смысле

ей нужно вести торговлю в классическом смысле этого слова. Однако идея Рожавы состоит в том, чтобы вся экономическая система была в коллективной общественной собственности для служения интересам всего общества. Такова экономическая стратегия Рожавы.

Интернациональная помощь

В Рожаву приехало немало воинов-интернационалистов, но тут никакой статистики по этому вопросу нет. Очень большую роль играют курды из других частей Курдистана (Восточного, Южного и Северного). Точная цифра неизвестна, но примерно 100 человек приехало из Европы, Канады, США и Австралии.

К нам люди из Иракского Курдистана приезжают, хотя там есть своя армия – пешмер-

га, но все очень непросто в политическом отношении. Например, было бы логичным ожидать поддержки в ситуации нападения исламистов, но вместо этого они ушли из Шенгала с имеющимся оружием и оружием, изъятым ранее у населения. Это произошло из-за того, что руководство Иракского Курдистана преследует свои цели, которые не совпадают с нуждами курдов Сирии, Турции и Ирана. Сегодня многие думают, что курды хотят собственного государства – од-

нако это не совсем так. Курды хотят только соблюдения своих прав и потребностей, а уже сформировавшееся не признанное ни кем полу государство на севере Ирака не защищает интересы простого народа.

Еще мы приглашаем делегации разных профессий, чтобы они приехали в Рожаву, увидели происходящие процессы и поучаствовали в них. В 2016 году попасть в Рожаву стало главной проблемой. Она оказалась полностью изолирована, и даже политические деятели не могли выехать или вер-

нуться обратно. Годом ранее границу можно было пройти из Турции и Южного Курдистана. Турция открывала ее, если хотела запустить игиловцев на территорию Рожавы. Тогда мы выпустили призыв к Южному Курдистану – открыть границу, потому что Рожава очень нуждалась в людях извне, в том числе во врачах и журналистах, которые бы осветили ситуацию. Мы хотели оказать давление на курдское правительство Масуда Барзани, ведь люди, пытавшиеся пересечь границу без разрешения, находились под арестом.

Вклад России

Нередко спрашивают о военной поддержке России, так вот, на 2016 год ее нет. Но Россия оказывает поддержку, в первую очередь, политическую – для обретения политического статуса региона. И, конечно, бомбя игиловские твердыни – впрочем, эти удары также уничтожают и гражданские постройки. У нас было несколько встреч с российскими политическими представителями о том, какая помощь первой необходимости может быть оказана Рожаве. В особенности для здравоохранения, социального строительства и национальной самообороны.

Однако между Россией и Рожавой нет альянса – он есть между режимом Асада и Россией. Отсутствие альянса означает, что Рожава не впадет в зависимость от России. Но мы должны сказать, что диалог, который ведет Россия с Рожавой, уникален. Подчеркну, что Рожава никогда не станет социальной системой, которая организована по примеру противоположных ей систем. Ее в сила в независимой организации, отсюда идеологические противоречия с Россией.

Призрак государства

Некотрые говорят, что люди теряют энтузиазм в отношении всего проекта, поскольку есть экономические трудности и социальная структура становится больше похожей на государство. Что ж, в обществе всегда есть противоречивая динамика. Конечно, люди из богатых и хорошо известных семей видят, что теряют свое богатое и привилегированное положе-

ние. Они не умеют отказываться от своей власти.

Поначалу эти люди, возможно, и поддерживали революцию, но спустя время они поняли, насколько это тяжело на самом деле. Не только освободиться от эксплуатации, но также перестать эксплуатировать других. Отказ от привилегий для них очень болез-

нен, даже если они считают, что революция – это что-то хорошее.

Люди, живущие много лет в Рожаве, формировались и получали образование, которое учило их жить в старой социальной структуре. Они привыкли к этим нормам внутри семьи и за ее пределами – к сожалению, это очень сложно изменить. В итоге всегда есть динамика отката, чтобы вернуться к рутинной, привычной жизни, которую люди вели раньше. Если мы оглянемся на четыре года или даже на 40 лет назад, то мы не увидим практически никакой курдской идентичности. У курдских женщин не было самосознания, а сам народ был угнетен во всех четырех частях Курдистана. Политика ассимиляции велась повсеместно.

Сейчас уже в двух частях Курдистана мы имеем со-председательства. Во всех четырех частях Курдистана действуют автономные женские организации начиная с уровня коммун до самых верхних уровней. Везде ведутся дискуссии об освобождении себя и своего мышления. Дискуссии о принудительных браках и о деньгах, которые взимаются для свадеб и об убийствах чести. Всюду действуют идеологические военные и социальные силы, которые защищают женщин от этого насилия.

Тенденции образования элементов государства тоже порой проявляются в обществе Рожавы. Но в ней существует большая система критики и самокритики. В обществе есть большая воля к тому, чтобы превратить себя в свободных личностей на свободной земле. Разумеется, предстоит проделать очень большую работу, чтобы стать свободным человеком. Как минимум, провести множество дискуссий, но тем не менее, я думаю, что людям удастся достигнуть этого уровня. И чем больше сложностей предстоит Рожаве испытать на этом пути, тем более сильной она станет впоследствии.

Для нас счастье наблюдать за путем развития Рожавы, поскольку вначале никто не верил Абдулле Оджалану и его плану пре-

ображения. В своей жизни он столкнулся с разными жизненными процессами и ситуациями. В особенности защиты организаций женщин – это поставило его под удар со стороны патриархально мыслящих людей. Однако его идеи распространились по всему Ближнему Востоку словно пожар, и этот пожар изменил немало людей. Каждый, кто принимает на себя такие идеи, берет на себя ответственность за поддержку этой революционной идеологии. И как здорово, что у нас есть общие идеи и общие цели.

Возможно, завтра я буду там, где вообще никто не слышал об этих освободительных идеях. И я расскажу о своих товарищах из РПК и союзных ей структур, которые погибли, ведя эту войну, тем самым я продолжу их борьбу. Слова, которые я вам говорю, через меня говорят и миллионы людей, живущих в Рожаве. Но не только из Рожавы, а также из диаспор и других частей Курдистана.

За время работы коллектива Hevale с июня 2015 года на русский язык переведены несколько десятков статей про Рожаву, изданы книги «Жизнь без государства» и «Курдистан: реальная демократия в условиях войны и блокады». Больше информации о революции в Курдистане: <https://hevale.nihilist.li>, <https://vk.com/hevale> и <https://t.me/hevale>.

«Россия финансирует много оппозиционных групп в Европе, которые нам очень не нравятся»

интервью с анархистами в Норвегии

Корреспондент «Автонома» взял интервью у двух участников норвежской анархистской организации Motmakt (название примерно переводится как «Против власти»). Норвегия и Россия имеют общую границу, но несмотря на это, связи между анархо-движениями двух стран почти

отсутствуют. Возможно, публикация интервью поспособствует налаживанию контактов. Связаться с Motmakt можно через их сайт и страницы в социальных сетях:

<https://motmakt.no>

<https://www.facebook.com/motmakt>

– Многие называют себя анархистами, но этот термин очень широкий и неопределенный. Как, по вашему мнению, лучше называть Motmakt? Анархисты, социалисты, левые, марксисты...?

– Как правило, мы используем термин «либертарные социалисты», что отчасти связано с норвежским контекстом: когда мы взаимодействуем с людьми, они понимают, о чём речь и кто мы такие.

– Ну и если ты просто говоришь, что ты анархист, тебя воспринимают как панка из сквота, примерно такой типаж. Это не обязательно плохо, но всё-таки хочется привлекать и более широкую аудиторию.

– Итак, «либертарные социалисты», но означает ли это для вас какое-то отношение к левой сцене, к социалистам? Что вообще для вас означает «социалисты»?

– Я думаю, «социалисты» тут значит просто, что мы против капитализма и хотим, чтобы

средства производства были в общественной собственности и управлялись коллективно демократическим путем. Это всё.

– Мы очень сильно ощущаем себя в лагере, ну или в исторической традиции борьбы за контроль над средствами производства. Конечно, есть и теории, особенно у автономистских левых, которые определяют себя за пределами существующей системы или ставят целью скорее стать автономным от системы, а не разрушить её целиком.

– Думаю, мы считаем себя частью исторического рабочего движения в Норвегии, с ним мы точно можем ассоциировать себя – но, конечно, критически.

– Многие сомневаются в том, что анархисты и либертарные социалисты вообще должны считать себя левыми. Я имею в виду, как вы видите себя в этом спектре «левое или правое»? Потому что есть мнение, что анархисты не левые и не правые, они вне этой оппозиции. Что вы думаете об этом?

– Трудно ответить за весь Motmakt. Лично я считаю, что конечно наша позиция в политическом климате в Норвегии слева. Именно в этом дискурсе мы обычно работаем и сотрудничаем с другими организациями и просто людьми именно как некая сила на левом фланге.

– Конечно, есть много вопросов к разделению на правых и левых, и можно спорить об этом до посинения. Но идея передачи власти в руки работников, идея борьбы против авторитетов и власти – всё это исторически было довольно сильно связано с левой политикой.

– По крайней мере, уничтожение частной собственности на средства производства точно.

– Но вы как-то расставляете приоритеты (если можно так выразиться)? Что для вас важнее: отмена частной собственности и возврат средств производства в руки рабочих или уничтожение централизованного государства и власти. Или для вас это одинаково важно? Что первично – классовая борьба или борьба против структур власти?

– Я думаю, вы можете прийти в такую организацию, как наша, и тем и другим путем, и мне кажется, они не противоречат друг другу. Да, левых много критикуют за классовый редуционизм, за то, что они слишком сосредоточены на классовых вопросах. Но мне кажется, что это не такая уж большая проблема на самом деле. Когда вы создаете новую организацию, вы можете одинаковое внимание уделить обеим сторонам, а конкретные рабочие группы или люди могут сосредоточиться на одной из них. Можно иногда сотрудничать с людьми, которые выступают против демонтажа государства, но это не определяет лицо всей организации.

– Я думаю, что переход производства в руки рабочих предполагает упразднение государства. Это невозможно сделать, не отменив централизованное государство.

– Да, я согласен. Эти вещи действительно связаны, но есть люди с более нейтральной позицией, при этом они вполне демократически и федералистски настроены... Например, люди в современном мире не обязательно выступают за немедленную отмену частной собственности в качестве первого шага. Но я думаю, что «чистая» либертарно-социалистическая традиция вполне может работать с теми, у кого цели слегка отличаются, и можно сотрудничать с людьми, не давая окончательных ответов. Вы просто работаете над разными проектами, типа «Я делаю это, а вы делаете то», не обсуждая, как подробно будет выглядеть общество после революции.

– Итак, перейдем от теории к практике. Вы недавно провели ежегодный конгресс, это был пятый, так?

– Пятый с тех пор, как мы стали федерацией.

– Вы можете кратко описать историю Motmakt. Как появилась организация, по каким причинам?

– Ну, Motmakt был основан в марте 2009 года, насколько я помню. Он произошел из движения, название которого можно перевести как «Либертарная инициатива».

– Значение слова «либертарный» немного отличается в норвежском. Это слово используется для либертарианцев и либертарных социалистов, но не для обозначения идеологии либертарианства (как в английском).

– **Это скорее то же значение, что в словосочетании «свобода слова»?**

– Ну да. Ну вот, и несколько человек собрали группу, которая хотела создать более формальную анархистскую или либертарно-социалистическую организацию. Более строгую организацию и более формальную структуру, чем всё то, что существовало в Норвегии раньше, потому что до этого, я бы сказал, анархистская политика ограничивалась работой с панками и сквоттерами.

– Исторически в Норвегии существовали анархистские организации и всякие инициативы, связанные с рабочей борьбой и прочими вещами. Но в то время, когда появился Motmakt, никакой другой формализованной анархистской организации не было.

– В последний раз формальная анархистская организация (любого размера) у нас была в 1970-е годы.

«...В то же время, хотя тут, может, и больше равенства, чем во многих других странах, но тут все еще есть бедность, и даже в Норвегии людей по-прежнему эксплуатируют...»

– **Но она исчезла?**

– Ну, её поглотила большая волна норвежских маоистских групп. Тогда произошло это великое общеевропейское молодежное восстание 1968 года, которое было очень децентрализовано, и анархисты могли в его рамках продвигать свою идеологию, но в Норвегии всё это движение довольно быстро проглотили такие хардкорные маоисты.

– **Да, революция 68 года была под сильным влиянием маоистов в принципе...**

– Да, конечно! Ну так вот, последнее воплощение норвежских анархистов в качестве организации было, видимо, тогда.

– Итак, шел 2009 год, для начала у нас была только группа в Осло, не очень многочисленная, там было, может, 10–20 человек первые 2–3 года.

– Скорее 10.

– Вероятно. Мы были сосредоточены на теории и построении правильных организационных структур и организационной культуры, таких как собрания и остальные формальности. Потом, году в 2012 появилась группа в Тронхейме.

– Это один из трех крупнейших городов Норвегии, в центре страны.

– Да, у нас появилась некоторая критическая масса и, соответственно, федерация.

– Мы тогда существовали как некая расплывчатая федеративная структура, без реальной коллективной формы ... Мы пробовали разные варианты, пока у нас не появилось уже 3 группы, и тогда... Ставангер ведь был раньше Бергена?

– Нет, Берген сначала.

– ОК, значит, Берген. Третий из крупнейших городов страны сформировал свою собственную группу, и по нашим правилам это был тот минимум, чтобы попытаться заставить федерацию работать как структуру принятия решений. И с тех пор у нас федерация, и мы провели уже 5 ежегодных съездов. На данный момент у нас есть активные группы во Фредрикстаде, Бергене, Осло и Тромсё. Тронхейм и Ставангер сейчас как бы на паузе. Всё это время мы пытались понять, как построить децентрализованную организацию, основанную на прямой демократии, в стране, которая довольно большая, на самом деле.

Отсюда, из Осло, до Тромсё ехать 21 час, например. Если столько же ехать в другую сто-

рону, вы за это же время окажетесь где-то в Турции. Поэтому есть некоторые чисто логистические проблемы для совместной работы.

– Многие, особенно в России, но я полагаю, что и во всем мире, считают, что Норвегия – это своего рода социалистический рай, страна с развитыми социальными программами и довольно гуманистическим правительством. Хорошие законы, хорошие люди, «доверие» – национальное слово и всё такое. Вопрос: зачем вам здесь быть либертарными коммунистами? Общество здесь действительно эгалитарное или это просто иллюзия? С какими проблемами вы боретесь?

– В чём-то общество в Норвегии действительно более эгалитарное, чем, скажем, в России, или США, или Испании, или Греции, или где-либо ещё. То есть, кое-что в Норвегии и правда намного лучше с социалистической точки зрения. В то же время, хотя тут, может, и больше равенства, чем во многих других странах, но тут все еще есть бедность, и даже в Норвегии людей по-прежнему эксплуатируют. Это не говоря

о том, что есть весь этот контекст Норвегии в международном глобальном капиталистическом порядке, подразумевающий ту роль, которую играет Норвегия, в легитимации эксплуатации повсюду в мире. Ну и мне как бы кажется, что это создаёт необходимость в появлении либертарных социалистов или анархо-коммунистов, или ещё кого-то в этом духе, в качестве ответа.

Ну и кроме того, в Норвегии заметно такое медленное смещение вправо: как уже говорилось, тут есть множество хороших законов и всякие штуки типа сильных профсоюзов, которые мы завоевали в последние 60 лет. Но сейчас правые правительства постепенно размывают и уничтожают всё это. Поэтому требуется ответ со стороны организованного радикального рабочего класса, потому что именно он когда-то этого всего и добился.

– Ну и в принципе Норвегия не застрахована от каких-то базовых тенденций капитализма. Так же, как в США и в Европе, рабочим движениям удалось завоевать какую-то власть – например, в США до Второй мировой войны и сразу после они добились больших уступок для рабочих. Но так же,

как и в остальном мире, начиная с 1970-х годов многие из этих побед теперь ставятся капиталом под вопрос.

– И это произошло таким образом, что у нас были очень сильные радикальные левые, которые требовали больших перемен, а потом они заключили соглашение с капиталом и государством, и это сотрудничество сконструировало требования работников таким образом, что они стали приемлемы для капиталистов и власти. В какой-то степени этот стереотип о скандинавских странах как социалистической утопии мешает людям осознать, что у них отбирают права.

Например, в прошлом году во Франции были массовые беспорядки, когда там попытались изменить трудовой кодекс. Практически такие же изменения, по той же схеме были реализованы в Норвегии за два года до того, людей тоже лишили исторических прав. Ответ от норвежского рабочего класса был – двухчасовой митинг. То есть, во Франции было два месяца беспорядков,

«...В Норвегии в профсоюзах нет такой тенденции избавляться от радикалов, как во многих других странах. Поэтому часто в существующих профсоюзах можно найти открыто работающих там людей из автономной левой сцены или из коммунистических партий....»

а в Норвегии постояли два часа, на сцену выходили какие-то артисты, министр правого правительства произнес речь, и прочее такое дерьмо. Таким образом, общественный консенсус в каком-то смысле облегчает задачу тем, кто хочет отобрать наши права, поскольку классовый антагонизм, конфликт интересов не так четко осознается в обществе.

– В Норвегии очень зарегулированы отношения между профсоюзами и работодателями. Есть много соглашений, которые

делают профсоюзы очень легалистскими: вместо того, чтобы использовать прямое действие, они нанимают юристов.

– В этом смысле докеры очень хороший пример. Три года шли трудовые конфликты, профсоюз работников транспорта и норвежские докеры занимались таким вполне себе хорошим прямым действием – но остальные профсоюзы Норвегии их практически не поддерживали.

– Забастовки случаются редко?

– Они не то чтобы случаются редко, но они скорее символические. Типа они неделю бастуют, а потом правительство говорит: «Так, хватит, давайте сядем и поговорим» – и забастовка прекращается, потому что так велит закон.

– Это всё очень формально, потому что законы (продавленные главной профсоюзной конфедерацией и главной конфедерацией работодателей) говорят, что бастовать можно только раз в год.

– Да, пока идут переговоры о новом контракте. Пока старый контракт действителен, бастовать нельзя.

– Таким образом, каждый второй год происходят переговоры, и если соглашение не достигнуто, то может быть забастовка.

– Но забастовки все равно происходят довольно регулярно, и люди к ним привыкли, хотя бы это хорошо. Забастовки бывают каждый год, но в международном контексте они выглядят странно, потому что они не такие радикальные и жесткие, как в других местах.

– Вы пытались помочь работникам организовать во время забастовок или других конфликтов? Какова роль Motmakt в этом?

– В Норвегии нет нормального синдикалистского профсоюза, кроме небольшой секции NSF, которая является частью Международной ассоциации трудящихся (MAT).

У них есть группа из 8 членов, но это, конечно, не настоящий профсоюз ни по каким стандартам. То есть, они, наверное, хорошие люди, но ...

– ...они в основном сидят и едят рыбный суп.

– Ну так вот, и в условиях отсутствия в Норвегии прямой профсоюзной или синдикалистской традиции, мы не пытались прямо создать отдельные профсоюзные инициативы, которые были бы строго в русле нашего политического направления. Тут пытались открыть секцию «Индустриальных рабочих мира» (IWW), но ничего не вышло. Но что получилось – это то, что у нас есть много участников, заинтересованных в работе с профсоюзами, и они установили отношения с существующими организациями. В Норвегии в профсоюзах нет такой тенденции избавляться от радикалов, как во многих других странах.

Поэтому часто в существующих профсоюзах можно найти открыто работающих там людей из автономной левой сцены или из коммунистических партий. Это формирует сеть контактов, которые полезны, когда случается реальная забастовка или ситуация, которая требует прямой трудовой борьбы. Мы пытаемся это всё использовать, распространять наш взгляд на эти конфликты, показывать, что можно устраивать забастовки с прямым действием, ну и вообще описывать, что должны делать профсоюзы с точки зрения анархистского активизма.

Этим мы занимались последние 4 года. Куда это нас приведет, это открытый вопрос. Видимо, нужно подождать и посмотреть, я не думаю, что кто-либо из Motmakt будет против создания собственного профсоюза, но это приведет нас в конфликт с существующей радикальной сценой в профсоюзах. Возможно, именно это мы в конце концов и сделаем, но, по крайней мере, благодаря этому сотрудничеству у нас есть опыт профсоюзной работы, опыт трудовых конфликтов, мы умеем строить отношения с мейнстримными профсоюзами, так что мы можем выйти из ультра левой изоляции.

– Хотелось бы верить.

– Мы почти случайно наткнулись на такую форму действий, и оказалось, что она работает. Нам удалось установить довольно хорошие отношения с множеством существующих профсоюзов, просто потому что они знают, что могут доверять нам, могут сотрудничать с нами.

– А кроме работы с профсоюзами какие другие направления деятельности есть у Motmakt? Какие-то конкретные проблемы?

– В этом году у нас были мероприятия в рамках движения «Верни себе ночь»: это в основном уличные демонстрации, типа «верни себе улицу». Главная тема тут – это то, что быть женщиной в городском пространстве совсем не то же самое, что быть мужчиной. К вам по-другому относятся, вас не пускают в некоторые места, и так далее...

– В основном это ответ на дискриминацию женщин и гендерно ненормативных людей. Тактика состоит в том, чтобы выходить большой массой и оккупировать городское пространство, чтобы привлечь внимание к насилию по отношению к не-мужчинам, которое каждый день происходит в Норвегии. Эта тактика очень успешна в Швеции, там это давняя традиция, но для Норвегии это необычно. Мы очень много работали с феминистской повесткой и с проблемами ЛГБТ-сообщества, на это мы тратим много времени.

Сейчас мы также развиваем международную солидарность с курдским сопротивлением в Сирии и Турции, а также в Саудовской Аравии и Ираке. Весь год мы проводили большую работу по сбору средств в разных формах. Мы пытаемся выстроить пространство для левой либертарной политики, например, организовывать концерты, культурные мероприятия, лекции, создавать сети контактов в университетах, в общем, стараемся нормализовать и структурировать существующую ли-

бертарную левую сцену Норвегии. Например, мы боремся за то, чтобы у нас было больше мест для собраний, физических пространств, которые принадлежат нам – в том числе мы несколько раз устраивали захваты зданий.

– Кроме того, в Осло в последние годы появилась коллективная организация против платы за проезд в общественном транспорте...

– Там было более 1000 участников, она была довольно успешной, но в конечном итоге власти её прикрыли.

– ...обвинили в незаконной оказании страховых услуг или чём-то таком, как будто они были зарегистрированной финансовой организацией с советом директоров и банковскими счетами.

– **Говоря об антирасистских инициативах: нацисты и бонхеды представляют реальную угрозу в Норвегии?**

– В последнее время они становятся всё опаснее, да. В начале 90-х годов в Норвегии была довольно большая наци-скинхед сцена, и они представляли реальную физическую угрозу на улицах Осло, регулярно атаковали левых, мигрантов и людей, которые выглядели неформально или как сексуаль-

ные меньшинства. Затем в 2001 году один неонацист убил 16-летнего иммигранта в Грэнленде. И, наряду с множеством структурных проблем, это привело к полному распаду их движения и их субкультуры. Так продолжалось довольно долго, если не считать русских нацистов: этот чувак по фамилии Дацик приехал в Осло и попытался открыть тату-студию рядом с парламентом, а потом его депортировали, в 2012, кажется году.

– А так у нас в основном антиисламские организации, такие как «Остановить исламизацию Норвегии» и «Норвежская лига обороны», которым далеко до того уровня угрозы, которую представляли собой раньше бонхеды, но всё равно их существование – неприятно. И вот в последние пару лет стало расти «Северное движение сопротивления» (Nordic Resistance Movement), они изначально были шведской организацией, но сейчас у них есть группа из 50–60 человек в Норвегии. Они делают все больше и больше шума, проводят мероприятия по всей стране, всё ближе и ближе к Осло. Но пока в Осло они не чувствуют себя в безопасности, так что для остальных людей тут опасности нет. Сейчас они в основном активны на южном побережье Норвегии, в Остфолде между Осло и Швецией.

– **Я слышал, что в какой-то момент нацистское движение в Норвегии было в значительной степени связано с музыкальной блэк-метал сценой. Это правда?**

– Раньше было. Это было так в начале 90-х годов, до эры наци-скинхедов. Но никогда не было так, чтобы основной поток людей шёл к нацистам из блэк-метала.

– **Почему-то часто такую музыку ассоциируют с нацистами.**

– Нет, сейчас такого очень мало. Нынешняя нацистская сцена отходит от использования субкультур – типа как раньше наци-панки пытались вербовать новых сторонников, опираясь на субкультуру. В целом, сегодня

они скорее позиционируют себя как нормальные обычные люди.

– Да, субкультурные нацисты, конечно, более привлекательны для журналистов, поскольку они не маскируются. Но реальные нацисты скорее действуют в духе «да, мы ваши соседи, наши дети ходят в школу с вашими детьми, мы нормальные, мы любим гулять в лесу».

– «...просто нам нравится бить людей»

– «Да, и ещё мы хотим убить пару миллионов человек». Они хотят выглядеть нормальными, а не субкультурными.

– ... то есть, они не выкладывают фотографии праздничного пирога в Инстаграм на день рождения Гитлера.

– А есть какие-то движения, похожие на альтернативных правых в США?

– Есть какие-то попытки, связанные с идентитаристской традицией, пришедшей из Франции, они что-то делают в Норвегии. Они взяли под контроль один журнал, и у них есть такая интеллектуальная сцена из 10 или 20 человек, но на самом деле они не представляют организованной силы и все время ссорятся. У них есть семинар, который объединяет идентитаристов и альт-правых из Америки, но на самом деле какого-то организационного выражения в Норвегии у них нет. Есть несколько сайтов по шведской модели «альтернативных медиа», вдохновленной частично США. Они там публикуют правую/нео-нацистскую/фашистскую/исламофобскую аналитику в связи с новостной повесткой. Некоторые из этих сайтов находятся в Норвегии. Они, как правило, очень маленькие, им не удалось получить широкого признания, которое необходимо для такой инициативы «культурного фронта».

– **Давайте перейдем от маргинальных движений к парламентским партиям. В Норвегии есть сильные левацкие партии, Рабочая партия и так далее. Вы, как**

Motmakt, ощущаете какую-либо разницу между ними и, например, консерваторами? Вы поддерживаете какие-то партии или для вас это все парламентская чушь?

– В нашей организации есть несколько мнений. Некоторые участники Motmakt одновременно состоят в левых партиях (в основном пассивно но всё же поддерживают их и иногда ходят на собрания), в то время как другие стоят на супер-антипарламентских позициях, бойкотируют выборы и всё такое. Но, по-моему, большинство участников нашей организации голосуют за меньшее зло.

– Они не тратят на это много времени и энергии, но могут голосовать. Если говорить о главной социал-демократической партии и главной консервативной партии, то я думаю, что мало кто в Motmakt готов выбирать между ними. Но сейчас ситуация такова, что в норвежское правительство входит правая популистская партия, «Пар-

«...да, мы ваши соседи, наши дети ходят в школу с вашими детьми, мы нормальные, мы любим гулять в лесу».

– «...просто нам нравится бить людей...»

тия прогресса». И я лично проголосовал бы за то, чтобы их оттуда выперли. Они, конечно, не так сильно связаны с фашистским движением, как, например, правые популисты в Швеции, «Шведские Демократы», которые в значительной степени прямо произошли от неонацистов. «Партия Прогресса» происходит скорее из классической либертарианской правой позиции, типа, мы не хотим налогов, и всё такое, но в 70-е, 80-е и 90-е они становились все больше и больше анти-миграционным движением. Затем они стали приближаться к власти и были вынуждены смягчить риторику. И теперь у них есть пара людей, которые могут высказать какой-нибудь ад про мигран-

тов, когда партии нужно больше голосов, но затем партийное руководство говорит: «О, нет, он не это имел в виду», но все понимают, что они хотят ограничить миграцию.

– Эта партия традиционно получала большую поддержку со стороны правительства апартеида в Южной Африке, например, ЮАР давала им деньги в 70-х годах. Если вы это скажете, они вас засудят, так что не ставьте мое имя рядом с этим утверждением :-). Но вообще это факт, который подтверждается историческими записями. Ну и если взять правого террориста Брейвика, он состоял в этой партии, в местной группе в Осло.

– Многие их основные фигуры, особенно в мелких городах, очень правые, и довольно опасно, что у этой партии есть власть. Это часто побуждает людей хотя бы проголосовать за левых, а не бойкотировать выборы.

«...сейчас идет суд против троих фашистов, которые взорвали синдикалистское кафе и лагеря беженцев, причём двое или трое из них проходили какую-то околовоенную подготовку в России...»

– **То есть, у Motmakt как организации нет мнения по этому поводу?**

– У нас есть организационное мнение, что самое важное – это повседневная политика, а не парламентские выборы, но если вы хотите проголосовать ...

– ...это каждый сам для себя решает.

– Но мы не допускаем в Motmakt тех, кто сидит в советах директоров или работает в правительстве, такое правило у нас есть.

– **Полицейский не сможет вступить в организацию?**

– Нет, не сможет. Ни армейские офицеры, ни полицейские, ни руководители партий, ни работники правительства.

– И не те, кто заседает в международных советах директоров

– Кстати, однажды у нас возникла такая ситуация с человеком в Бергене, который хотел вступить, но много лет работал в местном правительстве.

– Мы принимаем много разных подходов к политике, если вы согласны с нашей базовой моделью и основными принципами.

– **Но теоретически вы можете представить, что Motmakt будет баллотироваться в парламент или это невозможно?**

– Я бы в этом случае вышел из организации, я думаю. Но трудно сказать, мы небольшая организация, мы растем, и все может измениться. Но с нынешней идеологией, которой мы придерживаемся, и с нынешними правилами такое произойти не может.

– Трудно представить себе ситуацию, когда это имеет смысл ...

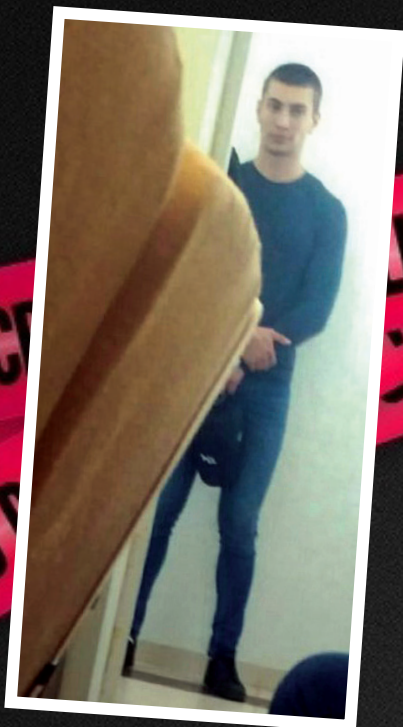
– ...и что люди согласятся на это.

– **Раз уж вы упомянули этих русских националистов, было бы интересно узнать мнение Motmakt или отдельных участников о современной ситуации в России.**

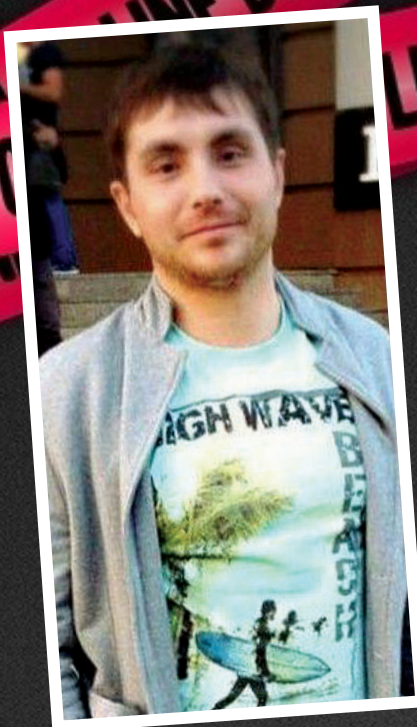
– Не чувствую себя супер уверенно для ответа на этот вопрос. Отсюда всё у вас выглядит очень плохо. Авторитарное правое правительство, готовое практически не скрываясь сотрудничать с открытыми фашистами, насилие по отношению к левым, это всё довольно страшно. Ну и я не эксперт по российским протестным движениям. Со стороны кажется, что у вас очень сильные субкультурные автономии в некоторых городах, это интересно.

– **Я спрашивал именно о том, что вы видите отсюда, как вы воспринимаете Россию как страну, как государство.**

– У нас, на самом деле, не так уж много информации о том, что происходит в России.

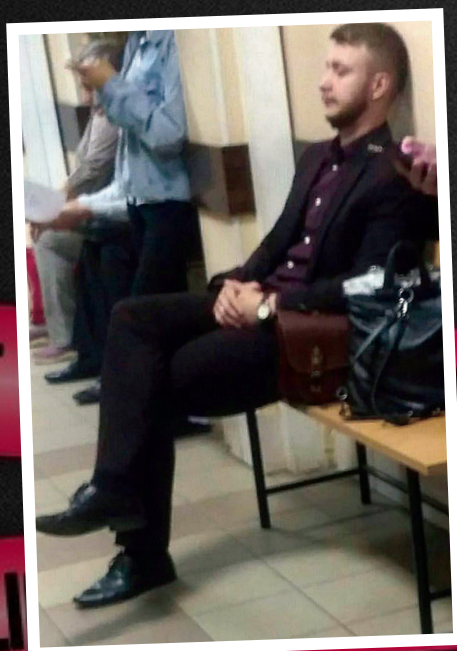

Пенза, один из оперативников

*Вячеслав Шепелев,
пензенский оперативник,
капитан ФСБ*

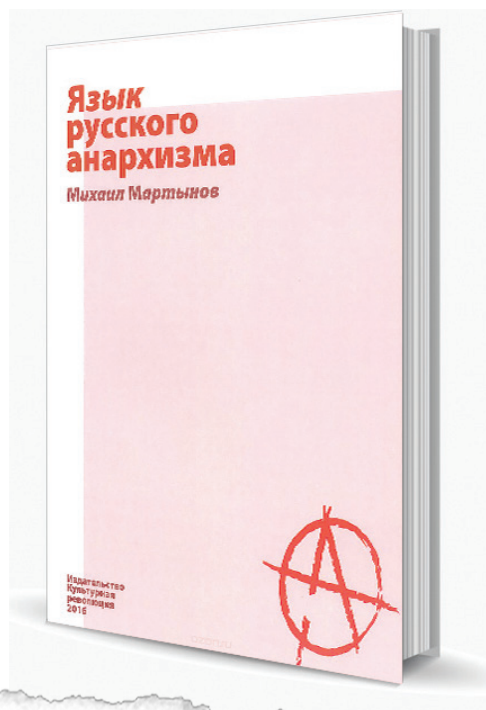
Продолжаем традиционную рубрику «Автонома»: фотографии агентов политической полиции, засветившихся на ниве борьбы с анархизмом. публикуем подборку фотографий сотрудников, участвующих в, так называемом, деле «Сети».

*Геннадий Беляев, следователь ФСБ
по «питерскому эпизоду»
дела «Сети»*

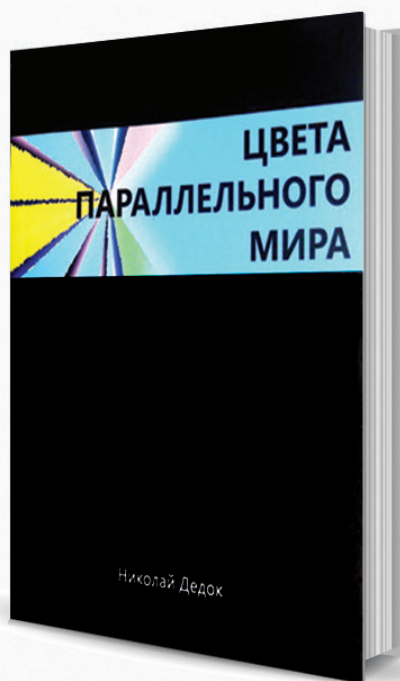

*Валерий Токарев,
следователь ФСБ из Пензы*

В 2016-2017 годах (в 2018 вышло тоже немало, но о них - в следующем обзоре) издательства порадовали читателей двумя десятками замечательных и полезных либертарных книг. Вышли сразу три сборника статей и докладов о Великой Испанской Революции 1936-1939 годов и об участии в ней анархистов: «Гражданская война в Испании. Известное и неизвестное», «Испания 1936-1939: пролог Второй мировой, или последняя война идеалистов», «80 лет Великой Испанской Революции: память, люди, уроки (Прямухинские чтения 2016 года)». Изданы две апологетические книги о борьбе современных курдов: «Курдистан. Реальная демократия в условиях войны и блокады» и «Жизнь без государства: революция в Курдистане».

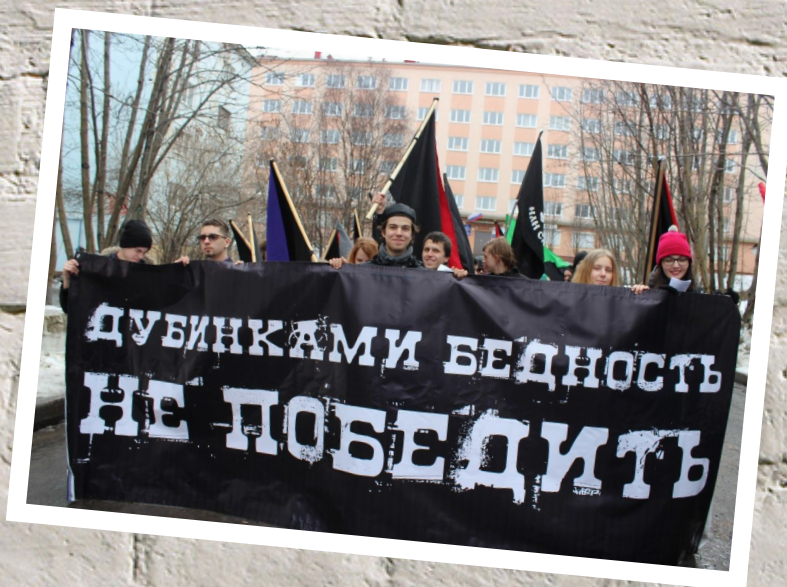
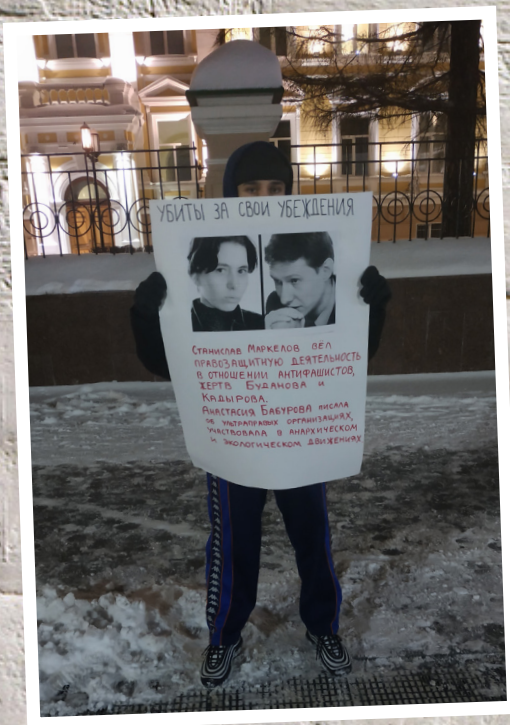

Истории российского революционного движения и анархической мысли посвящены переизданные в серии «Размышляя об анархизме» издательством URSS книги Н.М. Пирумовой о Кропоткине и о социальной доктрине Бакунина, монографии В.Ф. Антонова о Герцене и Чернышевском, а также сборник П. Рябова «Краткий очерк истории анархизма» и «Анархические письма». Книга, изданная «Радикальной теорией и практикой» (наряду с долгожданным вторым томом мемуаров Эммы Гольдман!) «Чёрные флаги и ветряные мельницы» рассказывает о действиях анархистов после урагана «Катрина» в США. Переиздан классический труд Кропоткина «Хлеб и Воля», вышел довольно любопытный сборник историка П.И. Талерова «Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е». Очень интересна впервые вышедшая книга недавно умершего историка Н.А. Троицкого «Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба».

«Цвета параллельного мира» Н. Дедка рассказывают о сопротивлении белорусских анархистов тюремно-милицейской системе. Сборник рассказов, очерков и рисунков московского анархиста Николая Муравина, погибшего 20 лет назад «Чёрный фронт» возвращает читателя в начало девяностых годов. «Основы безопасности жизни. Краткий курс», изданный в Питере, даёт советы, как вести себя на допросе, обыске и т.п. Книга О. Харитоновой «Женщины. Разговор не о мужчинах» - ценное ведение в проблематику феминизма. Советуем также книгу «Язык русского анархизма» философа и лингвиста М. Мартынова и «Мятежный Кронштадт. 1905-1917-1921» историка В. Крестьянинова. Жаль только, что тираж большинства этих книг не превышает нескольких сотен экземпляров.

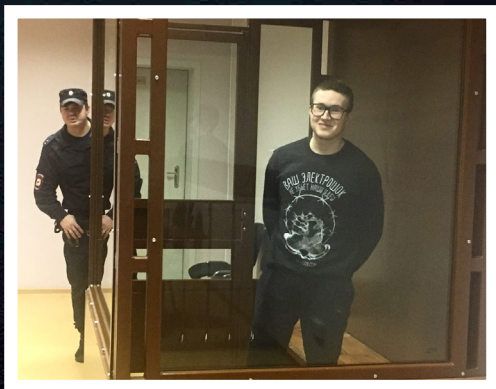
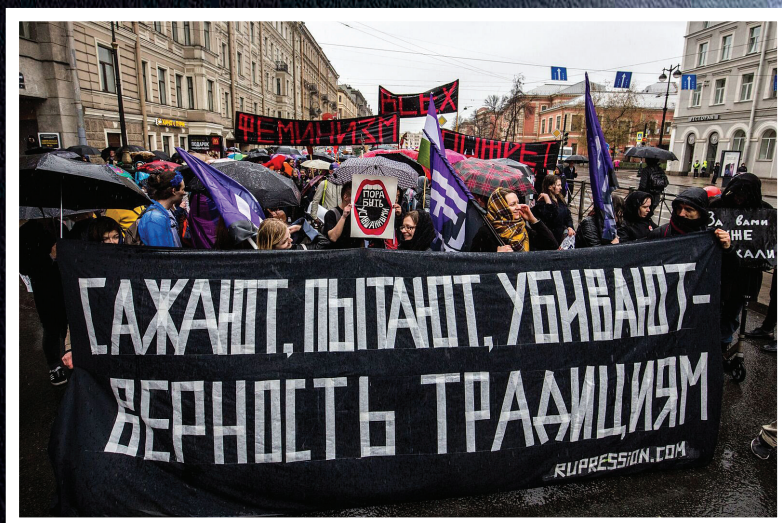
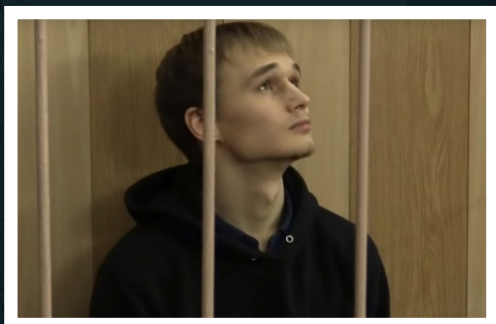
Из-за всё более жестких политических преследований пикеты и митинги – вообще не очень популярный в нынешней России жанр. Тем не менее, в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Нижнем Новгороде, Мурманске и других городах регулярно проходят открытые анархистские уличные акции. Традиционно анархисты отмечают на улицах 1 мая, 8 марта и 19 января, устраивают акции против политических преследований. Или же присоединяются к массовым народным протестам: против пенсионной реформы, давления государства на интернет и др.

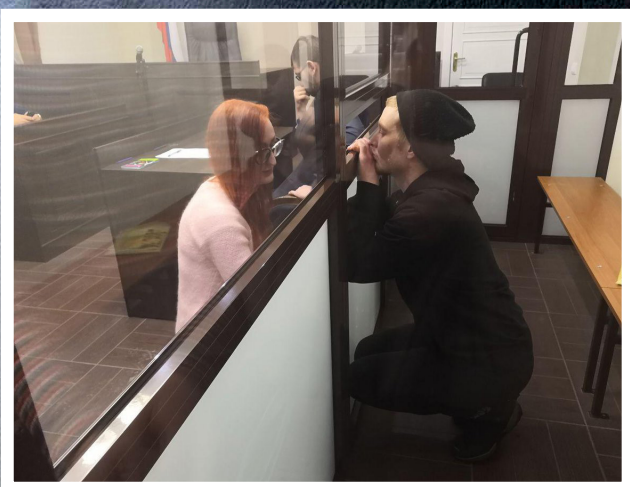
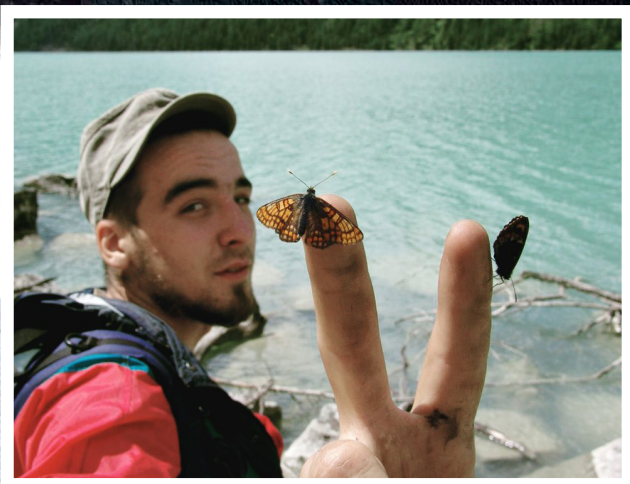

Последние пару лет в России мы наблюдаем новый виток репрессий против анархистов и антифашистов все чаще власти называют их «террористами». После жестоких пыток в тюрьме оказались наши товарищи из Пензы и Петербурга («дело Сети»): Дмитрий Пчелинцев, Илья Шакурский, Василий Куксов, Андрей Чернов, Арман Сагынбаев, Михаил Кульков, Максим Иванкин, Юлий Бояршинов и Виктор Филинков. Задержанные по этому делу Егор Зорин и Игорь Шишкин пошли на сотрудничество со следствием.

В Челябинске пытали активистов, которых посчитали авторами баннера «ФСБ – главный террорист»: Дмитрия Цыбуковского, Анастасию Сафронову, Дмитрия Семенова и их друга Максима Анфалова. Было возбуждено уголовное дело о хулиганстве (сейчас закрыто), однако теперь местных анархистов преследуют по делу о вандализме.

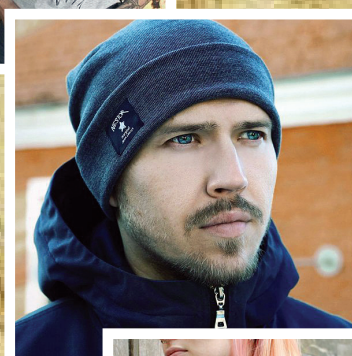
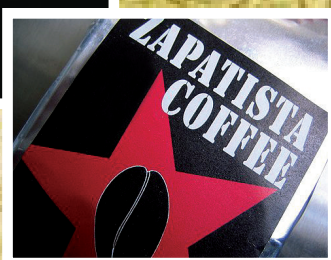

По-прежнему в тюрьме крымчанин Александр Кольченко, осужденный по одному делу с режиссером Олегом Сенцовым. В Крыму в «оправдании терроризма» обвинили анархиста Евгения Каракашева (они кинул в чат видео про «приморских партизан»). В мордовской колонии – и так уже осужденного за «теракт» Илью Романова (теперь он, атеист и анархист, якобы пропагандировал в фейсбуке ИГИЛ). В Калининграде Владислава Лукичева, из-за записи в телеграм-канале, где назван героем 17-летний Михаил Жлобицкий из Архангельска. 31 октября 2018-го Жлобицкий взорвал себя у входа в ФСБ.

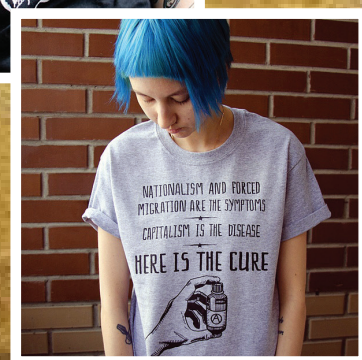
Лукичева силовики считают участником движения «Народная самооборона», как и аспиранта-математика Азата Мифтахова из Москвы – опера Центра «Э» похитили его, что бы обвинить в изготовлении СВУ, это не вышло, и тогда его привязали к делу о разбитом окне «Единой России». Другие обвиняемые по этому делу – Елена Горбань, Алексей Кобаудзе и Андрей Ейкин.

В Москве после самоподрыва Жлобицкого задержали 14-летнего Кирилла Кузьминкина – ФСБ обвинила школьника в том, что он собирался совершить взрыв на «Русском марше».

Появляется всё больше кооперативов, организуемых анархистами. Производство хорошей, востребованной продукции – неплохой вариант либертарной агитации. В этом номере «Автонома» прорекламируем два кооператива.

Кооператив «Молотов», продают в России кофе, выращиваемый сапатистами на юге Мексики. Продажа кофе – один из основных источников финансирования, с 1990-х годов дающий возможность сапатистам противостоять мексиканскому государству. В России продается кофе разной обжарки и упаковках разного объема, молотый и в зернах.

Одежный бренд Nestor Marginal Streetwear. Производит шапки и поясные сумки, а также футболки с анархистскими принтами.

– Интересно, что сейчас многие пытаются изобразить Россию как большую угрозу для скандинавских стран, как бы перезагрузить Холодную войну. В некоторых организациях говорят о взаимоотношениях с Россией именно в таком ключе. Есть целые журналистские коллективы, которые вообще ничего не делают, кроме как публикуют статьи о том, насколько велика угроза России для норвежской независимости.

– Я думаю, они считают, что события на Украине, могут в конечном итоге повториться и здесь.

– **Кстати, есть ли у вас какое-либо мнение о ситуации в Восточной Украине, как вы это видите?**

– Одно время скандинавские нацисты были там с обеих сторон и стреляли друг в друга, нам это казалось очень забавным.

– **То же самое было и с русскими нацистами.**

– Это весело, да. Но во всём остальном, трудно выработать четкое мнение по поводу этой ситуации. В целом наш подход таков, что мы поддерживаем людей, а не национальные силы или государственные армии.

– Кажется, ни одну из сторон не хочется поддерживать.

– Это не самый продвинутый анализ, мы понимаем. С геополитической точки зрения довольно интересно, как в этом регионе социальные движения были использованы для создания сепаратистских группировок. Затем это использовалось как предлог, чтобы захватить контроль над регионом. В принципе, это опасная тенденция. Мы видим, что Россия финансирует много оппозиционных групп в Европе, которые нам очень не нравятся.

– Например, в Гетеборге сейчас идет суд против троих фашистов, которые взорвали синдикалистское кафе и лагеря беженцев, причём двое или трое из них проходили ка-

кую-то околовоеенную подготовку в России. Нам, конечно, очень не хотелось бы, чтобы российские экстремисты предоставляли финансирование и ресурсы реакционным силам в Европе и других странах.

– И Россия финансировала Ле Пен во Франции.

– Да, они делают всё, что дестабилизирует ситуацию, иногда эта дестабилизация скорее полезна, иногда это плохо. Я думаю, что для нас Украина слишком далеко, для того, чтобы иметь отчетливое мнение по этому поводу. Такое впечатление, что там с самого начала было нацистское влияние с обеих сторон... Был момент, когда казалось, что это просто ультра-правые нацисты воюют друг с другом, и мы, как левая организация, конечно не поддерживали никого из них. Это, вероятно, не очень детальный анализ, но вот так выглядит этот конфликт отсюда.

«...В Норвегии всё ещё есть остатки сквоттерской сцены. У нас в Осло есть «Blitz», автономный дом, связанный с панк-субкультурой, они делают много хорошего: концерты, сбор средств, иногда поддерживают демонстрации...»

– Во многих европейских странах левые организации или движения фактически поддерживали действия России в Украине, говоря примерно так: «это антиамериканское национально-освободительное движение, мы должны их поддержать». Есть ли в Норвегии такие партии, существует такая тенденция?

– Я бы не сказал, что есть такие партии или движения, но есть такие люди. Среди норвежских левых совершенно точно есть те, кто согласен с этим.

– Примерно те же люди, что поддерживают Башара Асада.

– Да, такие персонажи с империалистическим подходом к глобальной политике.

– В этих кругах много пропаганды на тему того, что украинское правительство запретило украинскую коммунистическую партию...

– В общем, они есть, но это не очень большая сила в Норвегии.

– То есть, это не массовая тенденция среди норвежских левых?

– Сейчас в Rødt («Красные», самая популярная около-коммунистическая партия) некоторые участники придерживаются такой позиции, но это не доминирующая точка зрения в партии. Они больше похожи на такого сумасшедшего дядюшку, которого вы не можете выгнать с вечеринки.

– Эти люди были активны в левом движении в 1970-е годы...

– ... и теперь их не могут выгнать, потому что они сделали так много хорошего, бла-бла ... Так что это не особо мощная тенденция, я бы сказал.

– Если говорить о Rødt, то это самая левая партия. У них пока нет мест в парламенте, но скоро могут появиться. Они двигаются в социал-демократическом направлении, такие радикальные социал-демократы.

– Во многом их вдохновляет популистское левое движение в Европе последних лет. Они изучают и пытаются воспроизвести то, что делали «Сириза» в Греции, «Подemos» в Испании и Джереми Корбин в Англии. Их действительно зачаровывает то, чего можно достигнуть в такой «приемлемой» левой политике.

– У них все книжные шкафы забиты этими именами: Корбин, Сандерс и так далее.

– Они довольно сильно сгладили свою коммунистическую перспективу, но все же мне скорее нравится то, что делают Rødt, до определенной степени, конечно. На публике я их обычно защищаю, но в барах мы с ними спорим до хрипоты.

– Хорошо, что такая позиция не является в Норвегии мейнстримом. Потому

что с российской точки зрения это абсолютное безумие, когда люди, называющие себя левыми, говорят что-то вроде «Путин – это новый Че Гевара, он борется против американского империализма».

– Для меня это тоже очень странная позиция. Я не понимаю, как их не изгнали из всех коммунистических партий, потому что это противоречит всем идеологическим установкам. Но в итоге они сидят в этих партиях и медленно сходят с ума. Главный пропагандист этих взглядов в Норвегии, по имени Пол Стейган, был лидером Маоистской партии где-то в 1980-е годы...

– Встречался с Пол Потом и Мао ..

– Сейчас у него есть блог, и, наверное, для внешнего наблюдателя он кажется очень активным. Там каждый день появляются новые статьи о том, что Россия это анти-империалистическая надежда нашего времени, но на самом деле он сам всё это пишет, и человек 8 его читают. В общем, блог выглядит страшнее, чем на самом деле. Я думаю, он всё ещё имеет какой-то авторитет среди старой гвардии, людей, которые были в движении много десятилетий.

– Может быть, и среди молодежи.

– Думаю, таких очень мало.

– Он ещё постоянно публикует всякие конспирологические материалы.

– Много скриншотов из «Russia Today».

– Вы сказали, что Motmakt, вероятно, единственная формальная анархистская организация в Норвегии, но что насчёт анархистской сцены в стране вообще?

– В Норвегии всё ещё есть остатки сквоттерской сцены. У нас в Осло есть «Blitz», автономный дом, связанный с панк-субкультурой, они делают много хорошего: концерты, сбор средств, иногда поддерживают демонстрации. Похожее место есть в Тронхейме: тоже панк-сквот и часть соци-

альной сцены. В общем, есть пара автономных пространств.

– Это скорее целый район.

– Да, старые военные казармы, которые были сначала засквотированы, а потом их продали некоммерческому фонду. Интересно, что все эти места теперь являются муниципальной собственностью, то есть формально это больше не сквоты, они просто арендуют дом у государства. Россияне обычно считают это странным :-)

«...Есть анархисты в профсоюзах, но они не высовываются, потому что для профсоюзов это слишком радикально...»

– А «Blitz» тоже арендует у города? Звучит забавно.

– Да, и это довольно символично.

– На самом деле, они платят совсем немного, но это всё санкционировано государством, да. Сейчас очень сложно создавать новые сквоты, сейчас в Норвегии есть только один реально засквотированный дом, а у остальных контракты.

– Помимо этого, существует децентрализованное антифашистское движение по всей стране. Когда нужно, они делают то, что нужно делать. Они не обязательно открытые анархисты, но у этого движения есть определенные связи с анархистской политикой. Есть анархисты в профсоюзах, но они не высовываются, потому что для профсоюзов это слишком радикально. Вот, собственно, и всё.

– Да, мне тоже больше ничего не приходит в голову.

– Последний вопрос очень спорный, но его часто задают левым, либертариям, революционерам. Считаете ли вы, что переход к безгосударственному некапиталистическому обществу будет происходить как-то постепенно через малые

дела, типа профсоюзов и всего такого, или вы скорее полагаете, что он произойдет через более или менее насильственную революцию?

– Очень хороший вопрос. Я думаю, что может быть и так, и так. Я думаю, что это полностью зависит от того, какими будут институты изменений, как они будут построены.

– Я думаю, многие изменения очень трудно сделать без революции или каких-то реальных прорывов. И такие изменения неизбежно вызовут сильное сопротивление со стороны некоторых сил. Но всё же я не очень верю в революцию как отдельное событие, которое просто преобразует общество в одночасье.

– Я думаю, что в любом случае нам нужно начинать со строительства собственных институтов и мощных организаций, которые помогают людям в их повседневной жизни. А затем только от мощи этих организаций будет зависеть, произойдет ли один большой скачок или всё будет происходить постепенно. Мне кажется, многое зависит и от того, что будут делать люди, большинство людей. Не только от нас всё зависит. Мы должны делать то, что делаем, а затем народные массы определяют, как это будет

выглядеть. Но, по крайней мере, я часто об этом думаю.

– Сейчас Норвегия очень стабильная страна, поэтому на данный момент мы сосредоточены на создании таких институтов, социальных сцен, пространств, где может существовать наша идеологическая позиция и наша жизнеспособная альтернатива, ну а обо всём остальном можно спорить. Мне не нравится просто сидеть и рассуждать: «Это будет так, нет, это будет так». Я часто чувствую, что мы тратим слишком много времени на бессмысленные споры о гипотетических вещах.

– К тому же, это делает нас более отчужденными и вообще непривлекательными. Люди не понимают, какое отношение всё это имеет к их жизни.

– Отлично, мне кажется, интервью получилось интересным, спасибо! Что бы вы хотели напоследок сказать российским читателям «Автонома»?

– Если вы собираетесь приехать в Норвегию, пишите нам! Встретимся, выпьем кофе, и вы сможете обзвать нас реформистами :)

– У нас не очень много контактов с Россией, и это неправильно, потому что у нас общая граница. Было бы здорово иметь больше отношений с российскими организациями. Нам это было бы очень интересно, особенно поскольку некоторые круги здесь в Норвегии пытаются сконструировать образ России как угрозы. Они используют это, чтобы увеличивать расходы на армию и усиливать репрессии.

Экспедиция в город Кропоткин

Краснодарские активисты исследовали город, названный в честь великого либертарного теоретика

Группа художников-активистов «Подпольная типография» в 2016 году организовала экспедицию в город Кропоткин с целью узнать мнение людей об анархии и Кропоткине. Идея нашего путешествия в Кропоткин возникла после совместного обсуждения с краснодарскими художниками-участниками выставки «Зеленый хутор». Выставка воспроизводит ситуацию небольшого автономного поселения, которое существует вне капиталистического и политического натиска и сохраняет принципы горизонтальных связей, экономической независимости, творчества, равенства и многие другие. «Зеленый хутор» входит в серию проектов «Примирение» о гражданской войне, краснодарская выставка рассказывает о возникновении на Кубани «третьей силы» – движения «Зеленых партизан».

Мы вспомнили, что в Краснодарском крае есть город, переименованный из хутора Романовский в город Кропоткин. С 1921 года и до сих пор город гордо носит имя известного ученого-анархиста. В обществе, возможно целенаправленно, сложился стереотип, что анархия – это тотальный хаос, в котором сильный всегда угнетает слабого, где царит смерть, насилие и тотальный бардак.

Хотя Петр Алексеевич Кропоткин говорил совершенно об обратном и анархизм рас-

сматривал как высшую стадию развития человека с нравственными основами, заложенными в природе всего живого, что люди легко могут отказаться от искусственно созданных институтов – власти, закона и религии. Жить в свободе и уважении личности каждого, быть свободными от принуждения, заниматься разнообразной деятельностью, получать удовольствие от работы, помогать друг другу и так далее. Он описывал анархию на примере животного мира,

«Поступай с другим так, как бы ты хотел, чтобы в тех же условиях другие поступали с тобой»
П. Кропоткин

взаимопомощи у муравьев, пчел, млекопитающих, основываясь на множестве разумных и понятных примеров из естественной природы.

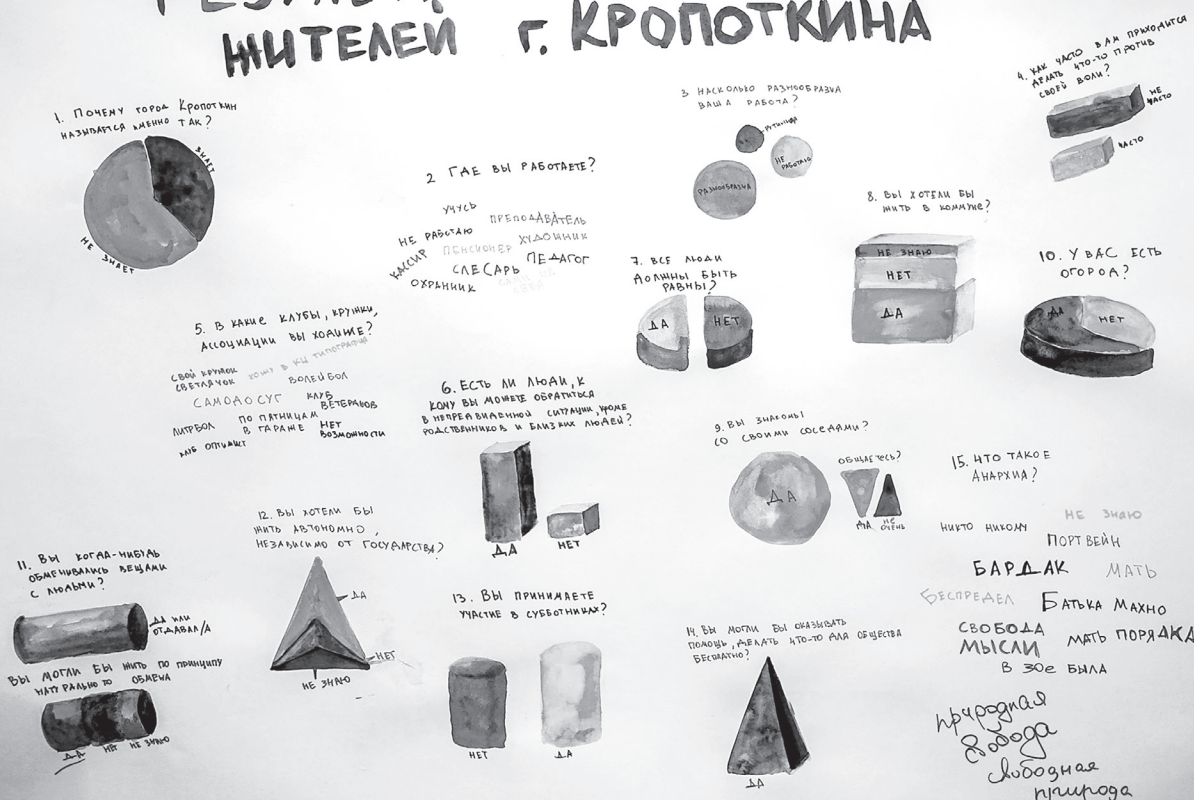
Исходя из теории Кропоткина об анархии, мы изготовили брошюры, проиллюстрированные основными принципами, которые раздавали во время исследования.

Сами вопросы для исследования постарались составить максимально понятно и без навязывания определенных понятий и штампов. Просто по окончании опроса человек узнавал, что вся беседа была об анархизме. Также нам важно было организовать «лагерь», чтобы люди чувствовали во время опросов себя свободно, могли сесть за столик, выпить чаю, при желании порисовать. Основой «лагеря» был фальшфасад, имитирующий анархический дом, асимметричный, с разными окнами и стенами. Люди легко дополняли фасад своими картинка-

ми и текстами. В основном рисовали дети и подростки, в это время мы опрашивали родителей и прохожих. Важно было опросить разных людей – пожилых, взрослых, молодых и совсем юных, чтобы социологическое исследование могло быть полным.

Мы продолжили исследование в Краснодаре на выставочной площадке. По итогу опроса люди и в Кропоткине, и в Краснодаре поддерживают принципы анархизма. Практически все готовы помогать друг другу, имеют опыт натурального обмена вещами, готовы жить вместе, даже в коммуне, выращивать огород и быть свободными. Однако в Кропоткине отношение к термину «анархия» вызвало больше негативной реакции, чем в Краснодаре.

РЕЗУЛЬТАТ ОПРОСА ИТЕЛЕЙ Г. КРОПОТКИНА

Результаты опроса в Краснодаре и Кропоткине

1. Почему город Кропоткин называется именно так?

Краснодар: Знает: 40% Не знает: 60%

Кропоткин: Знает: 42% Не знает: 58%

2. Кем вы работаете?

Краснодар: скульптор, дизайнер, студент, следователь следственного комитета, фрилансер, руководитель, строитель весны, повар, портной, фотограф, художник, администратор, преподаватель, официант, композитор, швея, учитель, рабочий.

Кропоткин: школьник, преподаватель, охранник, художник, кассир, слесарь, педагог, предприниматель, пенсионер.

3. Насколько разнообразна ваша работа?

Краснодар – Разнообразна: 54,5%

Средне: 13,6%

Не разнообразна: 11,4%

Не работает: 20,5%

Кропоткин – Разнообразна: 58%

Не разнообразна: 17%

Не работает: 25%

4. Часто ли вам приходится делать что-то против своей воли?

Краснодар – Да: 31,8%

Нет: 40,9%

Иногда: 27,3%

Кропоткин – Да: 42%

Нет: 58%

5. Есть ли люди, к которым вы можете обращаться в непредвиденной ситуации? (кроме родственников)

Краснодар – Да: 65,9%

Нет: 22,7%

Не знаю: 11,4%

Кропоткин – Да: 75%

Нет: 25%

6. Как вы считаете, все люди должны быть равны?

Краснодар – Равны: 56,8%

Нет: 27,3%

Не знаю: 15,9%

Кропоткин – Равны: 49%

Нет: 51%

7. Вы хотели бы жить в коммуне?

Краснодар – Да: 50%

Нет: 38,6%

Др: 11,4%

Кропоткин – Да: 58%

Нет: 33%

Др: 9%

8. Вы знакомы со своими соседями?

Краснодар – Да: 59,1% Нет: 27,3%

Нет ответа: 13,6%

Кропоткин – Да: 100%

9. У вас есть огород?

Краснодар – Да: 29,5%

Нет: 70,5%

Кропоткин – Да: 67,0%

Нет: 33%

10. Вы когда-нибудь обменивались вещами с людьми, не используя деньги?

Краснодар – Да: 84,1%

Нет: 11,4%

Не знаю: 4,5%

Кропоткин – Да: 100%

11. Вы хотели бы жить автономно, независимо от государства? Со своим электричеством и хозяйством.

Краснодар – Да: 61,4%

Нет: 27,3%

Не знаю: 11,4%

Кропоткин – Да: 66%

Нет: 25%

Не знаю: 9%

12. Вы принимаете участие в субботниках?

Краснодар – Да: 47,7%

Нет: 52,3%

Кропоткин – Да: 51%

Нет: 49%

13. Вы могли бы оказывать помощь, делать что-либо для общества бесплатно?

Краснодар – Да: 88,6%

Нет: 11,4%

Кропоткин – Да: 100%

14. Что такое анархия?

Кропоткин: Никто никому. Бардак. Батька Махно. Беспредел. В 30-е была. Портвейн. Свобода мысли. Мать порядка.

Краснодар: Наивысшая точка развития общества. Я всегда буду против! Люди делают все, что захотят. Это животный мир – убил, украл, тебе за это ничего не будет. Мать порядка Хаос. Анархия – это я. Сообщество равных. Безвластие. Независимость. Равенство, взаимопомощь. Этого не будет и нет! Все всегда озабочены собой. Свобода. Абсолютно невозможная система правления для нашей страны. Путь против правил для достижения свободы. То, что происходит здесь и сейчас. Утопия. Отсутствие управляющего органа власти, существование индивидов на основе взаимного договора. Это 14 вопросов выше.

Путевые заметки

Город Кропоткин находится в 160 километрах от Краснодара. Мы выехали из Краснодара утром, когда еще не слишком жарко. Едем под песни Егора Летова, играет «Что не анархия – то фашизм». По разбитой «дороге жизни», которая так называется из-за большой транспортной нагрузки и в связи с плачевным состоянием дорожного полотна. «Все идет по плану», колонии желтых одуванчиков распространились метастазами в зелени полей.

Прямо перед машиной у обочины, эпично спикировав, орел схватил мышь. Это произошло очень быстро и всего в паре метров от нас, поэтому получилось разглядеть даже уходящую жизнь в глазах полевки.

Дорога оказалась неожиданно короткой. Почему-то готовились к более долгой поездке. Город Кропоткин – очень важный транспортный узел. Я всегда проезжал мимо по пути к родителям в Армавир, но никогда даже мысли не было, что город есть помимо автовокзала. А он продолжается в сторону реки Кубань от трассы и представляет собой приятный южный город с невысокой застройкой (всего несколько девяти и несколько пяти этажных домов) и населением чуть больше восьмидесяти тысяч человек, собственно с которыми мы и планируем взаимодействие.

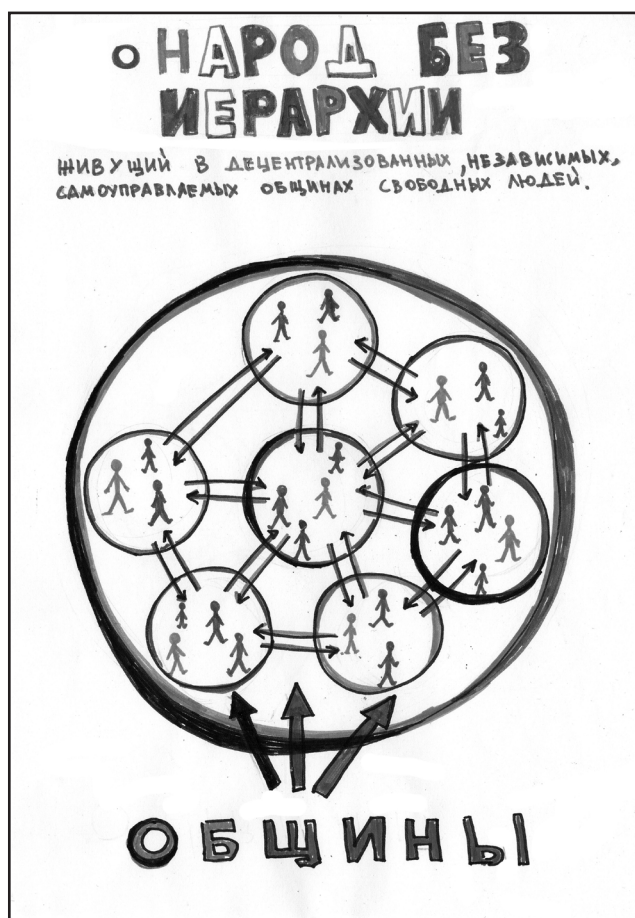
Первый житель Кропоткина Сергей Матушкин – художник и студент КИСИ (Краснодарский институт современного искусства), встретил нас возле остановки, недалеко от которой стояла шестиметро-

вая Эйфелева башня, напоминающая о том, что каждый провинциальный город хочет быть столицей, причем желательно европейской. Центральная улица Кропоткина – улица Красная, как и в Краснодаре. После непродолжительной экскурсии по ней мы определились с местом, на котором будет удобно припарковаться. Это место находилось в маленьком сквере неподалеку от монумента Я«сердечко»Кропоткин. В парке сидело несколько пожилых женщин, гуляли молодые матери с детьми в колясках и стояли возле своих раскладных лотков мелкие лавочники. Конечно, в первые минуты на нас косились прохожие, когда мы доставали доски и начинали делать «фальшстену». Но интерес побеждал неоправданные опасения, и местные жители начали подходить и интересоваться, что тут происходит.

Раз уж процесс пошел, мы с Вероникой пошли в библиотеку, чтобы получить интересующую нас информацию. В библиотеке мы столкнулись с женщиной, которая сидела в регистратуре. Весьма недоброжелательно она начала задавать нам вопросы: «Кто вас уполномочил проводить опрос и исследование?» «С чего вы взяли, что Кропоткин придерживался анархических взглядов?» «Идите спросите лучше бабушек на улице». «Я не хочу ни на что отвечать. Я с Кропоткиным не общалась. Мы вообще из разных веков». Да уж. Судя по всему, действительно они из разных веков. Женщина, скорее, близка к средневековью. После такого не хочется заходить в библиотеку. Но, несмотря на осадок, нужно было продолжить опрос, и следующая женщина компенсировала первое недоброжелательное общение обилием информации и хорошим настроением.

Тем временем вокруг машины с деревянным фасадом дома собралась куча детей, с удовольствием рисовавших все, что им хотелось. В целом люди шли на контакт и охотно отвечали на вопросы, связанные с теорией анархизма. При этом интересно отметить,

что многие не знают про Кропоткина и пугаются такого слова как «анархия», но разделяют взгляды и в большинстве аспектов жизни хотели бы жить в обществе, организованном по принципам анархии. Опрошенные были максимально разные люди от 14 до 80 лет. Охранники, инженеры, школьники, дизайнеры, безработные. Вот некоторые вопросы и ответы на них:

- **Кем вы работаете?**
- Мы сами на себя работаем. Почти анархисты. (Анна, 28 лет)
- **Вы хотели бы жить в коммуне?**
- Можно. (Александр, 57 лет)
- **Вы хотели бы жить автономно, независимо от государства?**
- Да! Есть участок неподалеку. Соберем денег, будем независимо жить: художники, музыканты, поэты. (Сергей, 35 лет)
- **Вы принимаете участие в субботниках?**
- Да. Сами выходим подметать. Другие думают – сумасшедшие. (Светлана, 32 года)

– **Вы могли бы делать что-то для общества бесплатно?**

– Да. Вчера бревно перенести помог вот. (Саня, 16 лет)

– **Вы общаетесь со своими соседями?**

– Да, конечно. У нас в подъезде коммунизм – все друг за друга горой. (Марина, 26 лет)

Вечером мы поехали домой к Сергею. Вся квартира как одно произведение искусства, состоящее из множества мелких картин и совокупности рэдимэйдов. Мама Сергея – прекрасная женщина, которая преподаёт в детском центре дошкольного развития, также поучаствовала в нашем опросе. После чего мы пошли в сад, который находится за домом, жарить мясо и овощи на костре. Костер не только место, где создается уют и происходит прием пищи, но и дискуссионная площадка для жарких споров и активного обсуждения различных социокультурных явлений. Как ни странно, утром мы проснулись довольно рано и продолжили исследовать город.

Странным оказался тот факт, что в городе, названном в честь Кропоткина, нет ни одной его статуи, бюста или даже таблички с его именем, например, в центральном парке среди дюжины различных полководцев и политических деятелей. Видимо, это одна из причин, по которой жители города не знают, почему он так называется. Для того, чтобы узнать подробней историю города и человека, в честь которого он назван, мы решили обратиться в историко-археологический музей. Но, к сожалению, он, как и многие провинциальные учреждения культуры закрыты в выходной день, а в будни работает до шести вечера, как и все предприятия. Имея в наличии большое количество стикеров с изображением собственного изготовления ключевых позиций идеологии анархизма, мы начали расклеивать их по городу. На железнодорожном вокзале, считаемся одним из

самых красивых на юге России, полицейские не были против фото и видеосъемки, так как это «раритетное здание».

Некоторые стикеры были почти сразу сорваны местными жителями, преимущественно в маленьких двориках, окруженных трех-пяти этажными домами с уютными палисадниками и детскими качелями. Осмотреть город нам также помогло невысокое, но достаточное для этого населенного пункта, колесо обозрения. Оттуда мы видели пивоваренный завод, функционирующий уже более 100 лет. Собственно, к нему мы и направились. Пообедав в аутентичной заводской столовой, которая работает и в воскресенье, наполненной духом советского времени, наш маршрут продолжился вдоль берега реки. По пути нам встретилось большое количество разрушенных складских помещений. Что интересно, со стороны центральной улицы все это скрыто за домами, окруженными зеленым массивом. В итоге мы собрали достаточно информации про город и его жителей и о возможности жить в анархическом строе.

Текст впервые опубликован:

<http://typography-online.ru/2016/06/07/podpolnaya-tipografiya/>

Степан Субботин

Выразить протест «мировым лидерам»

Как проходили протесты против «Большой двадцатки»

Летом 2017 года в немецком Гамбурге состоялись массовые «альтерглобалистские» протесты против саммита «Большой двадцатки». Виталий, знакомый редакторов «Автонома», принял в них участие и рассказал, как всё происходило.

На подобные мероприятия я раньше не ездил. Что мне очень понравилось, в Гамбурге левых действительно большинство: умеренные социал-демократы спорят с анархистами, за одним нацистом бегают десять антифашистов. Нацисты были: не знаю, гамбургские или из какого-то другого района Германии. Я наблюдал, как выбегает нацист, кричит: «Думайте о вашей нации! Нация важна! Вы – предатели нации». Честно говоря, не знаю, зачем он это делал: в толпе были представители всех наций.

Видно, что в районах Санкт-Паули и Альтона мигранты чувствуют себя хорошо. Очень много вкусных арабских кафешек. Как мне говорили немецкие антифашисты, у них крупные города более левые, деревня – наоборот. Как сказала одна антифашистка, огромные немецкие националистические трактористы иногда ещё представляют опасность. Приехало очень много людей со всей Европы. Мигранты, турки, курды, французы, немцы, англичане, греки, русские. Из России ездил человек восемь, из Петербурга и Москвы.

На мой взгляд, такие протесты – это способ создать проблемы Путину, Трампу, Эрдогану, другим лидерам «Большой двадцатки», показать, что народ, а не они должны определять политику. Была поднята на уши вся немецкая полиция, город горел, власти не чувствовали себя в безопасности. При этом, надо сказать, мощных разрушений не наносилось. Да, сожгли несколько машин и разбили несколько витрин, но на большинстве магазинов – по крайней мере, в левых районах Гамбурга Санкт-Паули и Альтона – были надписи «Мы против G20». Левые беспорядки проходят там регулярно. Для Гамбурга масштаб событий был несколько большим, чем обычно, но нет и ничего непривычного.

Можно сказать, что протест понимается и поддерживается городом. Многие «обыватели» говорили: ребята, вы перегнули палку с этими машинами, но в остальном мы с вами. Я общался с пожилым немцем, который так говорил: он приехал на велопарад против G20. При мне не уничтожили ни одной машины. Знаю, что сожгли салон Porsche, также атаковали

элитные магазины. Не исключаю, что могли разбить и несколько простых витрин. Когда десять тысяч демонстрантов кидаются бутылками в полицию, могут разбить что-то лишнее. Но всё очень умеренно. Например, попытались поджечь велосипед. Подбежала его хозяйка, отобрала, протестующие перед ней извинились: «Мы не хотели, мы увлеклись». В России такое невозможно: подобная демонстрация не сможет пройти без серьезного насилия.

Очень важно понимать немецкую протестную традицию, когда люди переодеваются в черные одежды, чтобы демонстранты могли скрыть лица и им ничего не могли предъявить: все полицейские бегают с камерами. В таком случае люди способны оказать некоторое сопротивление, не расходятся. Нельзя сказать, что все черноблоковцы – радикальные террористы. Это люди, которые готовы оказать сопротивление, используя анонимность как защиту, когда полиция разгоняет или блокирует демонстрантов. Протесты должны показывать, что капиталистические лидеры не

управляют миром, что люди готовы принимать мигрантов, требуют больших мер в сфере экологии.

Основными лозунгами были: «Нет границ!» «Нет нациям!» В капиталистическом мире нет свободы перемещения людей, есть свобода перемещения денег. Цель протестов – показать, что если капитал устроил где-то войну, люди имеют право оттуда уехать. Был красивый лозунг «Всё для всех». Идея была в большей степени продемонстрировать протест, чем выдвинуть конкретные требования. Никакого «антиглобализма», конечно, в протестах не было: речь идет об альтерглобализме. Очень много было листовок по Трампу. Трампа критиковали как военного лидера Америки, который, так или иначе, ответственен за войны по всему миру. А также за то, что вышел из Парижских соглашений по климату – это важный экологический вопрос. В 2015 году были ратифицированы Парижские соглашения, в которых все страны договорились сократить выбросы углекислого газа, чтобы не увеличивать температуру Земли.

Единственной крупной державой, которая вышла из этих соглашений – заявив, что её граждане теряют рабочие места – оказалась Америка.

К Трампу много претензий у феминисток: он допускал оскорбительные высказывания в адрес женщин. Лозунги против Путина были, но сравнительно немного. Раздавались листовки на немецком «Убей Путина, убей Эрдогана». Кажется, популярностью они не пользовались, это было слишком резко для протестующих. Я встречал трафарет: лицо Путина в обрамлении крыльев летучей мыши. Такие рисунки делали ЛГБТ-активисты, они считают Путина зловещим вампиром. Против Эрдогана выступали и турки, и курды. Его имя было чуть больше на слуху, чем Путина. Я видел плакаты с Меркель: к ней были претензии, что она принимала тиранов вроде Путина и Эрдогана. Были плакаты и карикатуры на неё. К сожалению, я не настолько хорошо знаю немецкий, чтобы читать все плакаты.

Важно сказать, что католическая церковь поддерживала протест. Наш лагерь был на территории, находящейся в собственности церкви. Церковь принимает беженцев из Сирии, помогает им, очень хорошо контактирует с левыми. Не все священники, там тоже есть свои споры. Если про Россию можно сказать, что церковь в основном правая, а свободно мыслящие представители духовенства, скорее, исключения, то в Германии наоборот. Наш лагерь пытались разогнать, но каждый раз, когда полиция приходила, выходил священник и говорил, что здесь территория церкви, а поскольку территория церкви не является муниципальной территорией Гамбурга, протестующие могут здесь находиться, а вы, полицейские, нет: вас не хотим. Это было особенно забавно, когда начались действительно какие-то уличные бои: кидали булыжники, горели баррикады, полиция была очень злой.

К нашему лагерю приехали несколько полицейских машин и водометов, бронетранспортеры. Они перекрыли улицу и выстроились перед лагерем. Это надо было видеть: полиции было очень много.

Наш лагерь не был большим, у нас было человек 150–200. Насколько я знаю, другие лагеря действительно разгонялись, а наш, под церковью, разогнать не могли. Нас блокировали, мы сидели – было психологическое противостояние. Если бы начался штурм, у нас была возможность уйти. И главным было бы быстро сложить вещи в церковь, куда полиция уже бы не пошла. Немецкая полиция очень дисциплинирована. Их действительно много. Они хорошо защищены. Каждый «космонавт» – в шлеме и щитках.

«...Складывается впечатление, что силовики используют ту же тактику, что и протестующие, то есть дают на психику: вот мы есть, мы за вами следим, тут десять машин, не нарушайте закон, пожалуйста...»

Потому я не видел, что бы полиции были нанесены какие-то повреждения. В Германии, в отличие от России, полиция предпочитает дальний бой. Если российская полиция готова бежать, бить и выхватывать людей из толпы, там это не применяется. Полиция чаще использует водометы или газ. В основном водометы. Водометы в жаркий день – ничего страшного. Люди сидели прямо перед водометами, они били в них прямой струей, протестующие только защищали лица, полиция их не могла сдвинуть. Газ применяли против «черного блока».

На мой взгляд, в этом был некоторый игровой момент: раз они оделись в черное, против них можно применять более жесткие меры. Но я всегда замечал, что обычно бе-

жит большой-большой отряд полицейских, а машет дубинкой и готов ударить только один какой-нибудь передний сержант, все остальные просто бегут за ним и создают массовку. Полиция использует очень много техники. Складывается впечатление, что силовики используют ту же тактику, что и протестующие, то есть давят на психику: вот мы есть, мы за вами следим, тут десять машин, не нарушайте закон, пожалуйста. Использовались полицейские вертолеты, рядом находились военные, но они ни в чем не участвовали.

Был забавный момент: пересекая некую площадь, туда-сюда бегал отряд полицейских в 20–30 человек. Пока полицейские пробегали мимо протестующих, протестующие кричали оскорбительное что-то там. Отряд пробегает в одну сторону – протестующие немного подуспокаиваются. Полицейские бегут в другую сторону – в них уже летят бутылки. И так они бегали раз пять, и в них уже пристрелялись, полиция – её начальство – посылает их перегруппировываться. Перегруппировки немецких полицейских выглядят очень красиво: настоящий тактический танец.

При мне фактически не было задержанных, только попытки задержаний. Почему я, собственно, и удивлен, что были задержаны двое россиян (позже дела против них развалились в немецком суде – прим. «Автонома»). Были случаи, когда людей хвата-

ли рассерженные полицейские, били, но не задерживали.

Помимо щитов и шлемов, у каждого полицейского есть газовый баллончик. Они иногда его применяют. На мой взгляд, это плюс с точки зрения экипировки. Потому что полицейский, которого достали, надевает противогаз и делает так: пщщ – и стоит дальше, не бьет никого дубинкой.

Огромное впечатление производили полицейские водометы. Просто реально такие здоровые стимпанковские машины. Но, как я уже говорил, они показали свою не очень большую эффективность. Да, они направлены на толпу, но, по-моему, как раз эта борьба с водометами была очевидно игровой. Ни бутылки не могли повредить водомету по-серьезному, ни водометы – людям.

При мне, я не видел ничего кидавшегося в полицию серьезнее, чем булыжники. Булыжники были только в одну ночь, в беспорядках в районе Санкт-Паули, недалеко от сквота Рота Флора. Действительно, там разобрали мостовую. Все остальное время кидались пустыми бутылками.

Были попытки проникнуть в «красную зону», где находились VIP-персоны саммита, там были более жесткие столкновения, я в этом не участвовал.

Другие столкновения происходили примерно так: полицейские просят разойтись, толпе угрожают водометами, в полицейских начинают кидаться бутылками. Полицейской технике приходилось ездить по разбитым бутылкам, но это довольно слабая защита, потому что хорошие шины. Полицейские охраняют свою технику, хотя не очень сильно. Если бы протестующие реально боролись с полицией, то есть с использованием коктейлей Молотова и приемов отвлечения внимания... Мне рассказывали о таких приемах, использующихся в Греции. Допустим, там отвлекают поли-

цейских от машины – и поджигают машину. Такие приемы в Германии не приняты – у них принято ругаться и бросать бутылки.

Был случай – мы оказались в узком дворике недалеко от какого-то отеля. Там сидели люди, не очень большое количество протестующих – около 20. Неожиданно прямо из переулка выбежал хорошо марширующий отряд космонавтов. Это было действительно напряженно – космонавтов было больше. Но опять же, можно было просто отойти в сторону от этой колонны и показать: я не сопротивляюсь, я не буду бросаться бутылками, мы тут просто туристы и мы уходим, – и бегущий впереди начальник размахивает дубинкой. И говорит: гоу эвей, шнелле – вот этим 20 протестующим. Они действительно его немножко пугаются и расходятся. Но при этом нет задержаний, остальные полицейские просто смотрят на это все. Если бы там в него начали кидаться, то его товарищи-полицаи поддержали бы своего начальника. А так он просто прогнал, и полицейские пошли перегруппировались в другое место. Была такая тактика: силы полиции маршировали по всему городу, а протестующие то здесь подожгут помойку, то там возведут баррикаду.

Самым напряженным был моментом, когда какой-то фашист стрелял по антифашистам из пистолета. На него хотели напасть – он выстрелил несколько раз и убежал. Была вызвана полиция.

Честно, я не понял, был ли этот человек фашистом, он не выкрикивал никаких ло-

зунгов. Про него говорили, что он фашист, его пытались побить, а он выхватил пистолет и начал стрелять. Может, в воздух: он не ранил никого. Тут же вызвали полицию. И тут приехала полицейская машина. Из нее вышло двое полицейских и начали опрашивать свидетелей. Никто им особо не создавал никаких проблем, в данном случае видно, что существуют неписанные правила, и стрельбу они исключают. И полиция точно также против эскалации конфликта.

Как протесты организовывались? Нам было известно, что будет Рота Флора – инфоточка. Что существует лагерь, что было уже расписание приблизительное демонстраций. По более таким жестким акциям люди самоорганизовывались. Я вообще хочу сказать, что в Германии очень высокий уровень левого протеста. Не все у них гладко, но на самоорганизации держится очень много: люди действительно приносят еду, ставят веганскую кухню, распространяют листовки. Проблемы хозяйственного плана были. Допустим, какое-то время в лагере не было туалетов, и в соседней организации просто пускали в свои душевые и туалеты. Это был женский центр.

Массовость демонстраций была связана с тем, что Гамбург в целом очень левый, протестный город. Конечно, это не только какие-то приехавшие товарищи. В целом, Гамбург против полицейских встал половиной города. Подготовка к протестам шла полгода. Это был действительно хорошо подготовленное действие. О нем знала вся Европа, и вся Европа была готова туда поехать. А Гамбург был готов их принять.

S.T.

«Мы сделали игру про то, с чем хорошо знакомы»

Интервью с создателями игры Sharp Shooter

«Автоном» поговорил со студией «Headhunters Games», которая создает видеоигру «Sharp Shooter». Это типичный компьютерный «шутер», в котором можно стрелять из «Осы», кидать коктейли Молотова, драться розочкой от пива «Охота» и всячески угорать. Вместо монстров – нацисты и менты. Еще до выхода демо-версии анонимная группа разработчиков игры рассказала нам подробности проекта.

P.S. Игра уже вышла и доступна для скачивания. Интервью взято на этапе создания игры и опубликовано на Avtonom.org

– Расскажите, как родилась идея сделать игру?

Мы с детства увлекались видео и компьютерными играми (да-да, полные задроты) и программированием. Первую игру мы сделали еще лет десять назад, в нее мы давали поиграть одноклассникам после школы. Но кроме разработки нам были интересны и сами создатели игр. Оказалось, что большинство сегодняшних студий-разработчиков были основаны парой-тройкой студентов. А с развитием технологий независимые студии из десяти человек сегодня неплохо себя чувствуют на одной сцене с крупными компаниями-корпорациями с несколькими тысячами сотрудников. Ну мы и подумали: «Мы-то чем хуже? Пора делать гаму». С сеттингом игры мы определились почти сразу. В игровой индустрии,

как и в случае со СМИ, фильмами, книгами и так далее, существует знаменитая практика манипуляции образами панков, скинхедов, анархистов и прочих, да к тому же без малейшего знания дела. Нас это всегда бесило, и мы решили сделать игру про то, с чем хорошо знакомы.

– В каких еще проектах вы участвовали/участвуете?

Пока большая часть нашей команды участвует в постоянных работах (что немного замедляет разработку, работа – отстой) или заняты семьей. Некоторые в свободное время помогают друзьям с рисунками и дизайном.

– Как игру делали?

Некоторое время мы работали вдвоём, как программист+художник (обязательное сочетание для начала разработки, ну, если кто захочет составить нам конкуренцию;)), экспериментировали с движком, дизайном и тому подобным. Через некоторое время показывали наработки друзьям, которые стали требовать место в компании. С тех пор постоянно над игрой трудится до семи человек. Переломным моментом стал выпуск нашего трейлера. Тогда за несколько дней

мы получили свыше двух сотен сообщений со всего мира. Люди подбадривали, давали советы, предлагали помощь, донатили деньги. Спасибо, Друзья! В тот момент мы поняли что назад дороги нет, и что мы просто обязаны сделать хорошую вещь. С тех пор в «Headhunters Games» официально отменены выходные и отпуска, но процветает почти рабский труд. Работаем не покладая сил.

– На какие игры вы ориентируетесь? (Я ничего не понимаю в компьютерных играх, но это похоже на Wolf и Duke Nukem из моего детства).

Да, именно Duke Nukem 3D, наряду с Doom, является для нас эталоном шутера от первого лица. Долгое время мы как раз вели разработку на открытом движке «Дюка». Недавно, кстати, вышел его ремейк с минимальными изменениями и с дополнительными уровнями, и в итоге оказался очень популярен. Так сказать, игра прошла проверку временем. Лучший FPS в мире вышел 20 лет назад, а они продолжают ежегодно клепать дороговущие однотипные игры, да ещё заставляя нас постоянно покупать но-

вое железо или видео-приставки. Заговор, не иначе!

– Чего вы хотите добиться, сделав эту игру?

В первую очередь, конечно, мы планируем создать качественную игру. Но есть еще нюанс, который нельзя не упомянуть. В 2002 году вышла нацистская игра «Ethnic Cleansing». Она была невероятно убого сделана, но попала в список самых скандальных игр, а значит, стала довольно популярна. Американское правительство же профинансировало успешную игру «American Army», официальной целью которой было привлечь людей в армию (и вроде как успешно). Другие про-милитаристские и религиозные игры выходят уже со времен изобретения самих видеоигр. Компьютерные и видеоигры давно превратились не только в средство донести свою позицию, но и стали обычным оружием пропаганды, наряду с теми же СМИ, фильмами и тому подобным. Так что если мы донесем свое мнение хоть до одного человека, и он встанет на сторону добра, то это уже будет маленькой победой для нас.

– **Имеет ли игра какой-то резонанс за пределами анархо-среды?**

Ну, кроме популярности у известной группы граждан, которые сыпят нам угрозы, но которым хватило сил пока только нажать и заблокировать на один день наш Google-аккаунт (радикальненько), мы пользуемся некоторой популярностью у самых разных людей. Многие пока еще не понимают нашу фишку. Еще бы, когда с детства в играх ты убиваешь злых панков, а игры, типа «Anarchy Online» и «Anarchy reigns» не выдерживают вообще никакой критики. Но просветительскую работу ведем. В чем частично и будет заключаться смысл нашей нашей игры.

– **Из активистских проектов в чем вы участвовали?**

Участвовали и стараемся участвовать в протестных и других акциях. Да, государство почти закрутило гайки и раньше (до «Химкинского дела» особенно) было лучше, но социальная активность последних месяцев вселяет оптимизм. Не отчаиваемся, чего и всем желаем. Избитая фраза, конечно, но «после самой темной ночи всегда наступает

рассвет». Также считаем финансовую помощь попавшим в беду активистам не менее важной, чем ту же уличную активность. Особенно на фоне всех этих массовых невременяемых посадок. Посильно помогаем, чего, опять же, всем советуем.

– **Есть ли планы на будущее?**

В планах получить на выходе игры некоторую прибыль, которая поможет заняться игроделанием уже на профессиональном уровне. Так что, панки и скины, панкухи и скинухи, начинайте учиться программированию – скоро у нас откроются вакансии!;) Напоследок хотим процитировать одного знаменитого политика: «Не играйте в видеоигры, создавайте их». А это можно отнести и ко многим другим вещам. Все в ваших руках!

Беседовал Валерий Листьев

Roter Stern – больше чем футбол!

Roter Stern – незаслуженно мало известное в России объединение футбольных (и не только) команд, которые продвигают антирасистские взгляды. В это объединение более чем с 1 200 участниками входит множество любительских команд и других инициатив. Корреспондентка «Автонома» побывала на одной из игр Roter Stern и поговорила с ее игроком – о возникновении объединения, которому скоро будет 20 лет, противостоянии с нацистами и о том, что спорт и политику не надо отделять друг от друга.

Я обнаруживаю себя в списанном полицейском вэне с футбольными фанатами, панк-роком и политическими дискуссиями о грядущих выборах в Австрии. Нам с подругой не хватило мест в фанатском автобусе, но ребята согласились нас подвезти на бывшей коповозке. Мы едем через городки и деревеньки Саксонии в Шильдау, где назначена игра между командами Roter Stern и TSV 1862 Schildau. Мы пьем пиво и показываем из окна факи нацистам, собравшимся на матч.

Если вы увлекаетесь футболом (что точно не про меня) и бывали в Лейпциге, то вы не могли не заметить там людей в черно-красно-белом мерче, особенно в воскресенье. В Гамбурге ты постоянно натыкаешься на череп и кости St. Pauli, а здесь – на щит с красной звездой Roter Stern. Собственно, в переводе с немецкого Roter Stern и означает «Красная Звезда».

Про St. Pauli уже много чего написано и снято, а вот про «Красную Звезду» найти что-то не на немецком крайне трудно, на русском – и вовсе невозможно. В отличие от «пиратов», ребята из Лейпцига не играют на больших стадионах и не собирают тысячи болельщиков на трибунах. Но они – при-

мер успешного сочетания спорта и активизма. И у них есть, чему поучиться!

Roter Stern – это целое спортивное объединение. Клуб основан в 1999 году, как говорит Википедия, «двадцатью отважными молодыми людьми левых взглядов» и базируется в южных районах Лейпцига Конневитце и Дёлице. Все началось с маленькой футбольной команды, а сегодня «Красная Звезда» – это клуб с самым большим количеством активных игроков в Лейпциге. В это объединение входят шесть мужских команд, одна женская и целых семнадцать команд для детей разного возраста – мальчиков и девочек. И это все только футбол. Еще у Roter Stern есть команды по баскетболу, гандболу, волейболу и роллер-дерби. Кроме того, в подразде-

лениях клуба занимаются гимнастикой, шахматами, триатлоном, крокетом, настольным теннисом, скалолазанием, бадминтоном, дартсом, бегом и смешанным велоспортом.

Но для меня, конечно, главное не то, что клуб насчитывает более 1200 членов и 16 подразделений, и не то, что они добиваются некоторого спортивного успеха. Куда важнее для меня, что они сами позиционируют себя как «культурно-политический спортивный проект, разрывающийся между нормальным футболом и леворадикальной политикой».

«Дискуссия, спор и медиация разных мнений, ценностей и норм для нас очень важны. Тем не менее, есть некоторые базовые ценности, на которых мы стоим твердо. Нам всё равно, откуда человек приехал, какие у него религиозные убеждения, сексуальная ориентация и социальный статус. Более того, мы выступаем против расизма, сексизма или гомофобии в спорте и во всем обществе. Мы стремимся создать атмосферу открытости внутри клуба и за его пределами. Поэтому мы участвуем в инициативах, далеко выходящих за рамки футбола...» – так описана концепция сообщества на сайте Roter Stern.

В немецкой футбольной системе 11 лиг. Roter Stern начинали с самого низа и на четвертый год существования были уже в восьмой. Сейчас команда находится в лиге № 7 – это лига округа. Ультраправая партия AfD (Alternative für Deutschland) на послед-

них выборах получила больше всего голосов именно в Саксонии, и «Красной Звезде» часто приходится играть в городах, заполненных нацистами. Даже команды-соперники нередко состоят из нацистов. Поэтому жизнь фанатов лейпцигского клуба полна угара.

Вот и Шильдау – это одно из таких саксонских местечек, где полным-полно нацистов. «Красная Звезда» играет с местной командой. На домашних играх в Лейпциге полицейских не бывает, но сейчас вокруг нашего «полицейского» авто полно настоящих копов в шлемах и полной броне. На мне же – шорты и майка, я совершенно не знаю, чего ждать, и просто наслаждаюсь солнечным днем. В ходе тщательного досмотра у меня отбирают пластиковую бутылку с водой. Жидкости на стадион нельзя. Хорошо, что ланч-бокс с веганскими бутербродами сотрудников правопорядка совершенно не интересует и благополучно остается со мной. Хорошо, потому что фанаты Roter Stern бойкотируют местную еду и пиво.

Кроме моей бутылки, на стадион запретили пронести антифашистский стафф и даже барабаны. Болельщики «Красной Звезды» хотели, чтобы команда перед началом матча с Шильдау появилась на поле в футболках с надписью «Наци – вон со стадионов». Но полиция и футбольная ассоциация запретили, посчитав, что это спровоцирует фанатов соперника. Клуб вообще постоянно обвиняют в смешивании футбола и политики. Неужели чиновники о чем-то догадываются?

Над стадионом разносится зажигательное «Alerta! Alerta! Antifascista!». Нацисты в другом углу напрягаются в попытке нас перекричать. Кто-то из наших все-таки протащил через полицейский кордон антифа-баннер – мы вывешиваем его ближе к концу игры. Служба безопасности стадиона срывает баннер, но мы не позволяем его забрать. Оппоненты безусловно разъярены, но ничего не могут поделать – их команда продула 0:4, игроки «Красной Звезды»

выходят на поле в тех самых антифашистских футболках. Шильдау мы покидаем в хорошем расположении духа под аккомпанемент бутылок и камней, летящих в нашу автоколонну.

Roter Stern намеренно политизирует все мероприятия, в которых принимает участие. В любой ситуации ребята продвигают в массы антирасистскую, антигомофобную и антисексистскую повестку. Например, во время одной домашней игры капитан «Красной Звезды» бегал по полю с радужной капитанской повязкой. А в сентябре объединение устраивало открытый антифашистский велозабег.

Roter Stern антирасисты не только на словах, но и на деле. Для преодоления изоляции беженцев они организовали место, где каждый может свободно играть в футбол в непринужденной обстановке. Проект назвали «Zocktreff». Когда участников этой инициативы стало много, команду решили включить в структуру объединения. Идея заключается в том, чтобы не отгораживать мигрантов отдельным загонем, а втягивать их в комьюнити. Поэтому команда № 4 никогда не была командой специально для беженцев, хотя беженцы в ней и преобладают.

Йенс-Которого-Все-Знают

Если спросить у кого-нибудь здесь, в Лейпциге, «Где Йенс?», никто не будет уточнять, какой именно Йенс. Его все знают. Я могу узнать его с закрытыми глазами – только по его смеху. Когда Йенс приходит в бар Tante Rosi, где все свои, ему

сразу приносят пиво определенного сорта. Он пишет мне: «Как насчет одного пива у Майка?», но я-то знаю, что пива будет как минимум три. Последние несколько лет он один из представителей пресс-службы Roter Stern Leipzig (RSL). Кроме того – Йенс игра-

ет в мужской футбольной команде старшего возраста и считается там одним из самых молодых игроков (в свои-то 36). Кроме того, он – один из основателей подразделения по игре в дартс. Я решила расспросить его про «Красную Звезду» и людей в ней.

– Расскажи свою историю. Как ты вступил в Roter Stern? Почему Roter Stern? И что заставляет тебя там оставаться?

Я присоединился к Roter Stern Leipzig в 2007 году. Всю свою жизнь я играю в футбол. С детства до 23 лет я играл за обычный восточно-немецкий футбольный клуб. Но вместе с моей политической социализацией в левой сцене я стал понимать, что здесь, в Восточной Германии, невозможно играть в футбол без расистов и фашистов в клубах. Затем я узнал про Roter Stern. Мы публично заявляем: «Мы – антифашистский футбольный клуб в Восточной Германии». Так что это часть моей политической активности. Теперь мы большой футбольный клуб, и нас слышат.

– Вначале это был небольшой проект. Как ты думаешь, в чем секрет успеха Roter Stern? Если ты, конечно, считаешь, что это история успеха.

Roter Stern всегда имел отношение к DIY и панк-року. С самого начала там было много людей, которые не просто играли в футбол, но были частью левой сцены в Лейпциге, организовывали культурные мероприятия, ходили на демонстрации, поддерживали политические кампании и т.д. Это «больше, чем футбол» – поэто-

му это наш девиз. В начале 1999 года было 20 человек. Когда я присоединился к Roter Stern в 2007 году, нас было уже 150. В это время некоторые активисты RSL основали молодежные и детские команды. Roter Stern также интересен людям с детьми. Так постепенно мы переросли из панковского футбольного клуба в клуб для самых разных людей разных убеждений и занятий. Теперь, в 2017 году, у нас 1 200 членов, и их количество все еще растет.

Мы стремимся, чтобы все сначала обсуждалось на пленуме (общем собрании членов клуба – «Автоном»). Кроме пленума есть несколько рабочих групп, самостоятельно принимающих решения. Достаточно автономии и в некоторых спортивных подразделениях. Еще мы наняли на работу четверых гринкиперов (специалистов по газонам) и администратора.

В 2017 году мы получили третью спортивную площадку от администрации города. Она расположена на Тайхштрассе – так мы ее и называем. В этом бывшем спортивном клубе практически ничего нет, место довольно запущенное. Но снова работает дух DIY – многие помогают нам, стараются что-то улучшить, готовят VoKü* и все такое (VolxKuche/VolxKüche, так в левой альтернативной сцене называют мероприятия, на которых люди вместе готовят еду, обычно веганскую, и затем раздают ее бесплатно или по себестоимости – «Автоном»). Люди в Roter Stern часто чувствуют себя так, будто мы делаем шаг вперед, а затем два шага назад. Но когда мы оглядываемся, я думаю, это больше похоже на два шага вперед и один шаг назад.

– Какие виды спорта популярны в клубе помимо футбола?

В последние годы было создано несколько новых подразделений. В основном это популярный спорт вроде гандбола, волейбола, баскетбола, велоспорта и настольного тенниса. Летом Riot Rocketz начали свой сезон в третьем дивизионе роллер-дерби. Рол-

лер-дерби – это полноконтактный спорт на роликовых коньках, происходящий из движения Riot-Grrrl, так что это спорт, в который играют женщины. Здесь есть феминистский посыл. Riot Rocketz раньше играли за другой клуб в Лейпциге и лишь недавно присоединились к Roter Stern. На их первом матче было около 300 человек, зал был полностью забит поклонниками роллер-дерби. Надеюсь, команда будет пользоваться успехом!

В то же время была создана группа «F* empowerment» со своим собственным пленумом – и началось много дискуссий по поводу феминизма и сексизма в Roter Stern Leipzig. Причем не все из них были инициированы группой «F* empowerment», – и не все из них были эмансипирующими, я бы так сказал. Еще один шаг вперед и, возможно, еще один шаг назад. Но будущее за такими проектами, поэтому я считаю это двумя шагами вперед.

Но самой популярной дисциплиной должна быть секция дартса, конечно.

– Расскажи-ка пару историй: самый прикольный и самый страшный случай с Roter Stern?

В 2009 году, в первый год, когда наша первая мужская футбольная команда играла в окружной лиге, в маленьком городе Брандис, мы столкнулись с пятью десятками фашистов, мечтавших нас уничтожить. Они были организованы и подготовлены, у них были деревянные и металлические биты. В отделении местной полиции находились двое пожилых полицейских, которые вообще не могли справиться с ситуацией. Большая удача, что игрокам и нашим фанатам удалось отбиться, избежав серьезных травм. Но когда фашисты уходили, они бросили стеклянную бутылку через забор, и один из наших поклонников потерял зрение на один глаз. Эта жестокая атака стала шоком. Для каждого, кто был там, и для всех остальных. В течение нескольких месяцев мы говорили только об этом.

Этот случай многое изменил. С того дня наши матчи на выезде охраняются большим количеством полицейских. Это привлекло общественный интерес. Так как кто-то сделал хорошие фотографии, общественная дискуссия шла не о хулиганстве или конфронтации между молодежью, а о фашистском насилии. И нам пришлось иметь дело со СМИ.

По-моему, это был конец нашей беззаботности. В некотором смысле я скучаю по временам в панк-рок стиле, когда мы приезжали на игру уже пьяными и не заботились ни о чем.

14 июня 2008 года наша первая мужская команда играла в финале городского кубка. Нашим противником была вторая команда Lokomotive Leipzig. Lok – один из самых больших клубов в Лейпциге, долгая история которого тянется из ГДР. С конца 80-х Lok'ом заинтересовались нацисты и футбольные хулиганы. Roter Stern привлек фанатов Chemie Leipzig, другого крупного клуба из Лейпцига, у которого в конце 90-х годов появилась небольшая левая фан-тусовка. Матч между Chemie и Lok всегда имел значение для обоих клубов. Так оно было и для нас. Около тысячи человек пришли посмотреть на кубок. Мы вели трансляцию для городской радиостанции. Это был особый день для всех, кто связан с Roter Stern Leipzig.

Lok забил первым, но мы сравняли счет. Основное время закончилось вничью.

В дополнительное время мы смогли забить, а Lok – нет. Последние пятнадцать минут были захватывающими, увлекательными, волнующими, и в конце матча... Я не знаю, как это описать лучше: это было похоже на публичный коллективный оргазм. Плачущие, глупые, растрепанные люди повсюду, хаотично бегут во всех направлениях, сидят, лежат. Они все безумно были счастливы. Сумасшедший момент. А позже была спонтанная вечеринка в Конневице, в пабах, в Fischladen – это место сбора членов нашего клуба и гостей, – но прежде всего на улице. Мы захватили весь район на ту ночь. Незабываемо.

– Какие у вас планы на будущее? Первая лига? Какие мероприятия вы планируете?

Мы любители. Мы не хотим платить игрокам за футбол. Седьмой дивизион, где играет наша первая мужская команда, кажется самой высокой лигой, которую мы можем достичь. Наша команда должна быть только в том дивизионе, где никто не зарабатывает деньги на футболе. Сейчас у нас девять взрослых и 17 детских и юношеских футбольных команд. Поэтому наша основная задача – улучшать и поддерживать инфраструктуру для них. Это уже много. Но на этом все не заканчивается, конечно. Важно, как мы обращаемся со всеми нашими участниками, как находим решения, обсуждаем важные вопросы и при этом остаемся открытыми для нового.

Я не могу назвать все мероприятия. Много всего. Тайхштрассе. Наши поклонники много делают, поддерживают, проявляют солидарность, связываются и объединяются с другими группами, участвуя в политической деятельности. И у нас много юбилеев в ближайшие два года: 10 лет победы в кубке в 2018 году. А в 2019 году Roter Stern Leipzig исполнится 20 лет, но тогда же будет и 10 лет случаю в Брандис. Должно быть, это самое подходящее время для того, чтобы осознать, чего мы достигли, может быть, понять, что

такое Roter Stern сегодня, и собрать идеи на будущее. И закатить большую вечеринку!

– Roter Stern для тебя – это прежде всего спорт или политика?

Я не думаю, что спорт и политику можно отделить друг от друга. Спорт, футбол – это часть общества. Вы можете попытаться притвориться, что это не так. И каждый раз, когда люди говорят: «Оставьте политику вне спорта» – это уже политика. Это наш камень преткновения. Из-за этого нам приходится сталкиваться со всеми инстанциями и деятелями в области спорта и администрациями, мы сами стали участниками гражданского общества. Все стало сложнее, но наш главный лозунг не изменился: «Love Football/Hate Fascism» («Люби футбол – ненавижь фашизм»).

Попасть на игры «Красной Звезды» несложно, вход стоит совсем недорого, годовой абонемент на все игры – около 30 евро. На домашнем стадионе всегда есть алкогольная и безалкогольная выпивка, веганская и не веганская еда, дистро и сбор пожертвований. Недавно все скидывались на шины капитану команды, которые порезали правые фанаты команды оппонента.

Татьяна Кульбакина

Черный флаг на полюсах

Если на сайте известного испанского художника Сантьяго Сьерры* открыть страницу проекта «Черный флаг», можно увидеть фотографии земного пейзажа, в заснеженном минимализме похожего на поверхность Луны или Марса, и на краю планеты на фоне светлого неба развевается черный флаг.

Международный символ анархистского движения был установлен экспедицией под руководством Сьерры в точке 90 градусов северной широты, также известной как географический Северный полюс, 13 апреля 2015 года. Проведение экспедиции стало возможным благодаря коллаборации с базирующимся в Лондоне фондом искусства a/political (один из последних проектов, поддержанных фондом, – выставка Эрика Булатова на юге Франции) и культурологом Лутцом Хенке.

Экспедиция отправилась из норвежской провинции Свальбард (архипелаг Шпицберген) на российскую ледовую базу Барнео. Так в списке стран, перечисленных на сайте, где художник проводил акции, перформансы или создавал произведения, появились Норвегия и Россия. Вокруг базы было совершено несколько путешествий с целью установить флаг и задокументировать процесс установки.

Уже 14 декабря 2015 года, ровно через 104 года после старта норвежской экспедиции Руаля Амундсена, художник установил еще один черный флаг на географическом Южном полюсе. Монохромные флаги на двух

полюсах обозначили планетарную ось, маркированную утверждением освобождения.

Черный флаг известен как символ анархистского, антигосударственного, антикапиталистического движения. По мнению арт-критика Майка Уотсона, «анархистский символ отрицает национальные интересы таким же образом, каким национальные флаги, валюта, памятники и обряды стремятся их укрепить. Вместе с тем, будучи художественным высказыванием, этот жест выставляет механизмы государственной власти не более весомыми и последовательными, чем декларация художника. Это происходит потому, что природа художественного творчества существует по тем же принципам, что и процессы, способствующие созданию национальных государств».

Начиная с эпохи Великих географических открытий путешественники мечтали достичь полюсов не в качестве символического жеста торжества человеческих возможностей, но для расширения торгового влияния, аннексии территорий и усиле-

* Сантьяго Сьерра (исп. Santiago Sierra; р. 1966) – современный испанский художник. До 1995 года жил на родине, в Испании. С 1995 года – в Мехико (Мексика). В его художественной практике присутствуют скульптура в традиции лэнд-арта, концептуальная фотография и перформансы, критикующие социальные и политические отношения.

ния власти отдельных государств. В начале двадцатого века к обоим полюсам после многих неудачных попыток были наконец совершены успешные экспедиции.

Сегодня Арктика разделена между соседними странами: Канадой, Норвегией, Россией, Данией и Соединенными Штатами. Использование Антарктики регулируется условиями Договора об Антарктике, который был подписан 12 странами в 1959 году, вступил в силу в 1961 году. В настоящее время это соглашение подписали уже 53 страны.

При этом уже в XX–XXI веках возникает ряд виртуальных государств, основатели которых обнаружили, что Антарктическое соглашение запрещает выдвигать территориальные претензии в Антарктиде государствам, но не отдельным лицам и микрогосударствам. Так появились Вестарктика, Королевство Фининсмунд, Великое Княжество Фландренсис, государство Keep Watch, Федеративные штаты Антарктиды и другие. Эти декларированные государства не признаются странами-участницами договора.

Договор об Антарктике, аналогичный по форме национальной конституции, предусматривает, помимо всего прочего, что «Антарктика используется только в мир-

ных целях» (статья I), провозглашает «свободу научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях» (статья II), а также свободный доступ к их результатам (статья III).

Работа Сьерры в своем роде отражает дух этого договора, в котором признается, хоть и невольно, тот факт, что мир не должен быть разделен на конкурирующие страны и они могли бы объединить усилия для достижения общего блага.

С 20-го августа по 13-е ноября 2016 года в галерее Nikolaj Kunsthal в Копенгагене прошла выставка, где была показана фотодокументация двухчастной акции Сантьяго Сьерры «Черный флаг».

Также на выставке звучали полевые записи, выполненные на обоих полюсах, изданные на виниловой пластинке.

Черные флаги, насколько известно, остались на своих местах.

Александра Орлова в рамках проекта НИИ Будущего

«Сотрем границы, власть во прах»: стихи Эриха Мюзама

Опубликованы в 1920 году в сборнике «Земля в огне»

Trutzlied

Nennt uns nur höhnisch Weltbeglucker,
Weil wir das Joch der Unterdrücker
nicht länger dulden und die Schmach.
Lacht nur die neuen Ideale,
leert auf die Alten die Pokale
Wir geben nicht nach!
Setzt euch nur auf die Geldkassete,
daß Gott die arme Seele rette
aus Not, Gefahr und Ungemach
und ruft nach euren guten Geistern,
nach Polizei und Kerkermeistern
Wir geben nicht nach!
Dass den Verrat der Teufel hole
Langt nur die Repetierpistole
Samt den Patronen aus dem Fach,
Und schmückt den Hut mit der Kokarde
Der geldsacktreuen weißen Garde
Wir geben nicht nach!
Laßt Volkes Blut in Strömen fließen,
laßt uns erhängen und erschießen,
setzt uns den roten Hahn aufs Dach.
Laßt Mörser und Kanonen wüten,
um euer Diebesgut zu hüten
Wir geben nicht nach!
Laßt euer Höllenwerkzeug toben!
Die Sehnsucht hat sich erhoben
des Volks, das seine Ketten brach.
Freiheit und Recht stehn auf der Schanze.
Sieg oder Tod jetzt geht's ums Ganze!
Wir geben nicht nach!

(März 1919)

Песнь борьбе

Язви нас «благодетель мира», –
Вас, угнетателей-вампиров,
Терпеть не станем ни на миг.
Рассмейтесь новым идеалам,
За старые подняв бокалы
Но нас не сломить!
Взбирайтесь-ка на злата кучи,
Чтоб уберёг вас всемогущий
От нужд, опасностей и бедств
Взывайте к духам вашим добрым,
И к палачу, и к людям в форме
Но нас не сломить!
Чтоб вам с изменою покончить,
Не будет пулемёта звонче
В нас всю обойму разрядить,
Рядитесь, сколь угодно, в форму
Белогвардейщины позорной
Но нас не сломить!
Пусти народу кровь рекою,
Души, казни нас чередою,
Жилища наши подожги.
Взметни огонь мортир и пушек,
Чтоб наворованное скрыть
Но нас не сломить!
Да грянет огонь орудий адских!
Стремлению не знать препятствий
Народа, чьи оковы – в прах.
На рубеже – Свобода, Право.
Победа ль, Смерть – наш рок кровавый!
Но нас не сломить!

(Март 1919 года)

Soldatenlied

Wir lernten in der Schlacht zu stehn
bei Sturm und Höllenglut.
Wir lernten in den Tod zu gehn,
nicht achtend unser Blut.
Und wenn sich einst die Waffe kehrt
auf die, die uns den Kampf gelehrt,
sie werden uns nicht feige sehn.
Ihr Unterricht war gut.
Wir töten, wie man uns befahl,
mit Blei und Dynamit,
für Vaterland und Kapital,
für Kaiser und Profit.
Doch wenn erfüllt die Tage sind,
Dann stehn wir auf für Weib und Kind
und kämpfen, bis durch Dunst und Qual
die lichte Sonne sieht.
Soldaten! Ruft's von Front zu Front:
Es ruhe das Gewehr!
Wer für die Reichen bluten konnt',
kann für die Seinen mehr.
Ihr drüben! Auf zur gleichen Pflicht!
Vergeßt den Freund im Feinde nicht!
In Flammen ruft der Horizont
nach Hause jedes Heer.
Lebt wohl, ihr Brüder! Unsre Hand,
daß ferner Friede sei!
Nie wieder reiß das Völkerband
in rohem Krieg entzwei.
Sieg allen in der Heimatschlacht!
Dann sinken Grenzen, stürzt die Macht,
und alle Welt ist Vaterland
und alle Welt ist frei!

(Oktober 1916)

Солдатская песня

Учились мы стоять в бою
И в штурм, в аду костров,
Учились встретить смерть свою,
Да не жалея кровь.
Когда ж оружие обратим,
На тех, кто нас войне учил,
Им робости от нас не ждать.
Урок хорош их был.
Мы били, как нам приказал
Свинец и Динамит,
Отечество и Капитал,
Наш Кайзер и Профит.
Но счёт окончен этих дней,
Восстанем мы за жён, детей,
Сразимся, чтоб сквозь мглу всех мук
Увидеть Солнца свет.
Солдаты! Слушать всем фронтам:
Умолкни, пулемёт!
Кто кровь отдал тем богачам,
За своего – умрёт.
Эй там! У всех нас – долг един!
Противник – Друг, ты – не один!
Пылающий зовёт закат
В отчизну каждый полк.
Прощайте, Братья! Клятва вам:
Отныне – миру быть!
Народов связь уж никогда
Войной не разделить.
Победы всем в родных местах!
Сотрём границы, власть во прах.
И вся Земля – Отечество,
Свободна – вся Земля!

(Октябрь 1916 года)

*Переведены на русский язык специально для
«Автонома» Энтерихом Вальдемаром*

Биополитическая власть и конец государства

Постоянный автор «Автонома» продолжает рассуждение о концепции «интегрированного спектакля» Ги Дебора и её частичного совпадения со смежными концепциями «биополитической власти» Фуко и Агамбена, а также «реального господства» и «антропоморфоза» капитала из теорий Маркса и Каматта – рассуждение, начатое еще 35-м номере «Автонома».

Чрезвычайное положение

Все три концепции – «интегрированного спектакля», «биополитической власти» и «реального господства» – неразрывно связаны со становлением и логическим развитием демократического государства. Наиболее наглядно эта эволюция представлена в кратком изложении истории чрезвычайного положения из одноимённой книги итальянского философа Джорджо Агамбена («Stato di eccezione», 2003). Так называемое западное общество, которое в определенной степени можно считать преемником древнеримской цивилизации, переживало периоды системообразующих преобразований не только в Средневековье, но и в период буржуазных революций.

Агамбен обращает внимание в первую очередь на правовой аспект этих преобразований, а именно на понятие «сила закона»: оно уже присутствовало в римском праве, но вышло на передний план «лишь в современную эпоху, в контексте французской революции». Это понятие применимо в первую очередь к актам исполнительной власти, которые издаются, когда действующее законодательство или «общественный договор» приостанавливаются, то есть

при чрезвычайном положении. Последнее берёт начало с «осадного положения» во Франции, объявленного в 1791 году национальным Учредительным собранием, когда почти вся монархическая Европа противостояла молодому революционному режиму. Луи-Наполеон Бонапарт значительно расширил сферу применения «осадного положения» своим декретом от 24 декабря 1811 года, согласно которому император получил возможность объявлять осадное положение вне зависимости от фактического положения дел на местах.

В итоге Учредительное собрание ввело осадное положение в Париже из-за июньского восстания 1848 года, которое поднял местный пролетариат в ответ на роспуск Национальных мастерских, армейский призыв и массовую высылку безработных из столицы. Генерал Кавеньяк получил неограниченные диктаторские полномочия на три дня, и за это время было убито до пятнадцати тысяч рабочих. Во время восстания Парижской Коммуны, которая, согласно Бакунину, «положила начало отрицанию государства» и которую Энгельс считал первым в истории опытом диктатуры пролетариата, осадное положение было

введено сроком уже на три года, с 1871-го по 1874-й. По свидетельству Бакунина, за этот срок Парижская Коммуна была «утоплена в крови палачами монархической и клерикальной реакции». По разным оценкам, в те годы жертвами расстрелов стали от 17 до 30 тысяч человек. Всего при Наполеоне чрезвычайное положение вводилось в 40 из 86 департаментов Франции и в некоторых из них длилось еще несколько лет после смерти правителя, вплоть до 1876 года.

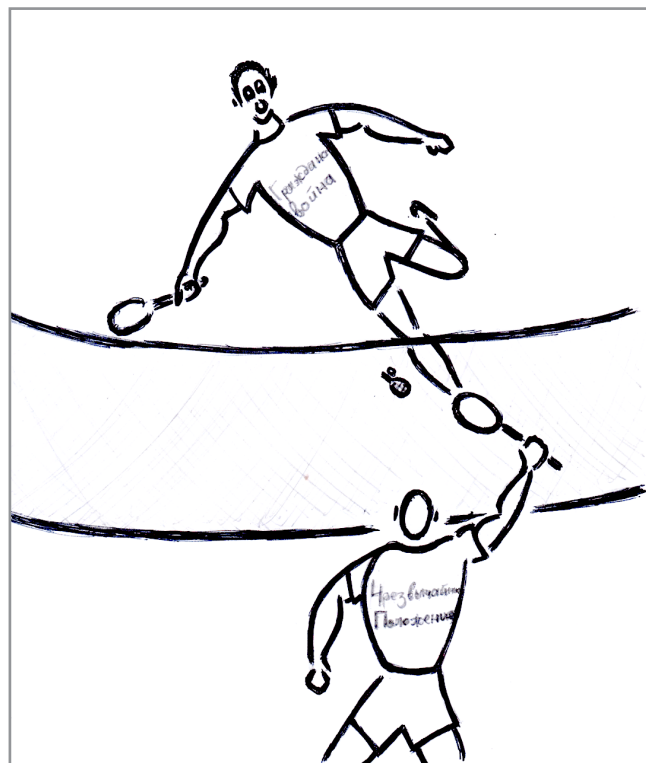
«...одной из основных характеристик чрезвычайного положения является стирание различий между исполнительной и законодательной ветвями власти, порождающее пресловутую «силу закона», которая действует вне зависимости от нормативно-правовой базы...»

В бурный период становления либерализма и демократии концепция «осадного положения» была закономерно отделена от исключительных условий военного времени и стала подразумевать полицейские мероприятия, направленные на подавление выступлений пролетариата и прочих народных волнений. Это породило современный канон «чрезвычайного положения».

Шарль де Голль был инициатором закрепления норм о введении чрезвычайного положения в 16-й статье конституции Пятой республики. Он воспользовался этой статьёй во время путча крайне правых генералов в апреле 1961-го, предоставив себе неограниченные диктаторские полномочия сроком на два дня, почти как в случае с Кавеньяком. Этого времени хватило, чтобы массово мобилизовать лояльные президенту вооруженные силы во Франции и Германии, занять Париж и добиться добровольной сдачи лидеров путча в руки правосудия. Известно, что во время майских событий 1968 года де Голль решил не вводить чрезвычайное положение. Вместо этого –

в разгар Красного мая – он тайком отбыл на военную базу в Германии и, вернувшись, организовал неудачный процесс реформ через роспуск Национального собрания, затем досрочные парламентские выборы и, наконец, конституционный референдум. Проиграв его, де Голль подал в отставку. В результате – одним из практических итогов движения 1968 года стали смещение основателя Пятой республики и приход к власти его конкурента Жоржа Помпиду.

Кстати, в этом контексте Агамбен пару раз использует в своей книге любопытный термин «защищённая демократия». При основании ФРГ чрезвычайное положение не было закреплено в конституции государства ввиду весьма печальных исторических предпосылок (объявленное после поджога Рейхстага чрезвычайное положение действовало на протяжении всех 12 лет существования III Рейха). Тем не менее, как раз в конце июня 1968-го правящая коалиция социал-демократов и ХДС/ХСС проголосовала за принятие закона о возможности введения «чрезвычайного положения в связи с внутренней угрозой» (innerer Notstand). «С бессознательной иронией, – пишет ав-

тор, – впервые в истории института введения чрезвычайного положения, оно было предназначено уже не просто для поддержания общественной безопасности и правопорядка, а для охраны "либерально-демократического строя". Защищённая демократия с тех пор стала правилом».

Согласно Агамбену, одной из основных характеристик чрезвычайного положения является стирание различий между исполнительной и законодательной ветвями власти, порождающее пресловутую «силу закона», которая действует вне зависимости от нормативно-правовой базы. Именно на «силу закона» постоянно ссылался бывший начальник отдела гестапо IV-B-4, непосредственно отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса», Адольф Эйхман, когда его судили в Иерусалиме: «Слова фюрера обладают силой закона».

В связи с этим Агамбен проводит непосредственную параллель между «юридическим

положением евреев в нацистских лагерях» и статусом лиц, «заподозренных в деятельности, представляющей опасность для национальной безопасности США», – это формулировка из Патриотического Акта от 26 октября 2001 года, изданного американским Сенатом, и президентского указа Джорджа Буша-младшего от 13 ноября 2001-го. Последний в особенности, по мнению автора, обладает «непосредственно биополитическим значением», так как легализует неограниченную власть американских «военных комиссий» над биологической жизнью «не-граждан» США, в первую очередь через их «задержание на неопределённые сроки». В связи с этим философ отмечает, что «в соответствии с нынешней тенденцией, введение чрезвычайного положения во всевозрастающей мере сменяется беспрецедентным распространением парадигмы обеспечения безопасности как рутинной практики правительств».

Гражданская война

Самым долговечным в современной истории был режим чрезвычайного положения в Сирии. Официально он действовал в течение 48 лет – почти полвека – с момента прихода к власти партии «Баас» в 1963-м и вплоть до 2011-го года. Парадоксальным образом чрезвычайное положение было отменено президентом Башаром Асадом в апреле 2011-го года, спустя месяц после начала длительной гражданской войны в стране. С одной стороны, вполне обоснованно можно предположить, что чрезвычайное положение неким образом блокировало дремавшую в сирийском обществе гражданскую войну, с другой – отмена чрезвычайного положения должна была сдер-

жать вспыхнувшую гражданскую войну, но этого не произошло. Башар Асад, отменив режим чрезвычайного положения, почему-то считал, что тем самым он устранил основной повод для массовых гражданских протестов. Что же здесь было раньше, и действительно ли одно обязательно предшествует другому?

С точностью до наоборот всё произошло в Украине. Бывший президент страны Виктор Янукович впервые обсудил возможность введения чрезвычайного положения с главами Совета национальной безопасности и обороны, МВД и Киевской городской государственной администрации» 1-го декабря 2013-го, спустя ровно 10 дней с начала

массовых гражданских протестов на Майдане Незалежности. Согласно украинскому законодательству, чрезвычайное положение не может быть введено президентом единолично: по действующей процедуре оно должно быть одобрено большинством на заседании Совета национальной безопасности (СНБО), и только после этого президент может утвердить его, подписав указ, который, в свою очередь, подлежит утверждению Верховной Радой в течение двух дней. Срок чрезвычайного положения, в случае его утверждения, ограничен 30-ю сутками по Украине и 6-ю по отдельным регионам, с возможностью продления президентом до 60 и 90 суток соответственно. Решение о возможности введения чрезвычайного положения было отрицательным как в декабре 2013-го, так и после кровавой развязки на Майдане в январе 2014-го. Вместо этого в апреле 2014-го врио президента Александр Турчинов de facto объявил гражданскую войну.

«...одной из основных характеристик чрезвычайного положения является стирание различий между исполнительной и законодательной ветвями власти, порождающее пресловутую «силу закона», которая действует вне зависимости от нормативно-правовой базы...»

Эти два факта, относящиеся к событиям в Сирии и в Украине, возможно, проливают свет на нерасторжимую связь между законодательством о чрезвычайном положении и гражданской войной, чей потенциал подспудно присутствует в недрах любой представительной демократии, вне зависимости от сути формальных разногласий между сторонниками правительства и оппозицией, наличествующей в таких странах. Очевидно, что формирование Национальной гвардии в России произошло в результате тщательного анализа усвоенного опыта событий в Украине и в Сирии. Таким образом,

у нас на глазах осуществляется трансформация и переход «суверенной» демократии в разряд «защищённых», вслед за западными странами развитого мира.

Гражданской войне, в первую очередь, посвящена книга «Стазис» («Stasis», 2015), последнее по времени произведение Агамбена из цикла Homo Sacer («Человек Святой»), которое, однако, по авторской нумерации является непосредственным продолжением цитированного выше «Чрезвычайного положения». Итальянский философ противопоставляет «семью» (частную жизнь) «городу» (общественной жизни) и формулирует биополитический смысл гражданской войны следующим образом: она «функционирует в манере, схожей с чрезвычайным положением. Как и при чрезвычайном положении, естественная жизнь включается в юридический и политический порядок через её же исключение». Гражданская война служит политизации частного: «Это зона стирания различий между аполитичным пространством семьи и политическим пространством города».

Иными словами, гражданская война – это инструмент, в качестве крайней меры служащий одновременно для мобилизации аполитичных граждан («семья») и для деполитизации актива («город»). Наглядным примером описанного Агамбеном процесса может служить стремительное изменение мировоззрения множества активистов в СНГ, называвших себя анархистами или интернационалистами до начала войны в Украине (и вполне возможно, искренне считавших себя таковыми). Речь здесь может идти не только и не столько об эффективности государственной пропаганды, сколько о воздействии inferнального механизма самой гражданской войны на человеческую психику.

Поясняя свою гипотезу о параллельном процессе политизации-деполитизации, Агамбен упоминает, что согласно свиде-

тельствам Аристотеля и Цицерона, законодательство Солона в древних Афинах предполагало лишение всех гражданских прав (атимию) человека, который не принял участие в гражданской войне ни на одной из сторон. Фактически атимия была равнозначна изгнанию такого человека из полиса. Отсюда вывод: гражданская война, согласно автору, является «неотъемлемой частью политической системы Запада».

Не обходит Агамбен вниманием и новый аспект гражданской войны – её всё чаще пытаются представить в виде всевозможных «антитеррористических операций», переживающих с начала нынешнего столетия настоящий расцвет: «Если верен диагноз, вынесенный современной политике Фуко, определившим её как биополитику... то терроризм – это форма, принимаемая граж-

данской войной, когда в политической игре поставлена на кон сама жизнь как таковая... Не случайно "террор" совпал по времени с тем моментом, когда жизнь как таковая – нация в значении рождения – начала становиться основополагающим принципом суверенитета». По мнению Агамбена, ещё с девяностых, со времен первой войны в Персидском заливе внимание исследователей было приковано не столько к теории гражданской войны, сколько к «доктрине менеджмента, то есть управлению внутренними конфликтами, манипулированию ими и их интернационализации». Опять же, неслучайно автор здесь же упоминает и о замечании Ханны Арентс, сравнивавшей в своё время Вторую мировую с «гражданской войной, разгоревшейся на всей поверхности планеты» («О революции», 1963).

Конец государства

По мысли Томаса Гоббса, основоположника теории современного государства, первоочередной задачей последнего было как раз положить конец гражданской войне, или «войне всех против всех» – *Bellum omnium contra omnis*. Главный труд Гоббса, «Левиафан», был написан непосредственно после окончания буржуазной революции в Англии и последовавшей за ней ожесточённой гражданской войной. В этом сочинении, ещё за сто лет до Руссо, была впервые сформулирована идея общественного договора как основы для формирования государства. Агамбен объясняет различие, которое проводили Фуко и Гоббс между понятиями «население» и «народ». Для Фуко это различие было основополагающим, находилось «в начале современной биополитики» («Stasis», 2015). Для Гоббса «население» становилось «народом» только в государстве. Население

без государства – это *plebs*, множество, либо *okhlos*, толпа. В исторической перспективе государству предшествует «разъединённое множество». В момент формирования государства разъединённое множество становится народом, но только в лице суверена, субъектом которого оно добровольно становится. После этого население претерпевает очередную метаморфозу и становится «распущенным множеством», передавая все жизненные функции общества и властные полномочия органам государства. Таким образом, в демократии народ, *demos* – это парламент, правительство и президент, а всё остальное население лишь распущенное множество, или *plebs*. При этом на данном этапе между «разъединённым» и «распущенным» множеством может быть либо государство, либо гражданская война всех против всех – «естественное состояние» человека.

Во второй части «Стазиса» автор толкует эзотерический смысл первого издания «Левиафана», причём как текста, так и иллюстраций. Он обращает внимание на изображение суверена на обложке в виде гиганта, состоящего из множества человеческих тел, представляющих его субъектов. Любопытно, что существовала рукописная копия, подготовленная Гоббсом лично для английского короля Карла II, чья обложка слегка отличалась – на ней Левиафан состоит не из крохотных людей с лицами обращёнными вверх, к голове суверена, а из множества человеческих голов, смотрящих прямо на читателя. Второй аномалией, на которую обращает внимание Агамбен, является тот факт, что город, вне стен которого находится возвышающийся над ним Левиафан, совершенно пуст.

«...Через «интегрированный спектакль» и «биополитическую власть» капитал стремится если не к физической вечности, то по крайней мере к бесконечному продлению цикла своего обращения..»

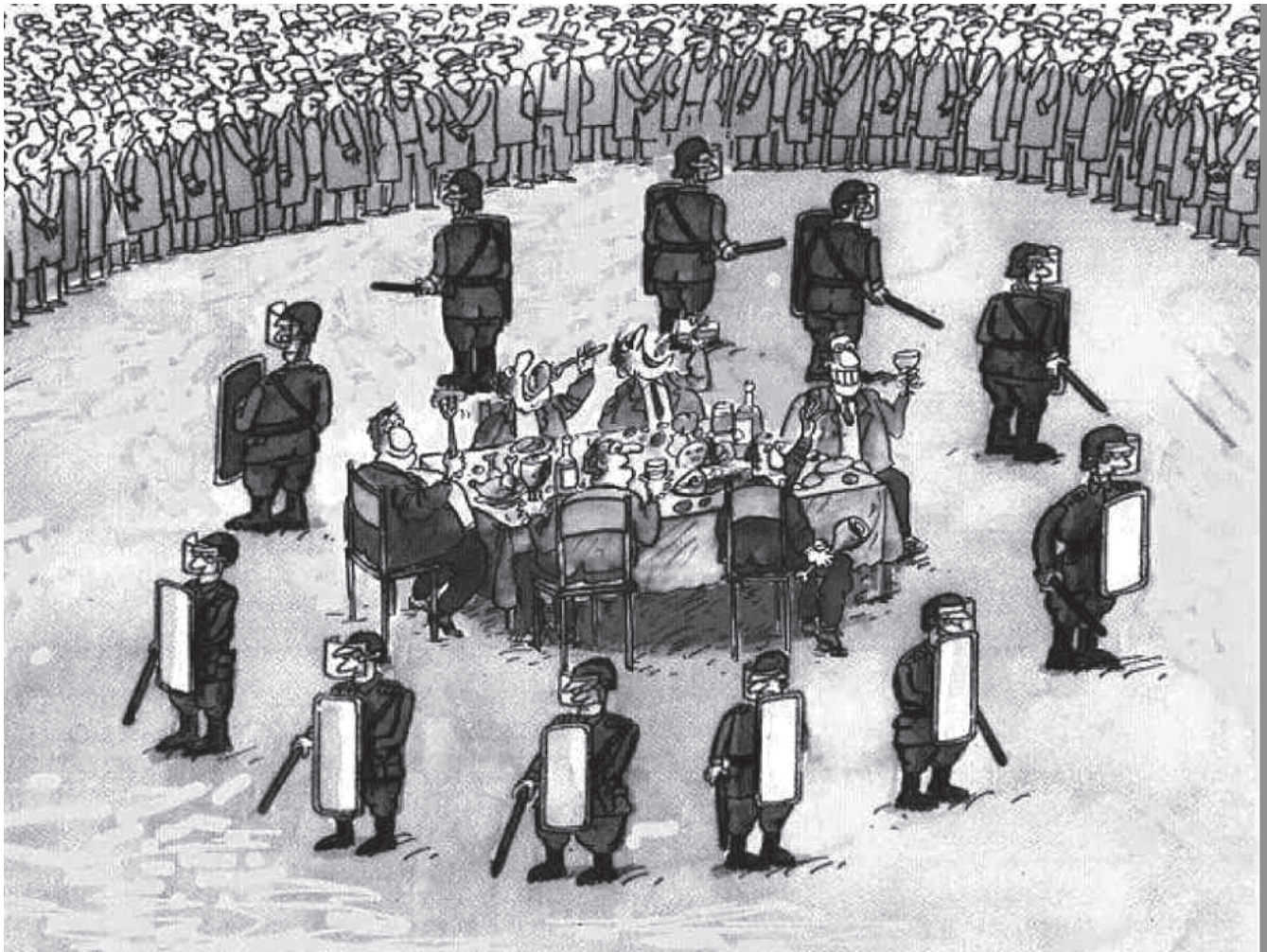
В трактовке Агамбена это изображение символизирует как раз ключевой момент формирования государства – «население» оставляет свою общественную жизнь, свой «город», чтобы стать «народом» в теле Левиафана. Наконец, присутствие перед воротами собора вооружённой охраны и двух медиков в характерных для того времени противочумных масках обладает, по мнению философа, непосредственно биополитическим значением: множество без государства уподоблено чумной массе, которая «может быть представлена только через охрану, надзирающую за её послушанием, и медиков, которые её лечат», то есть ведают вопросами здравоохранения.

Но самым интригующим для Агамбена является тот факт, что современные исследователи теории государства полностью

игнорируют третью часть «Левиафана», «О христианском государстве», либо воспринимают её чисто в метафорическом смысле. В некоторых изданиях ее просто вырезают. Между тем, учитывая теологические воззрения Гоббса, его выводы о грядущем Царстве Божьем являются неотъемлемой частью «Левиафана», и их следует понимать буквально. Именно теологической перспективой объясняется загадочное название данного трактата. Государство для Гоббса – это Левиафан, а Левиафан – это Антихрист, зверь из Апокалипсиса. Итальянский философ ссылается на Второе послание к фессалоникийцам апостола Павла из Нового Завета. В этом послании мессии противостоят два персонажа – человек беззакония, «сын погибели», и катехон, «удерживающий». В прочтении Агамбена первый символизирует гражданскую войну, второй – государство. Поэтому для Гоббса, пока существует государство, вплоть «до второго пришествия Христа, не может быть Царства Божьего на земле». При этом Агамбен замечает, что идея о политической реализации Царства Божьего на земле вполне могла быть отчасти заимствована Гоббсом у утопического социалиста Томмазо Кампанеллы, с чьим трудом «Монархия Мессии» он скорее всего был знаком.

Книга «Стазис» Джорджио Агамбена была распродана, переиздана в течение одного месяца после своего издания и сразу же заслужила восторженные отзывы в газете «Avvenire», главном печатном органе итальянской католической общественности. Но что-то подсказывает нам, что ее не менее благосклонно приняли бы и в среде революционных мыслителей прошлого, от Уильяма Морриса до Вальтера Беньямина, чьи эсхатологические чаяния известны.

Фуко и Агамбен в своём «биополитическом» дискурсе акцентируют внимание на аспекте доминирования правящих классов над «голой жизнью» мирового населения. В этом мы видим основное сход-

ство концепции «биополитической власти» с теорией «интегрированного спектакля» Дебора и «реального господства капитала» Маркса-Каматта – современный капитализм стремится поработить человека на круглосуточной основе, а не только на время восьмичасового отрезка рабочего дня, как на этапе «формального господства». Через «интегрированный спектакль» и «биополитическую власть» капитал стремится если не к физической вечности, то по крайней мере к бесконечному продлению цикла своего обращения, хотя сегодня уже не только признаки износа, но и многие другие симптомы говорят о том, что это достаточно безнадёжное предприятие. Вот почему в наше время так важна инверсия, движение человечества в противоположном направлении, в первую очередь через освобождение от репрессивного мышления,

через радикальные изменения в психологии как взрослых, так и наших детей.

В следующий раз мы рассмотрим концепции «реального господства», «антропоморфоза» и «потенциальной смерти» капитала.

A. Spiazato

Генерал-анархист Чэнь Цзюньмин

Чэнь Цзюньмин российскими историками характеризовался как генерал-милитарист, предавший первого президента республики Сунь Ятсена и изгнавший его из Кантона. Например, в книге И. Ермашева «Сунь Ятсен» Чэнь Цзюньмин назван исключительно «типичным милитаристом» и «предателем», подсылавшим к Сунь Ятсену убийцу. Ермашев пишет, что Чэнь вел тайные переговоры с южными генералами о создании «Федеративного правительства автономных провинций», а когда эти переговоры провалились, вступил в сговор

с главой северной клики У Пэйфу и устроил мятеж. При этом остается совершенно непонятной причина расхождений между Сунь Ятсеном и его соратником с до-революционных времен Чэнь Цзюньмином. Попытку реабилитации предпринял сын генерала Лесли Чэнь, выпустивший ряд работ на эту тему. По мнению Лесли Чэня, биографию его отца извратили как коммунисты с одной стороны, так и националисты с другой. Истинная биография Чэнь Цзюньмина в пересказе Лесли Чэня выглядит примерно так:

Предыстория

В первой половине XX века Китай, мучительно искавший модель модернизации, сотрясли несколько крупных движений: (1) Новая политика реформ и конституционное движение позднего периода династии Цин, 1898-1911; (2) Республиканская революция 1911; (3) Движение за новую культуру периода «4 мая» 1919 года; (4) Федералистское движение в 1920-1926 годах; (5) Националистическая (Гоминьдановская) Революция 1926-1949 и (6) Коммунистическая революция 1949 года.

Чэнь Цзюньмин (1878-1933) сыграл важную роль в первых четырех из этих движений. По образованию он был юристом и стал цинским законодателем, республиканским революционером, военным лидером, гражданским администратором и федералистом, который стремился преобразовать Китай в демократическую республику.

Однако Чэнь канул в безвестность из-за своего несогласия с Сунь Ятсеном о направлении, которое должны принять реформы. Сунь хотел объединить страну силой и изменить институт власти путем централизованного управления, основанного на однопартийной системе. Чэнь выступал за многопартийный федерализм и мирное объединение Китая. После восстания войск Чэня в 1922 году, которое заставило Суня бежать из Кантона (Гуанчжоу) и отсрочить его северную экспедицию, Сунь ополчился на Чэня. Националистическая партия Суня (Гоминьдан) быстро начала публиковать клеветнические материалы о Чэне, чтобы дискредитировать его. Коммунисты, которые вступили в союз с Сунем и которые до сих пор считают его отцом китайской революции, продолжают характеризовать Чэня как предателя и реакционного военачальника.

Конфликт между Сунем и Чэнем был конфликтом двух различных концепций национального строительства – централизма и федерализма. Четыре года спустя, в 1926 году, когда Северная экспедиция националистически-коммунистического союза прокатилась через южные и центральные провинции, все провинциальные учреждения, провинциальные и местные собрания, а также местные самоуправляемые общины, ассоциируемые с представлением о федеративном государстве, перестали существовать. История Чэнь Цзюньмина и федерализма с тех пор оставалась скрытой за националистическими и коммунистическими оценками современной китайской истории.

Доклад Уинстона Се, опубликованный в 1962 году, стал первой западной научной работой, которая дает сочувственный анализ политической карьеры Чэня с акцентом на его идеи и идеалы. Се отмечает, что Чэнь имел сильную интеллектуальную близость и политические связи со многими китайскими анархистами и что он становился большим покровителем анархистского движения всякий раз, когда оказывался у власти. Три десятилетия спустя, в 1990-е годы, аналогичные замечания были сделаны в трех подробных работах, написанных о китайском анархизме, соответственно Зарроу (1990), Дирликом (1991) и Кребсом (1998).

В статье Се была описана политическая деятельность Чэнь Цзюньмина, в том числе его сочинения в Чжанчжоу в период Четвертого мая и в Гонконге в последние годы его жизни. Чэнь был одним из основателей и покровителей анархистской террористической группы во время республиканского революционного движения 1910-1911. Группа была самой идеалистической и морально сознательной среди всех радикальных организаций в движении. После успешного свержения династии Цин группа распалась; Чэнь продолжал быть покровителем и защитником своих анархистских друзей и товарищей, которые оказались вовлечены в социальное и культурное реформаторское движение в Кантоне. В период Четвертого мая Чэнь создал с помощью анархистских интеллектуалов «идеальный» город Новой Культуры в Чжанчжоу, Фуцзянь, который получил признание критиков как в Китае, так и за рубежом. Вернувшись в провинцию Гуандун в 1920-е годы, Чэнь активно способствовал мирному объединению страны через «китайский федерализм» – продвигая объединение «снизу-вверх», что, очевидно, имеет анархическое происхождение.

Философ Джон П. Кларк определяет анархизм как политическую теорию, которая должна содержать: (1) видение идеального, не принудительного, не авторитарного общества; (2) критику существующего общества и его институтов, на основе этого антиавторитарного идеала; (3) представление, что человеческая природа может значительно прогрессировать по направлению к идеалу; и (4) стратегию измене-

ния, включающую неотложный набор не принудительных, не авторитарных и децентрализованных альтернатив. Ссылаясь на это определение Кларка, Зарроу приходит к выводу, что ранние китайские анархисты удовлетворяли всем этим четырем предпосылкам, «по крайней мере, до некоторой степени».

«... Для анархиста не может быть никакого разделения между революционным процессом и революционной целью...»

Китайские анархисты распространяли свои идеи, публикуя журналы, книги и памфлеты в Париже, Кантоне, Чжанчжоу и Шанхае. Один из теоретиков китайского анархизма Лян Бинсянь так резюмировал их действия в тот период:

1. Интерпретировали и пропагандировали теории социальной революции и частной собственности Прудона; коммунизм и теорию взаимопомощи Кропоткина в дополнение к социальному дарвинизму; и философию жизни Кропоткина.
2. Противостояли расизму, национализму и милитаризму.
3. Выступали против договорного брака и брака ради прибыли и за свободу любви.
4. Боролись за свободу личности, социальное равенство и бесклассовое, но организованное общество.
5. Выступали против империализма и национальных границ; продвигали мир Великой гармонии.

Ранняя революционная деятельность

Чэнь Цзюньмин родился в 1878 году в Хайфэне, Гуандун, в помещичьей семье, которая обладала определенным богатством и славилась ученой репутацией. Он начал изучать конфуцианскую

6. Противостояли религии, одурманивающей сознание людей; выступали за мобилизацию человеческой мудрости, чтобы улучшить физический мир.

Китайские анархисты были в числе первых, кто осуждал конфуцианство, обсуждал феминизм, содействовал реформе языка, а также организовывал профсоюзы. Они унаследовали конфуцианскую философию человеческой благодати и они считали, что у человеческих существ есть качества, которые позволяют им жить вместе в мире Великой гармонии. Таким образом, они отвергли идею Утопии, которая якобы существует за пределами нашего мира, и утверждали, что Великая гармония достижима посредством начала реформ в каждой общине.

Для анархиста не может быть никакого разделения между революционным процессом и революционной целью. Именно на этом вопросе о целях базировалось расхождение во взглядах между анархистами и марксистами, а не на их видении идеального общества. Китайские анархисты стояли против классовой борьбы для достижения бесклассового общества. Они критиковали марксизм за создание центра власти либо в пролетариате либо в «представляющей» его коммунистической партии, которые воспроизводили те самые властные структуры, отвергаемые им в теории.

классику в возрасте пяти лет и получил степень сюэца, когда ему было двадцать два. В 1906 году он поступил в Академию права и политологии в Кантоне и закончил ее два года спустя лучшим в классе. Только что

созданная академия предназначалась правительством Цин для подготовки будущих чиновников, особенно парламентариев. Учреждена она была в рамках программы реформ, предназначенных подготовить Китай к конституционной монархии – усилия эти напоминали происходящее в Японии после реставрации Мэйдзи 1868 года. Академия пригласила японцев и китайцев, обучавшихся в Японии, давать курсы японского конституционного движения и западного образования.

Два события характеризуют раннюю приверженность Чэнь Цзюньмина к участию в местных и национальных делах. Первое привело к успешному импичменту окружного судьи за жестокое и неподобающее поведение. В итоге незаметный студент юридического факультета из удаленного городка в Восточном Гуандуне приобрел в провинциальной столице репутацию лидера, готового рисковать своей жизнью ради борьбы с несправедливостью. Добавило Чэню популярности и то, что он отказался получить финансовое вознаграждение за свои усилия.

Второе событие произошло во время отпуска Чэня из академии в феврале 1908-го. У исторического святилища поэта, педагога и полководца Вэнь Тяньсяна в Хайфэне Чэнь уговорил более тридцати молодых людей из деревни поклясться в тайной поддержке национальной революции. Группа Чэня была составлена из доморощенных деревенских интеллигентов из антиманьчжурского движения, не получивших ни иностранного образования, ни бывших членами одного из традиционных тайных обществ. В то время как в Китае многие революционные группы разделяли сильные националистические и антидинастические взгляды, хайфэнская группа отличалась от своих зарубежных соотечественников, вроде Сунь Ятсена, которые призывали к падению маньчжурского режима, сидя в тихих гаванях зарубежных стран. Для этих сельских интеллигентов

революция была средством к ближайшей цели, искоренением страданий и социальной несправедливости, которые окружали их каждый день. Они уделяли особое внимание проблеме местной реорганизации и социальным реформам. Как и анархисты, они хотели, чтобы социальная революция немедленно последовала за успешной национальной революцией.

После окончания Академии в 1908 году, Чэнь вернулся домой, где в 1909 году основал «Хайфэн цзычжи бао» («Газета хайфэнского самоуправления»). Чэнь был главным редактором, а несколько других его деревенских товарищей редакторами. Они, не колеблясь, обличали социальные недуги, постоянно добавляя, например, заголовок «зло неравенства» к сообщениям о кражах или грабежах. В октябре, всего через год после достижения минимально положенного тридцатилетнего возраста, Чэнь был избран в первое Собрание провинции Гуандун в Кантоне. Там он участвовал в разработке практической политики одновременно с тайной работой по свержению династии Цин.

«... для анархиста не может быть никакого разделения между революционным процессом и революционной целью...»

До успешного восстания в Учане, которое привело к революции 1911 года, Чэнь уча-

ствовал в двух неудачных восстаниях в Кантоне: восстании новой армии 12 февраля 1910 года и восстании 27 апреля 1911 года. Неудачи заставили Чэня изменить стратегию – он решил переключить внимание с вооруженной до зубов и находящейся в полной боевой готовности столицы провинции. Когда весть об учанском восстании 10 октября 1911 года достигла Кантона, Чэнь тайно уехал в свои родные районы в Восточном Гуандуне, чтобы поднять революционную армию. Крестьяне составляли основную часть этой армии; ими руководила смешанная группа бывших военнослужащих, членов тайных обществ, местных интеллигентов и китайцев-эмигрантов из Юго-Восточной Азии. Чэнь Цзюньмин, в первый раз в своей политической карьере, оказался верховным главнокомандующим армии, которую с полным правом можно было бы

назвать «народная революционная армия». Для флага своей армии Чэнь принял древний знак системы одинаковых земельных участков «колодец-поле», подписав его старой китайской поговоркой «земля – земледельцу».

Армия Чэня захватила Хойчжоу, столицу Восточного Гуандуна, 8 ноября 1911 года, что привело к декларации независимости провинции на следующий день без дальнейших боевых действий. Чэнь впоследствии стал генерал-губернатором нового республиканского правительства провинции. В критический период после бурной революции его администрация предоставила Гуандуну сильное и стабильное правительство. Его достижения были, по описанию американского генерального консула, Лео Берггольца, «не меньше, чем чудо».

Связи с анархистами и эксперимент в Чжанчжоу

После провала восстания Новой армии в феврале 1910 года Чэнь Цзюньмин уехал в Гонконг, где он и десять других товарищей вместе с Лю Шифу организовали тайное революционное общество под названием «Китайский террористический союз».

Неофициальным, но безусловным лидером союза был Лю Шифу, который впоследствии стал идеологом китайского анархизма. Шесть лет спустя в Чжанчжоу, Чэнь Цзюньмин признался одному из последователей Лю: «Трудно низвергнуть бремя

зла. Это еще более трудно для кого-то, кто готов взять это бремя на себя. Шифу учит людей низвергнуть его. Позвольте мне взвалить его на свои плечи на всю оставшуюся жизнь!» Чэнь решил выбрать другой подход для достижения той же цели, что и Лю. Но было между ними и общее. Шифу был широко уважаем за серьезность намерений и последовательность в воплощении в жизнь того, что проповедовал – черты, которые разделял Чэнь Цзюньмин на протяжении всей политической карьеры.

Чэнь также оказывал поддержку У Чжихуэю (1864–1953), еще одному столпу китайского анархизма. У, организатор популярного движения «прилежной работы, экономной учебы» в начале 1920-х (придуманная группой анархистов серия программ, обеспечивших китайским студентам работу на фабриках во Франции как способ оплаты за изучение западных наук. Среди студентов оказались будущие руководители компартии Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин), приехал на юг, чтобы заручиться поддержкой Чэня. С помощью Чэня ему удалось получить пожертвование в размере \$ 100,000 на фонд Франко-китайского института в Лионе. В итоге институт, в котором смогли обучаться китайские рабочие, был открыт. У позже стал видным государственным деятелем националистической партии Сунь Ятсена и предал идеалы анархизма.

Два года (август 1918 – ноябрь 1920), что Чэнь Цзюньмин провел в Чжанчжоу, впервые предоставили ему шанс воплотить в жизнь его реформаторские идеи. Его ученичество в качестве члена Собрания провинции Гуандун и его опыт генерал-губернаторства в 1912 году теперь принесли свои плоды. Он знал, что работе по строительству сильных гражданских институтов нужно оказывать военную поддержку. В своих действиях он руководился принципами Движения за новую культуру. Идею этого движения породило возмущение, вызванное «Двадцать одним требованием» Японии и событиями 4 мая 1919 года.

Армия Чэня, которая теперь называлась Гуандунская армия, возглавлялась людьми, которые сражались вместе с ним во время революции 1911-го. Чэнь проявил себя высокоморальным главнокомандующим; его армия была самой дисциплинированной в ту эпоху.

Чэнь приступил к осуществлению программы социальных реформ и экономического развития в находящихся под его контролем двадцати шести округах южной Фуцзянь. Размах реформ был таким впечатляющим, что они вскоре привлекли внимание за рубежом. Немецкая газета, например, назвала Чжанчжоу «яркой звездой на Востоке». Некоторые студенты Пекинского университета, идеализирующие новый коммунистический режим в России, были настолько впечатлены после посещения Чжанчжоу, что откликнулись в своей студенческой публикации: «Чэнь – человек, посвятивший себя революции... Практика в эпоху коммунизма не может быть лучше той, что Чэнь осуществил в Чжанчжоу... Чжанчжоу – это Москва южной Фуцзяни». Американский консул в Сямыне прокомментировал: «Китайцы увидели, что может быть сделано без чрезмерных лишений и тяжелых налогов». Действительно, некоторые современники называли Чжанчжоу «маленькой моделью Китая».

«... в конце концов, по его мнению, человеческое общество разовьется до стадии, когда люди обретут счастье полного равенства и не будут страдать под рабством государств, наций или отдельных лиц...»

В плане культуры Чэню помогала группа «свободных социалистов», в основном последователей Лю Шифу, которые приехали в Чжанчжоу «реформировать образование, издавать книги и газеты, изменить отношение общества, поднять уровень знаний

народа и трансформировать двадцать шесть округов южной Фуцзяни в здоровую и автономную область». Они верили, что этот кусок чистой и здоровой земли может служить ярким примером для остального Китая, тем самым вызвав реформу всей страны. Среди них был и Лян Бинсянь, игравший при Чэне роль эдакого Волина при Махно.

У самого Чэнь Цзюньмина было слишком мало времени, чтобы писать во время своей активной политической карьеры. Тем не менее, в Чжанчжоу ему удалось создать несколько статей и стихотворений. В его трудах отражено глубокое влияние анархических идей абсолютного равенства, моральной чистоты, демократии, взаимной помощи и освобождения от институционального ярма.

В центре первого общественного парка Чжанчжоу, который создал Чэнь как символ новой эпохи, он возвел башню. На ее четырех сторонах были написаны большими буквами четыре центральных понятия Движения за новую культуру: 自由 zìyóu (свобода), 平等 píngděng (равенство), 博愛 bó'ài (братская любовь) и 互助 hùzhù (взаимопомощь). В своей передовице в газете «Миньсин Бао» Чэнь исследовал значение этих слов и философии, лежащей в основе нового движения. Он утверждал, что Движение за новую культуру обязательно должно включать в себя реформу человеческой мысли, но он предостерегал от применения

силы или чего-нибудь, что можно назвать промыванием мозгов, в процессе реформирования человеческой мысли. Он считал, что Китай должен следовать эволюционным процессом, основанном на братской любви и принципе взаимопомощи. В конце концов, по его мнению, человеческое общество разовьется до стадии, когда люди обретут счастье полного равенства и не будут страдать под рабством государств, наций или отдельных лиц. Чэнь утверждал, что необходимо великое пробуждение всякого ума, чтобы все освободились от преобладающего ошибочного мнения, что «каждый должен бороться за свое существование, не заботясь о жизни и смерти других».

В бытность студентом Академии права и политологии в Кантоне Чэнь выражал энтузиазм по поводу социального дарвинизма и даже взял себе имя Цзинчунь (борьба за существование). Теперь однако он явно отклонился от доктрины социальной эволюции, считая жестокую борьбу за существование морально неадекватной.

В то время растущего национализма Чэнь считал, что национализм уводит далеко в сторону от представления о духовном и совершенном человеческом обществе. Он энергично выступал против его догматов в качестве категорического императива. Вместо этого он верил в искренние и более прочные принципы братской любви и взаимопомощи: «Люди имеют естественную способность к братству и братской любви. Если кто знает, как любить свою страну, то почему бы не научить его полностью раскрыть свои способности и любить все человеческое общество? Быть способным любить все человечество означает, что никто не может отказаться от сочувствия к другим, так как в историческом прошлом он связан, по меньшей мере частично, со всем человечеством... Если какую-нибудь нацию угнетают сегодня, мы можем броситься ей

на помощь, не ощущая никакого противоречия с состраданием, которое мы испытываем к другим народам... Разве понятие «социализма всего человечества» (全人「社」主義「quán rén lèi shè huì zhǔ yì») не лучшая доктрина?»

В другой публикации, в «Миньсин жибао», Чэнь написал манифест с изложением миссии газеты. Он повторил темы построения нового общества путем сбрасывания ярма старого общества ради свободы, путем уничтожения классовых различий ради равенства, и отказа от конкуренции ради взаимной помощи.

Вопреки классическому анархистскому учению Чэнь был не против религии. Когда его друг Сюй Цянь, известный правовед, решил «уйти от конфуцианства, чтобы обратиться в христианство», Чэнь вдохновился написать статью во славу христианства под названием «Не быть рабом зла». В отличие от традиционных китайских учений, в глазах Чэня западная христианская религия несла реформаторский заряд. Недаром за полвека до того восставшие бедняки-тайпины вдохновлялись христианскими идеями. Чэнь отмечает, что Иисус из Назарета был человеком, который проповедовал равенство, свободу, братскую любовь и самопожертвование, и который был готов нести бремя мучений, чтобы спасти мир. Чэнь считал христианство основной движущей силой свободы и равенства, которой наделены люди в западных странах.

Как англичане, так и американцы, не делавшие различия между последователями левых движений, в своих дипломатических отчетах иногда называли Чэнь Цзюньминя «Генерал-большевик». Но в докладе американского миссионера в Чжанчжоу консулу в Сямыне предложена более мягкая оценка: «На большом спортивном мероприятии, проводившемся здесь на прошлой неделе,

распространялась большевистская литература и прозвучали несколько речей. Генерал Чэнь – сам социалист (но я не могу поверить, что самого радикального типа), по-видимому, он помогал этому движению».

У Чжихуэй посетил Чжанчжоу в 1919-1920 годах. Его замечания отражают позицию, преобладающую в то время среди большинства китайских интеллектуалов (разделял ее, в том числе, и Чэнь Цзюньминь): «Что касается марксизма, мы изучали и обсуждали его много раз в нашем издании The New Century в Париже более десяти лет назад. В конце концов, мы отвергли его [как неприменимый в Китае]... В действительности, у каждой страны свой путь и свои условия, которые приводят к началу социальной революции. Мы понятия не имели, что там Ленин прячет у себя за пазухой».

«... правительство Гуандуна способствовало организации профсоюзов, но «сурово предостерегало» их от забастовок в качестве средства для урегулирования трудовых жалоб...»

Несмотря на то, что китайцы не были уверены, «что Ленин прятал за пазухой», они не боялись нового советского государства и не испытывали к нему неприязни. Они относились к нему с любопытством и искренне восхищались руководством Ленина в борьбе угнетенного русского народа против царского империализма. Советский Союз находился в младенчестве, а Коммунистическая партия Китая еще не родилась. Это было еще время, когда все с жаром погружались во все разнообразие новых социальных идей.

Федерализм и федералистское государство

После возвращения из провинции Фуцзянь с Гуандунской армией в ноябре 1920 года Чэнь Цзюньмин немедленно приступил к осуществлению пламенной программы по превращению Гуандуна в идеальную провинцию с тем, чтобы «завоевать доверие нации». В интервью Родни Гилберту, американскому корреспонденту шанхайской газеты North China Daily News, через два месяца после возвращения в Гуандун Чэнь описал основную философию и конечную цель программы реформ Гуандуна. Он объяснил, зачем на данном этапе нужно его правительство: «Жители Китая недостаточно организованы, чтобы выразить себя или сделать ощутимой свою коллективную волю. Однако они привыкли к самоуправлению в своих деревенских общинах, и если есть демократия в Китае, она должна будет развиваться из этих общин и их традиции самоуправления. Мы должны работать снизу вверх, а не сверху вниз, как мы и пытались сделать уже столько лет...

«... идея Чэнь Цзюньмина о построении демократии снизу вверх очевидно имела анархическое происхождение...»

Мы считаем, что если мы начнем применять наши идеи в Гуандуне и в конце концов добьемся успеха, наш пример побудит жителей провинций вокруг нас настаивать на аналогичной системе, и это движение распространится по всему Китаю... Если мы получим несколько провинций, мы сможем объединить их и прибавлять другие, одну за другой, пока не преобразуемся в правительство Соединенных провинций».

В двухлетний период 1921–1922 годов, значительные и беспрецедентные результаты были достигнуты в преобразовании Гуандуна по всем направлениям – в создании си-

стемы муниципалитетов, выборах окружных судей и членов собраний, реформе образования, развитии промышленности, судебной реформе, рабочем движении, торговле и транспорте. Выборы окружных судей и членов собраний были беспрецедентными в истории Китая. Правительство Гуандуна способствовало организации профсоюзов, но «сурово предостерегало» их от забастовок в качестве средства для урегулирования трудовых жалоб. В то же время правительство запустило кампанию по ликвидации неграмотности среди рабочей силы путем создания вечерних школ на заводах. К началу 1922 года насчитывалось более 130 союзов, зарегистрированных провинциальным правительством, представляющих более 300 000 членов. Союз механиков был одним из самых сильных, а его лидерами были видные анархисты.

Без письменных законов и с небольшим опытом, губернатор Чэнь взял на себя претворение в жизнь того, что работники передовых промышленно развитых стран получили только десять лет спустя, – права работников на ведение коллективного трудового спора через их собственное представительство без вмешательства, ограничения или принуждения со стороны работодателей. Используя этот подход, он помог урегулировать крупную забастовку гонконгских моряков 1922 года. У Чэня была похожая идея по организации крестьянских союзов в качестве средства для аграрных реформ; он применил ее на практике в Восточном Гуандуне в 1923–1925 годах.

Идея Чэнь Цзюньмина о построении демократии снизу вверх очевидно имела анархическое происхождение. Известный американский педагог и философ Джон Дьюи, который посетил Китай с двухлетним курсом лекций в 1919–1921 годах, высоко оценил Чэня и федералистскую программу в Гуандуне. Дьюи посетил Гуандун весной 1921-го.

В июле он написал в *The New Republic* о взглядах Чэня на объединение Китая «самими людьми, используя не силу, но методы нормальной политической эволюции».

В то время как в начале 1921 года Собрание провинции Гуандун работало над провинциальной конституцией, Чэнь Цзюньмин разрабатывал «план преобразования» – предложение по национальной конституции. План был, по сути, политической инициативой гуандунских федералистов, которые стремились к незамедлительным мерам, чтобы достичь объединения страны. На севере Ху Ши и ряд видных ученых, писавших для пекинского периодического «Нули чжоубао», советовали как Сунь Ятсену, так и У Пэйфу, что только принятие федеральной системы власти может спасти страну от расчленения военачальниками. Раскол внес Чэнь Дусю, впоследствии ставший основателем Коммунистической партии Китая. Чэнь Дусю подверг федералистов яростным нападениям: «Те, кто выступает за «федерацию провинций», просто используют «федерацию самоуправляющихся провинций» как предлог, чтобы осуществить захват территорий военными губернаторами».

После заключения союза с Коммунистической партией Китая в 1924 году Сунь Ятсен выбрал ту же линию нападения, что и Чэнь Дусю: «Если мы должны будем подражать американской федеральной системе и преобразуем Китай в Соединенные провинции, для каждой провинции будет необходимо иметь свою конституцию и управлять собой. После того, как провинциальные конституции будут воплощены в жизнь, можно будет создать федеральную конституцию».

Но в реальности это преобразует единый Китай в двадцать независимых частей, а затем их нужно будет воссоединить, так же, как десять старых независимых штатов Америки сто лет назад. Это решение абсолютно неправильно».

Сунь никогда не обсуждал плюсы и минусы федеральной системы власти в Китае. Вместо этого, для того, чтобы развить свои доводы, он играл с двумя парами антонимов, – «объединенный» (統一 tǒngyī) против «раздельный» или «разъединенный» (分裂 fēnliè), и «централизованное правительство» (集权 jíquán) против «децентрализованного, или федерального правительства» (分治 fēnzhì). Сунь вел своих слушателей к мысли, что единая система провинций, в которой власть разделена между центральными и местными органами власти (fēnzhì), была на самом деле разъединенной или раздробленной (fēnliè) структурой. Сунь также ошибочно использовал термин «объединение» (tǒngyī), как синоним сосредоточения всей власти в центральном правительстве (jíquán). Следуя советскому примеру, объединение силой в высокоцентрализованный режим, функционирующий в соответствии с пожеланиями партийного лидера, стало единственной и безальтернативной программой реорганизованной партии Суня в 1924 году.

Такое слияние слов – tǒngyī и jíquán – имело большую привлекательность для разделенной нации. С помощью советских методов массовой пропаганды и политических действий Суню удалось дискредитировать федералистский принцип построения демократии снизу вверх, доктрину, которая была необычайно популярна в Китае на протяжении более десяти лет.

Для того, чтобы развеять опасения китайского народа о создании тоталитарного го-

сударства в советском стиле, Сунь окутал свою программу двумя новыми принципами. В Декларации националистической партии на ее первой национальной конвенции в январе 1924 года Сунь объявил о принятии принципа равенства власти (均权主义 jūnquán zhǔyì) и о введении уездного (县 xiàn) самоуправления. По его модели, разделение власти между центральными и местными органами «не будет походить ни на централизованную (中央集权 zhōngyāng jíquán), ни на децентрализованную (地方分权 dìfāng fēnquán) систему управления». Губернатор провинции должен быть избран народом, но он «получает приказы по исполнению своих обязанностей от центрального правительства». Уезд считается основной единицей местного самоуправления. В сущности, то, что предложил Сунь, было советского типа федерацией «самоуправляющихся» уездов.

После поражения Гуандунской армии в 1925 году от обученных и снаряженных Советским Союзом сил Суня, Чэнь Цзюньмин переехал в Гонконг, где продолжал искать объединения Китая политическими средствами. В своей книге «Предложение по объединению» Китая, опубликованной в 1927 году, Чэнь видит китайский федерализм координирующим четыре уровня географического разделения – село, район, уезд или город, и провинцию – с двумя ти-

пами организации, традиционной географической и профессиональной или торговой. Здесь отражена анархическая система «крайней» децентрализации, при которой власть делегирована вверх от самой маленькой единицы – поселка или села. Новое участие профессиональных или торговых организаций напоминает о бакунинской свободной федерации рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, научных и литературных.

В последние годы в Гонконге Чэнь выступает за расширение федералистского принципа на преобразование Азии, Европы и Америки, ведущее, в конечном счете, ко всемирной федерации:

1. Строительство Китая на принципах равенства благосостояния, равенства прав и равенства возможностей.
2. Преобразование Азии в организованную единицу является краеугольным камнем всемирной организации. Для того, чтобы достичь мировой гармонии, Азия, Европа и Америка должны быть отдельно организованы в федерации.
3. Организация мира в федерацию на основе принципа равенства и мирного сосуществования. Упразднение военных организа-

ций в каждой стране. Китай должен играть роль члена-основателя в этой всемирной федерации.

В следующие после 1920-го годы многие люди во всем мире поддерживали идею мирового федерализма, устав от бессмысленной бойни и разрушений во имя национализма во время Первой мировой войны. Была создана Лига Наций, но это болезненно слабое учреждение не могло противостоять силам фашизма и нацизма. Многие китайские интеллектуалы надеялись на Лигу Наций; в частности, среди них был марксист Ли Дачжао. Ли видел исторический прогресс в более высоких уровнях организации: «Южная Америка, Европа и Азия – каждая объединится. В конце концов, они объединятся друг с другом и упразднят все расовые и национальные границы».

Кажется, нет существенной разницы между тем, за что выступал Чэнь Цзюньмин, и что предсказывал Ли Дачжао, при продвижении к миру Великой гармонии. Важное отличие заключается в стратегии, которая выбирается для достижения целей. Федералист Чэнь Цзюньмин применял концепцию федерации каждого уровня организации, построения демократии снизу вверх – стратегии анархистской, цели которой не должны быть отделены от средств в процессе изменений. Ли Дачжао применял марксистский подход. Для анархистов цель марксистов не обязательно неправильна, но «учитывая методы, которые они защищают, можно быть уверенным, что они никогда не достигнут ее».

Итоги

Темы национализма, революции и коммунизма доминировали в изучении современной китайской истории с конца периода Цин до настоящего времени. Анархизм и федерализм уже давно игнорируются теми, кто смотрит на историю глазами победителей. Как отмечает историк Джеймс Джолл, «убеждение, что только триумфатор должен вызывать интерес историка, приводит к игнорированию многого в прошлом, что является ценным и любопытным, и сужает наш взгляд на мир».

Первая четверть двадцатого века был золотым веком для китайских интеллектуалов. В конце движения цинских реформ издавалось около ста журналов, содержащих многочисленные очерки западной мысли и практики. В течение шести месяцев студенческого движения Четвертого мая в 1919 году в газетных киосках появилось более четырехсот новых периодических изданий.

Известный педагог Цай Юаньпэй позже с ностальгией вспоминал ситуацию 1910-х и 1920-х годов: «В то время свобода мысли и слова были практически безграничны».

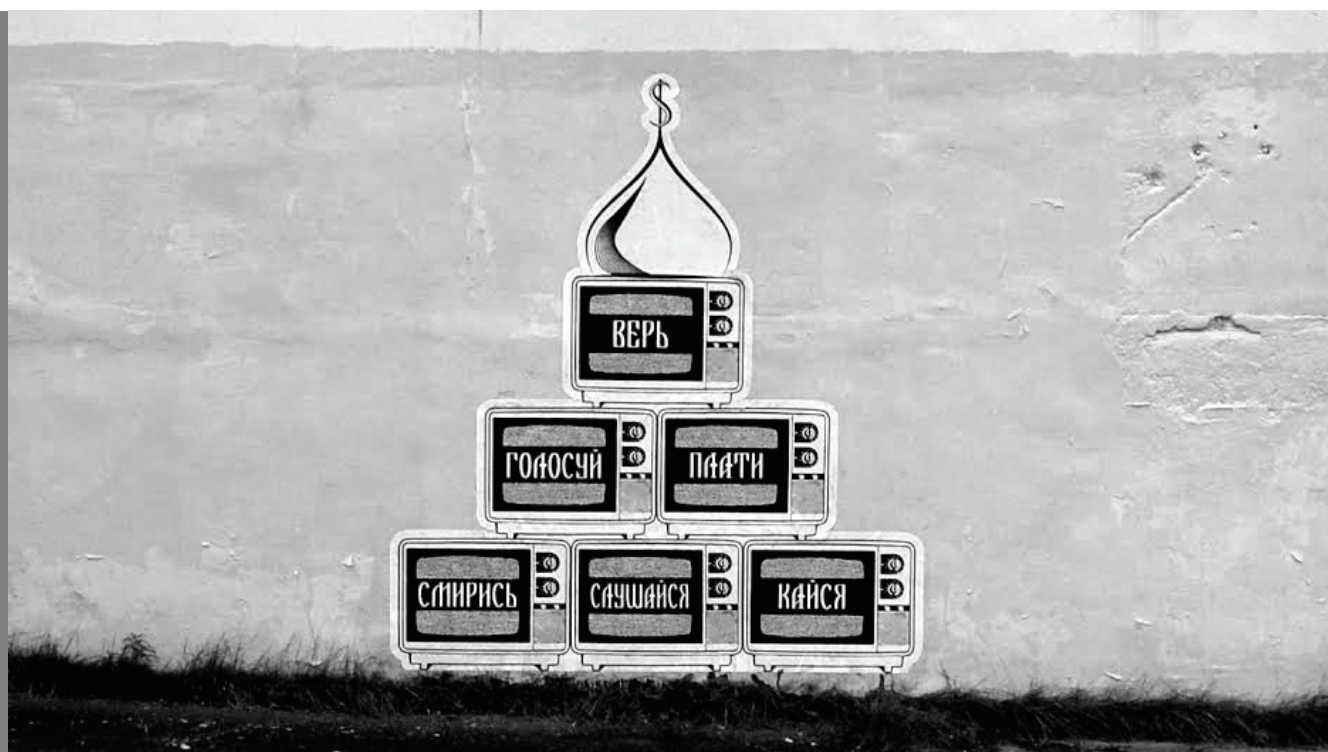
Кардинальный поворот произошел в 1924 году, когда Сунь Ятсен реорганизовал националистическую партию по образцу Советской России и осуществил «партификацию» (党化 dǎnghuà) образования, государственной службы, судебной системы и вооруженных сил. Через четыре года после смерти Суня, в 1929 году, Ху Ши, в то время бывший ректором частного университета в Шанхае, писал: «[В настоящее время] отрицание существования Бога является приемлемым, но критика Сунь Ятсена запрещена... запрещено не читать «Завещание» Суня или не соблюдать еженедельную памятную церемонию». С этого времени самой влиятельной теорией всегда считались речи и статьи правителя.

Приверженность Чэнь Цзюнмина федерализму был естественным продолжением его опыта и философии. Он верил в реформы снизу вверх. Он считал, что страна должна опираться на свои исторически сильные

стороны, особенно на многолетний опыт самоуправления на местном уровне. Чэнь думал, что, укрепляя этот потенциал, его товарищи китайцы научатся успешно управлять собой на региональном и в конечном счете на национальном уровне. Джон Дьюи писал в *The New Republic*, что он жил «почти спартанской жизнью в стране, где официальная должность в значительной степени ценится за роскошь, которую она сулит».

Чэнь Цзюнмин пытался применять анархистские идеи к той реальной ситуации, в которой он существовал. Иногда ему приходилось отходить от идеального анархизма, иногда удавалось приближаться к нему. Но прежде всего он был человеком, полностью преданным воплощению в жизнь того, за что выступал.

Ильяс Фалькаев

Неистовый Осуги

Жизнь и смерть анархиста в Японии

Сакаэ Осуги – самый яркий и известный японский анархист начала XX века. Он был известен своими героическими, но иногда сумасшедшими поступками, громким политическим активизмом, переводческими работами, разными скандалами и трагической смертью. В этой статье описывается биография одного из самых уникальных японцев прошлого века.

1 Сакаэ Осуги родился в городе Марукаме, префектуре Кагава на острове Сикоку в 1885 году. Он был вторым сыном в семье военного. Его отец Адзума, офицер из префектуры Айти в центральной части Японии, происходил из состоятельной деревенской семьи. Его мать Тоё была дочкой успешного предпринимателя, занимавшегося изготовлением и продажей sake в префектуре Вакаяма на западе Японии. Дед Осуги по материнской линии был известен своей необычной силой, хулиганскими поступками и мастерством в разных видах единоборств. Однажды он сильно разозлился на то, что некоторые самураи пренебрежительно отнеслись к обычным горожанам во время городского фестиваля, и затеял большую драку с этими самураями. После этого он продолжил конфликтовать с самураями. Впоследствии он потерял семейный бизнес, обеднел и умер в возрасте 33 лет. Сакаэ Осуги намекнул в своей автобиографии, что он больше похож на этого деда и свою мать, чем на отца, который всегда был спокойным, редко ругал Сакаэ и едва участвовал в воспитании своих детей. У Сакаэ было восемь братьев и сестер.

Переехав с острова Сикоку на западе Японии после рождения Сакаэ, семья Осуги

поселилась в Токио. Когда ему исполнилось пять лет, они снова переехали – в военный город Сибата в префектуре Ниигата северной Японии. Там он провел детство до 14 лет.

По отцовской линии Осуги унаследовал заикание. Когда он заикался, мать била его, чтобы исправить заикание, но, конечно, напрасно. Осуги в своей автобиографии писал, что он был стеснительным и часто краснел: «Я сразу обращал внимание, когда кто-то смеялся – думал, что кто-то смеялся над моим заиканием. Я стал более недоверчивым. Это имело большое влияние на мою психологию».

В детстве Осуги проявлял необычный темперамент – он был шаловливым и жестоким мальчиком, который часто бил своих одноклассников и даже убивал котов и собак ради развлечения. Но он прекратил убивать животных после того, как его мать рассказала ему, что духи убитых котов и собак пытались захватить его душу. Мать часто и сильно его била за плохие поступки, но ее наказания не сильно помогли. Осуги даже признался в своей автобиографии, что с 10 лет начал увлекаться какими-то сексуальными контактами со своими ровесница-

ми-девочками и что чуть не убил одноклассника в детских битвах и, возможно, сделал его инвалидом. Он не смог узнать дальнейшую судьбу этого несчастного мальчика.

В 1899 году Осуги поступил в военную школу императорской Японии в городе Нагоя для того, чтобы стать военным офицером. Ему было тогда 14 лет. После поступления Осуги постоянно хулиганил. Он часто дрался и даже имел сексуальные контакты с одноклассниками, и из-за этого его отстранили от учебы на 30 дней. Стоит отметить, что, по мнению некоторых специалистов и самого Осуги, в то время довольно часто молодые мужчины имели однополые сексуальные отношения в качестве развлечения, хотя мало кто открыто об этом писал. А в своих автобиографических произведениях Осуги откровенно признался и в этом.

После возвращения в школу он снова периодически дрался и конфликтовал с учителями, страдая от постоянных депрессий. Он относительно хорошо учился, но оценка за поведение была у него всегда самой низкой. Однажды старшие школьники напали на Осуги и ударили его ножом. Его сразу

увезли в больницу, где ему сделали операцию. После этого случая его окончательно исключили из школы.

Когда Осуги вернулся домой, его родители были сильно разочарованы. Сначала он лечился дома, а потом у него возникло желание поступить на кафедру литературы в один из институтов в Токио. Его отец, военный офицер, был против; он хотел, чтобы сын устроился на солидную работу – инженером, юристом или врачом.

– Литература, хм, да это плохо, – угрюмо бормотал отец, узнав, что его сын хочет учиться на кафедре литературы. – Учи все, что хочешь, но только не литературу...

Из-за отцовского сопротивления Осуги решил учить французский, и отец одобрил эту идею. Затем Осуги переехал в Токио и в 1902 году поступил в языковую школу. Он позже поступил на кафедру французского языка в университете Дзюнтендо, а затем перешел на кафедру французского языка в Токийском университете иностранных языков. В том же 1902-м его мать Тоё ушла из жизни.

2. Осуги ознакомился с левыми идеями в начале своей студенческой жизни в Токио. Он подписался на оппозиционную газету «Ёродзутёхо», где работали социалисты, в том числе Сюсуй Котоку, который позже перевел Кропоткина и стал самым известным анархистом в стране. Вскоре Котоку и другие известные левые активисты, такие как Тосихико Сакаи и Кандзо Утимура, ушли из газеты из-за несогласия с редакцией по поводу отношения к России, так как Котоку и Сакаи были против войны с Россией, а редакция была за. После чего в 1903 году они открыли новое политическое издательство «Хэйминся». Осуги продолжал читать материалы, написанные Котоку и Сакаи, начал ходить на социалистические встречи, организованные «Хэйминся», где познакомился

с Котоку и другими социалистами. На этих встречах Осуги изучал и обсуждал социализм и разные политические проблемы.

Стоит отметить, что в то время в Японии политические левые часто работали вместе с христианами, которые подвергались дискриминации даже после отмены 250-летнего запрета на христианство в 1876 году. Осуги писал в своей автобиографии, что в «Хэйминся» работал главный христианский активист Сансиро Исикава, который позже стал видным анархистом, сохранив свою христианскую веру. А тогда все главные члены «Хэйминся», кроме Исикавы, негативно относились к религии, но считали, что это личный вопрос. С другой стороны, христианство в то время привлекало самую продвинутую молодежь в Японии, так что большинство людей, которые приходили на встречи и лекции в «Хэйминся», оказались верующими. Более того, христианская интеллигенция финансировала и морально поддерживала некоторые левые организации, в том числе «Хэйминся». Ранее Осуги также интересовался толстовским пониманием христианства, ходил в разные церкви и даже крестился, но крещение не сделало его религиозным. Позже, благодаря «Хэйминся», он стал ближе к социализму, окончательно решив удалиться от христианства, когда некоторые японские христианские авторитеты выразили поддержку русско-японской войне.

Осуги окончил учебу в 1906 году и затем открыл школу эсперанто. С этого времени Осуги начал серьезно заниматься политическим активизмом. Ему было тогда 22 года.

3. В 1906 году начался хаотичный период жизни Осуги, который на протяжении шести лет периодически сидел в тюрьме за свои политические действия. В марте 1906 года Осуги участвовал в митинге против повышения цены на проезд в электричке; в ходе митинга его участ-

ники подожгли 54 поезда, и вместе с другими активистами Осуги арестовали первый раз в жизни. Его выпустили через три месяца.

Осуги активно писал политические статьи, за которые его сажали несколько раз: его посадили на 1,5 месяца за публикацию перевода «К молодежи», произведения Петра Кропоткина, и на месяц за публикацию перевода статьи, опубликованной во французском анархическом журнале *L'Anarchie* в 1907 году.

В 1908 году японское правительство приказало отменить еженедельные встречи, организованные Осуги и другими членами «Хэйминся». Но они проигнорировали приказ и продолжали встречи еще некоторое время. Однажды появилась милиция, которая попыталась разогнать Осуги и его коллег, а они затеяли импровизированное публичное выступление с речами с крыши здания, высказываясь против милиции перед сотнями собравшихся. Впоследствии

правительство полностью запретило еженедельные встречи, закрыло газету «Хэйминся» и задержало Осуги на 1,5 месяца.

Следует отметить, что несмотря на активное участие в разных митингах и акциях, Осуги не применял насилия и иногда уговаривал своих горячих товарищей не действовать силой.

В июне 1908 года Осуги и его коллеги собирались отметить освобождение их товарища Кокена Ямагути, ранее арестованного за участие в уничтожении поездов во время митинга 1906 года. Снова пришла милиция, чтобы их разогнать. Осуги сопротивлялся, борясь с милицией и размахивая красным флагом. В итоге его посадили на 2,5 года. В этот раз Осуги провел в тюрьме долгое время.

В своих мемуарах о жизни в тюрьмах он писал: «Я – человек, который сформировался в тюрьме», «тюремная жизнь – это микрокосм обширного человеческого мира». Когда его сажали в 1906, 1907 и начале 1908 года, он сидел с уголовниками, в том числе убийцами и мошенниками, и дружил с некоторыми из них. В тюрьмах, разумеется, не было ни нормальной еды, ни секса, ни сига-

рет. Так что он в основном проводил время за чтением и размышлениями. Осуги писал: «Чтобы стать настоящим и чистейшим монахом, надо скрыться в горах или сидеть в тюрьме». Когда Осуги сидел в тюрьмах, он всегда изучал иностранные языки. Он даже придумал выражение «один язык за одно преступление» – это значит, что он изучал один иностранный язык в каждой тюрьме. В тюрьмах он изучал итальянский, немецкий, русский и испанский и читал разные книги, в том числе Кропоткина, Бакунина, Реклю и даже Короленко в немецком переводе и Толстого на русском. Но Осуги писал, что тогда его не очень интересовали произведения Толстого, так как его образ жизни слишком сильно отличался от толстовского, и он предпочитал произведения Короленко. В тюрьмах Осуги также работал над переводом разных политических и литературных произведений.

Когда Осуги посадили на 2,5 года, он в первый раз сидел в одиночной камере и вынужден был заниматься физической тюремной работой. Но он максимально старался избавиться от работы и вместо этого читать книги – он часто брал книгу с собой во время работы, и как только уходили надзиратели, сразу прекращал работу и открывал

книгу. Тогда он старался читать много книг по социологии и биологии и даже однажды пожелал, чтобы его срок продлили еще на полгода, чтобы дочитать все книги. Осуги писал, что когда он вышел из тюрьмы в 1910 году, он чувствовал, что 2,5 года в тюрьме были испытанием или, возможно, даже благом, посланным богом.

В 1910-м арестовали десятки анархистов и социалистов, в том числе Сюсюя Котоку, за то, что они якобы планировали покушение на императора. Это было ложным обвинением, возникшим в результате политических репрессий. Осуги избежал этого, так как все еще сидел в тюрьме. В конце 1910 года он вышел из тюрьмы, а в январе 1911-го казнили одиннадцать социалистов-анархистов, в том числе Сюсюя Котоку.

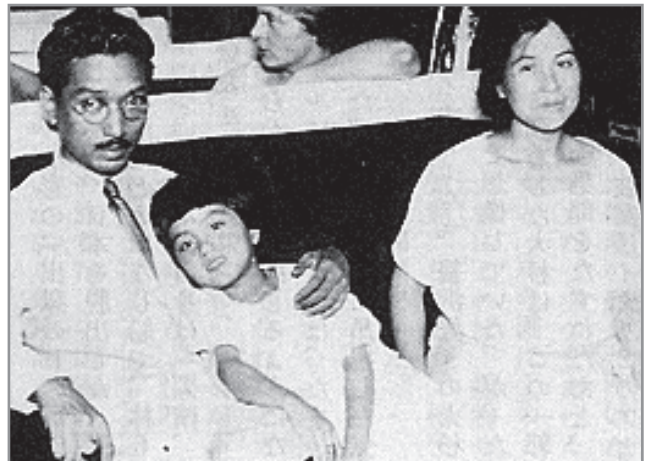
После этого события социалистическое и анархическое движения в Японии пришли в упадок.

4. После освобождения Осуги с коллегами, в том числе с Кансоном Арахатой и Тосихико Сакаи, попытались возобновить социалистическое-анархическое движение в Японии: они создали журнал «Модернистская идея» в 1912 году и газету «Хэймин Синбун» и выпускали разные статьи и эссе. У Осуги были финансовые проблемы, и он не мог возобновить движение в прежнем объеме. Одновременно он продолжал заниматься переводами и в 1916 году выпустил «Происхождение видов» Чарльза Дарвина.

В 1916-м Осуги попал в центр скандала. Он состоял в гражданском браке с Ясуко Хори с середины 1900-х, но Осуги был приверженцем свободной любви и в это же время у него были еще двух подруги, Ноэ Ито и Итико Камитика. Однажды Камитика сильно приревновала Ноэ Ито, у которой были самые близкие отношения с Осуги, и ударила его по горлу ножом. Осуги сразу

госпитализировали, он чуть не умер, и в результате разгорелся скандал. С тех пор многие товарищи, в том числе Арахата и Сакаи, дистанцировались от Осуги, который уединился и начал жить и работать вместе с Ноэ Ито.

В 1917 году родилась Мако, первая дочка Осуги и Ито. Имя дочки было необычным, так как его первый иероглиф намекал на слово «демон». (На японском языке демон – Акума (悪魔), и Мако пишется так – 魔子, дословно это означает «ребенок демона» или «ребенок колдовства»). Осуги ее так называл потому, что «его постоянно называли демоном в последние годы, а теперь у него родилась дочка, значит, она дочка демона». У Осуги и Ито позже родились еще четверо детей, и у всех были очень необычные, вернее, странные имена, и всех их переименовали после смерти Осуги. Вторую дочку назвали Эма в честь известной анархистки Эммы Гольдман. А третью дочку тоже назвали Эма, несмотря на то, что ее имя ничем не отличалось от имени второй дочки, которая была жива и здорова. Четвертую дочку назвали Луиз в честь французской анархистки Луиз Мишель. А сына назвали

Нестор в честь украинского анархиста Нестора Махно. У всех детей были очень необычные и странные имена для современных и тогдашних японцев.

В 1918 году Осуги помирился с некоторыми социалистами и анархистами и снова начал

заниматься политической деятельностью вместе с ними. Он читал лекции, поддерживал рабочее движение, переводил несколько иностранных произведений, в том числе Кропоткина, писал статьи и эссе об анархизме, Кропоткине, левой идеологии в японском обществе, распространяя анархические идеи как своими словами, так и через переводы работ разных европейских мыслителей и анархистов. Однажды он написал о пролетарском искусстве, обильно цитируя Ромена Роллана, в статье «Новое искусство для нового мира». Он рассуждал о том, что искусство должно быть доступным для всех и не должно быть деятельностью только элит. Такая идея была новой в тогдашней Японии и способствовала появлению и развитию японского пролетарского искусства.

У Осуги всегда были финансовые проблемы, но он умел взять деньги в долг у друзей и таким образом как-то выжить вместе с семьей.

Осуги поддерживал союз между коммунистами и анархистами, но в 1921 году этот союз распался, и Осуги начал критиковать коммунистов и Советский Союз. В то время его впечатлила книга «Жизнь насекомых», написанная французским энтомологом Жаном Анри Фабром, и он начал переводить это произведение. Японские спецслужбы продолжали следить за Осуги, и его снова посадили снова на пару месяцев в конце

1919 года. В тюрьме он активно занимался переводом «Жизни насекомых».

Осуги ездил в Китай в 1920 году и во Францию в 1922-м на несколько месяцев для участия в анархических конференциях и встречах с иностранными анархистами. У него были фальшивые документы, и он притворился человеком из другой страны и с чужим именем. Во Франции ради безопасности Осуги пытался избегать встреч с японцами и только однажды встретился с одним японским товарищем «S», который жил в провинции. В Париже их разыскивали, так что им пришлось бежать в другие города. У Осуги был план познакомиться во Франции с Нестором Махно, но это не удалось.

1 мая 1923 года Осуги публично выступал с речью перед собравшимися в Сен-Дени, пригороде Парижа. Здесь его схватили, отправили в тюрьму Санта и депортировали в Японию. На корабле он подружился с русскими студентами и бывшими белогвардейцами, которые рассказали Осуги, как многие крестьяне переходили на сторону белогвардейцев, чтобы бороться с большевиками, отнимавшими у крестьян даже последний хлеб.

Осуги вернулся в Японию в июле 1923 года. После возвращения он написал мемуары о своем путешествии во Францию и издал первый том «Жизни насекомых».

5. 1 сентября 1923 года произошло великое землетрясение Канто. Погибло больше 100 000 человек, и Токио превратился в развалины. Осуги и Ито выжили в этом землетрясении. Но тогда распространялись разные слухи, много корейцев и китайцев были убиты из-за ложных слухов, что они подожгли дома и устраивали беспорядки. А японская армия воспользовалась случаем и начала арестовывать разных политических диссидентов.

16 сентября 1923-го военная полиция похитила Осуги, Ито и его шестилетнего племянника около дома Осуги. Их жестоко избили и затем убили. Их трупы выбросили в колодезь. Позже арестовали капитана Амакасу, который якобы отдал приказ об убийстве. Он был приговорен к 10 годам заключения, но через три года его освободили. Позже он стал главной фигурой имперской японской армии, инициировал «мукденский инцидент» и управлял Маньчжурией до потери ее Японией в войне в 1945 году, после чего покончил с собой, отравившись ядом.

До сих пор не ясно, кто был главным заказчиком убийства Осуги. После смерти Осуги некоторые его товарищи пытались

отомстить за него, совершив неудавшееся покушение на военных офицеров.

Большинство детей Сакаэ долго прожили после смерти родителей. Единственный сын Нестор вскоре умер от болезни. А четыре дочки пережили войну и смогли устроиться. В 1997 году после смерти Луиз, которую переименовали в Луи, про нее вышел документальный фильм. Ранее, в 1985-м, Луи выпустила книгу про своих отца и мать. Рассказы об Осуги и его семье неоднократно писали и экранизировали, и по сей день вместе с Сюсум Котоку Осуги остается самым известным анархистом Японии.

Осуги однажды написал короткий текст, хорошо отражающий его личность:

«Я люблю человеческий дух. Но мне не нравится, когда он объясняется логикой. В процессе рационализации часто происходит критический компромисс с социальной реальностью.

Редко бывает мысль, непосредственно происходящая от духа. Еще реже бывает действие, непосредственно происходящее от духа. Ведь редко бывает дух, неизменный с рождения.

В этом плане мне нравятся ваши абстрактные демократия и гуманизм. По крайней мере они милые. Но мне не нравятся так называемые либеральные или гуманитарные правоведы и политологи. Когда слышу о них, меня просто тошнит.

Я вообще не люблю социализм. Кажется, в некоторых случаях, мне немножко надоедает анархизм.

То, что мне больше всего нравится – слепое человеческое действие, непосредственный взрыв духа. Но есть люди, у которых даже дух отсутствует.

Будь свободен в своем мышлении. Будь свободен в своих действиях. И будь свободен в своих мотивах».

1918 Касезин

Макс Неттлау

Биография из «Социалистического вестника»

Предисловие

Редакция «Автонома» с удовольствием публикует эту краткую, но весьма содержательную статью-некролог о Максе Неттлау, впервые опубликованную в «Социалистическом вестнике» (органе русской социал-демократической (меньшевистской) эмиграции) и считает нужным предварить ее несколькими замечаниями и дополнениями об авторе и герое этой статьи.

Борис Иванович Николаевский (1887–1966) – видный деятель российской социал-демократии, историк революционного движения, журналист, архивист и публицист. Он проделал путь от большевизма (в 1903 году) к левому меньшевизму мартовского толка (после 1906 года), проведя жизнь в вечных скитаниях, арестах, ссылках и эмиграции (после 1921 года – сначала в Берлине, потом в Париже и в США), создал архив РСДРП и опубликовал множество исторических документов. Широкая эрудиция, добросовестность, увлеченность темой сделали его одним из корифеев истории российского освободительного движения. Среди его главных трудов: книга «История одного предателя» о провокаторе Азефе, биография Маркса и работы о большевистских концлагерях и терроре. Многие личные качества роднят его с Максом Неттлау, признанным «Геродотом анархизма». Разумеется, марксизм Николаевского заставил его негативно оценить симпатии Неттлау к Бакунину и его нелюбовь к Марксу.

Что касается Макса Неттлау (1865–1944), то его бесценные материалы по истории анархизма, о которых упоминает Николаевский, и сейчас в основном хранятся в Амстердамском Институте Социальной Истории (и отчасти опубликованы), а титанический труд о Бакунине ждет своей публикации. На русском языке можно найти лишь несколько статей и книг Неттлау, в частности, краткий очерк биографии Бакунина, «Очерки по истории анархических идей» (в безобразном переводе), теоретические работы «Анархизм и большевизм», «Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса» и другие. По словам виднейшего теоретика анархо-синдикализма Рудольфа Роккера (сказанным в 1935 году, к 70-летию Неттлау): «Едва ли имеется анархическое издание в мире, в котором не сотрудничал бы Макс Неттлау или которое не перепечатывало бы его статей из других журналов». Помимо истории анархизма он немало писал о проблемах синдикализма, национализма и антимилитаризма, вел ожесточенную полемику с большевизмом и платформизмом.

Эрудит-энциклопедист, убежденный анархист, неутомимый и талантливый историк, друг Реклю, Кропоткина, Роккера, Малатисты, аскетичный и скромный стоик, проживший жизнь в нищете, благородный и трудолюбивый человек, враг любых догм и идолов, до сих пор остающийся великим «Геродотом анархизма» – таким был

Неттлау. Его главные труды: «Анархизм от Прудона до Кропоткина», «Библиография анархизма», «Михаил Бакунин» (в трех томах!), «Жизнь Малатесты» еще ждут пере-

вода и публикации в России. И мы рады напомнить о Максе Неттлау читателям.

Редакция

****

Из Амстердама пришло известие, что там в возрасте 80 лет умер Макс Неттлау, – человек, который по всей справедливости должен быть назван первым пионером в области изучения международных социалистического и анархистского движений.

Сын служащего одного из королевских парков в окрестностях Вены (девять лет тому назад он водил автора этих строк по этому старому парку, показывая места, где прошло его детство), он получил хорошее историко-филологическое образование, был знатоком классических языков и имел все данные для того, чтобы легко сделать профессорскую карьеру, – но пошел совсем иным путем. Из его рассказов мне не стало ясно, что именно дало первый толчок, – но еще совсем юношей его пленила героическая фигура Бакунина, написать биографию которого он решил и в этой связи занялся изучением истории революционных и социальных движений. В те годы этими вопросами еще никто не интересовался, никаких исторических работ на эти темы не существовало, текущая литература социалистического и анархистского движений не была приведена в известность. Неттлау был буквально первым, кто взялся за систематическую исследовательскую работу в этой области. Правда, имелись и другие исследователи, начавшие свою работу практически одновременно с Неттлау, – проф. Ант. Менгер, Штамхаммер, москвич Танеев, – но в их интересе было много дилетантизма: к движению, материалы о котором

они начинали собирать, они подходили со стороны, собирательскую работу вели по другим каналам, – через антикваров и т.д. Неттлау пошел иным путем, – в буквальном смысле слова: пошел. Еще студентом он отправился пешком по Швейцарии, – этой классической стране интернациональной эмиграции, – <в> обход не только городов, но и местечек, повсюду разыскивая осевших стариков эмигрантов. У каждого из них он производил настоящий обыск, осматривая чердаки и чуланы, собирая завалывшиеся бумажки, которые часто случай спас от уничтожения, – от каждого получая адреса других стариков, которых никто уже не знал, но которые в свое время принимали

активное участие в движении... И каждого такого старика он расспрашивал об интересных эпизодах его жизни, записывая экстракт этих рассказов своей собственной «упрощенной» стенографией, которую никто, кроме него самого, не мог разбирать.

Когда он рассказывал автору этих строк о тех своих скитаниях, у него, под влиянием старых воспоминаний, невольно разгорелись глаза: исключительно интересными были не только документы, попавшие к нему в руки, но и сами люди, эти документы хранившие. Тогда было живо не только все поколение строителей первого Интернационала; не только многие из деятелей революций 1848 г., – в отдельных местах ему приходилось наталкиваться на людей, которые и в то время казались живой археологией: на основателей «Молодой Европы» 1830-х гг., на участников карбонарских вент 1820-х гг... Неттлау должен был бы написать воспоминания об этих своих человеческих раскопках, так как этот рассказ существенно пополнил бы скудную мемуарную литературу ранних эпох социалистических движений. Он соглашался, когда ему об этом говорили, – было бы очень большой потерей, если бы он не сделал этого в последние годы своей жизни!

«...Изучивший для своих работ над Бакуниным русский язык (равно как и едва ли не все остальные славянские языки), Неттлау уделял внимание и истории русского социализма и анархизма...»

В центре его интересов и, – потому, – в центре его собирательской работы стоял Бакунин: это определяло и положительные, и отрицательные стороны ее результатов. Он заботливо собирал все мелочи о самом Бакунине и об его друзьях и соратниках, сохраняя все оттенки старых раздражения и

борьбы, которых так много кипело вокруг всего, к чему Бакунин прикасался. Но враги Бакунина становились врагами и самого Неттлау, а он, как всякий замкнутый в себе и много передумавший человек, обладал большой долей нетерпимости. Результатом было не только отсутствие объективности в оценках прошлого, но и часто прямое нежелание знать освещение фактов с иной стороны, нежелание встречаться с людьми, которые могут такое иное освещение давать... Конечно, зловещей фигурой, от которой исходили все беды и поражения социалистических движений, в представлении Неттлау становился Маркс.

Уже эти первые пешеходные рейды по эмигрантской Швейцарии дали ценнейший материал для богатейших коллекций Неттлау, – собирательская работа, которую он вел на протяжении последующего полувека, объехав за это время не только все страны Европы, но и Америку, превратила его коллекции в единственные коллекции во всем мире. В них имелась масса вещей, которых нигде в другом месте не имелось, – не только из рукописей, которые уникальны по самому своему характеру, но и из изданий печатных. Огромное количество записей и выписок пополнило эти коллекции: повсюду, где он бывал, он производил обследования хранилищ и подробно описывал все неизвестное, что только удавалось находить. Нужна была поистине исключительная память, чтобы ориентироваться в этом материале.

Публиковать в печати результаты своих раскопок Неттлау начал очень рано, – прежде всего в анархистской литературе французской, английской и немецкой. Им напечатано огромное количество статей. Анархист по убеждениям, он в каждую из них вводил элементы анархистской пропаганды, – но в каждой же из них имеются и элементы исторического исследования.

Будут ли они когда-нибудь собраны и изучены? Составление одного списка их явилось бы трудной и сложной работой, – но в то же время и крайне нужной с точки зрения историка... Опубликовать результаты своей научно-исследовательской работы Неттлау начал в середине 1890-х гг. книгой «Библиография анархизма», научно-библиографическое значение которой до сих пор не устарело.

Основным трудом его жизни была огромная биография Бакунина, законченная им около 1900-го г. Перегруженная документальным материалом, с массой примечаний, – преимущественно био-библиографического характера, – она трудно поддается чтению и в свое время Неттлау не смог найти для нее издателя. Чтобы сделать этот свой труд доступным хотя бы избранным кругам читателей, Неттлау взял на себя труд переписать эту работу от руки и отлитографировать ее. Получилось 3 огромных тома, размноженные в 51 экземпляре, которые Неттлау переплел и разослал в крупнейшие библиотеки мира и тем отдельным лицам, помощь которых в работе он особенно ценил. Эта работа и до сих пор остается не переизданной. Биография Бакунина на испанском языке, выпущенная в Южной Америке лет 12 тому назад, далеко не исчерпывает всего, что содержит литографированный труд. В конце 1920-х гг. Неттлау составил рукописное дополнение к последнему, введя в него те новые материалы, которые им были найдены за последние годы.

С начала XX-го века Неттлау увеличивает количество своих исторических публикаций, становясь активным сотрудником всех изданий, интересующихся этими вопросами. Ценнейшие статьи по истории эпохи 1848 г. и эпохи первого Интернационала им печатаются сперва в «Документах социализма», которые издавал Эд. Бернштейн в период 1903–1905 гг., а затем «Архива» проф. Грюнберга. Наиболее значительные из его трудов были напечатаны после первой миро-

вой войны, – главным образом по-немецки, в издательстве «Синдикалист». Среди них на первом месте должны быть поставлены 3 тома его истории, напечатанные каждый под особым названием, но по существу являющиеся цельной работой. Эта история была задумана Неттлау, кажется, на семь томов, по-видимому, он успел довести ее до конца. К этой работе, которую Неттлау считал второй основной работой своей жизни, надо добавить несколько дополнительных публикаций о Бакунине в Италии (по-итальянски), о Малатеста (по-итальянски), о братьях Реклю (по-французски), несколько изданий избранных сочинений Бакунина с обширными комментариями (по-немецки, по-испански и т.д.).

«...Мечтой его жизни было создание совершенно независимого научного Института, который был бы посвящен разработке истории анархизма и социализма, – и он был искренне рад, когда в середине 1930-х гг. такой Институт был создан в Амстердаме...»

Изучивший для своих работ над Бакуниным русский язык (равно как и едва ли не все остальные славянские языки), Неттлау уделял внимание и истории русского социализма и анархизма. Наиболее его значительными работами на эту тему (не считая, конечно, общих работ по Бакунину), был очерк о русских в 1-ом Интернационале (напечатан в «Архиве» Грюнберга), огромный подбор хорошо прокомментированных писем Крапоткина (в чикагском «Пробуждении») и библиография работ Крапоткина (в московских сборниках «Памяти Крапоткина»).

Остававшийся до конца жизни бобылем-бедняком, Неттлау жил в условиях, крайне неблагоприятных для научной работы. Его богатейшие коллекции были раз-

бросаны по разным странам Западной Европы, – на складах и на хранении у друзей; сам он ютился в небольшой комнатухе, почти половина которой буквально до потолка была завалена свертками с наиболее ценными материалами, – которые были ему нужны для текущей научной работы. Конечно, нашелся бы целый ряд библиотек, который принял бы эти материалы на хранение или приобрел бы их. Крайне выгодные для Неттлау предложения поступали из Москвы, – он их неизменно отклонял, считая, что какая бы то ни было связанность с Москвой, которая преследует у себя анархистов, для него как для анархиста недопустима.

обходимые внешние условия для научной работы. Здесь впервые библиотека и архив Неттлау были собраны в одном месте и явилась возможность приступить к их систематическому изучению. К сожалению, это было уже незадолго до начала войны...

Тревожные вести заставили Институт еще в 1938 году эвакуировать наиболее ценную часть своих коллекций в Англию, – среди этой части был, конечно, и почти весь архив Неттлау. Увезти всю библиотеку не было возможности, – она осталась в Амстердаме и была захвачена немцами. Одновременно с известием о смерти Неттлау из Амстердама пришло известие и о судьбе Института, с которым Неттлау в конце связал свою жизнь: этот Институт, несмотря на разгром, произведенный немцами, не погиб; теперь он восстанавливается и продолжает свои работы. Надо надеяться, что в список этих работ он включит издание тех работ Неттлау, которые до сих пор не увидели света, а также издание сборника, посвященного его памяти, в котором будет и список его работ.

Б. Николаевский

Впервые опубликовано в журнале «Социалистический Вестник», № 13–14 (571–572) 8 августа 1945 с. 154–155

Мечтой его жизни было создание совершенно независимого научного Института, который был бы посвящен разработке истории анархизма и социализма, – и он был искренне рад, когда в середине 1930-х гг. такой Институт был создан в Амстердаме по инициативе проф. А. Постмуса и Дж. Лимэ. По специальному соглашению, которое им было заключено с этим институтом, он передал в распоряжение последнего все свои богатейшие собрания, выговорив себе право исключительного использования отдельных частей его, – и перебрался сам в Амстердам, впервые получив здесь не-

Анархизм, как потребность человека и общества

Постоянный автор «Автонома» Дмитрий Чащин рассказывает о том, что для него значит анархизм, набрасывает возможные очертания нового общества и размышляет о путях его достижения.

1. Человек и свобода

Можно сказать с уверенностью, что каждый из нас становится несчастным, оказываясь в положении человека, поработанного чьей-либо властью. Подчинение противно глубинному чувству человеческого достоинства, которое нельзя полностью выхолостить никакой пропагандой, отвлекающим шумом или упорным самообманом. Стоит на минуту остановиться и подумать о своей жизни и своем положении в обществе, как станет очевидно, что львиную долю нашей повседневной активности определяет власть ряда социальных институтов или конкретных людей. Власть очень разнообразна, она давит на каждого из нас множеством граней принуждения

и манипуляций, унижая и доставляя страдания.

Интересно, что похожим образом обстоят дела в ситуациях, когда власть оказывается в наших руках. Любая власть – лишь умеренная форма садизма, а всякий садист – человек глубоко несчастный. Мгновения упоения лишь оттеняют его гигантскую внутреннюю катастрофу. Таково свойство человеческой души – когда мы помыкаем другими, нам всегда где-то стыдно и плохо. В глубине души мы знаем, что ведём себя недостойно и неправильно. Совесть строго судит нас, как бы активно и громко мы ни пытались заглушить её голос.

2. Человеческие связи

Итак, мы видим, что власть чужда добру в человеке. Однако одной свободы от власти нам недостаточно. Человек нуждается в коллективе, в связях с другими людьми – экономических, социальных, культурных и душевных. Всё, что есть в нас хорошего, стремится к тому, чтобы формами этих связей были: равноправное, единство, дружба и любовь.

Значит, в социальной структуре общества, в котором совместно живут люди, должны быть сведены к минимуму конкуренция, эгоизм, жадность, потребительское отношение к миру и человеку – словом, всё то,

что прямо противоречит очерченным выше благородным формам взаимодействия в человеческом сообществе. Однако, как мы видим, все жестокие и малодушные модели взаимоотношений между людьми составляют самый дух капиталистического общества, культивируемый его институтами.

Таким образом, врагом человека и человечества выступает государство как организованная система власти, принуждения и капитализм – как система, поощряющая в людях гнусность, отчуждающая их друг от друга и выстраивающая между ними экономическую иерархию.

3. Очертания нового общества

О современных государстве и капитализме часто говорят как о машине, механизме, системе, где человеку отведена роль шестерёнки или винтика. На самом деле положение современных людей скорее иное. Мы больше похожи на сырьё или топливо, необходимое государственному и капиталистическому механизму для работы. Мы похожи на капли в море или на песчинки в карьере: затерянные в толпе и безгласные, бессильные как-либо повлиять на социальные и экономические процессы, затягивающие нас в свой могучий поток. Парадоксальным образом мы чувствуем себя используемыми и в то же время выброшенными, потерянными.

Справедливое и свободное общество призвано в корне изменить эти роли человека. Отныне каждому предстоит стать равноправным участником общественной жизни. Это, безусловно, потребует усилий: ответственности, активности, преодоления равнодушия и эгоизма. Возможно, кому-то новые обязательства покажутся чересчур

обременительными. Однако только взяв на себя такой труд, человек сможет жить достойно и в полной мере осмысленно. Отказ же от него неизменно оборачивается куда более тяжкой ношей – ярмом эксплуатации и унижения.

Задача не менее важная, чем возвращение человека к социальному творчеству – преодоление отчуждения. Это касается как отчуждения людей друг от друга, так и отчуждения от природы.

Точные формы организации справедливого общества будут определены самим революционным народом. Сейчас же мы можем обозначить лишь его общие контуры.

Во-первых, переформатирования требует само пространство жизни. Скученность в постылых и безобразных мегаполисах – это зеркало наших обезличенности и бесправия в современном обществе. Когда ты песчинка в карьере, ты бессилен. В то же время сгущение населения, безумное наращивание скорости жизни, массовое производство и запланированное устаревание продукции – результат экономической централизации и стремления капиталистов к максимизации прибыли.

Людские поселения должны обрести размер и вид, радующий глаз и позволяющий человеку перестать чувствовать себя жителем муравейника. Политическая и экономическая децентрализация создадут благоприятную ситуацию для таких перемен. Также важно вернуть в жизнь человека природные пейзажи, ныне отрезанные от миллионов людей бесконечными промзонами, автострадами и бетонно-асфальтовым морем. Технологии также должны служить подлинному комфорту человека и сохранению природы вместо того, чтобы поощрять потребительскую истерию и прочие деструктивные явления.

Социальное творчество и самоуправление будут организованы посредством системы советов, в которых каждый участник сообщества будет иметь равный с другими голос и равное право участия в выработке и принятии решений. Советы будут выдвигать из своей среды рабочие группы и комитеты для исполнения конкретных задач, требующих специализации. Взаимодействовать и координировать свою деятельность советы будут через делегатов, имеющих наказ от направившего их коллектива. Коллектив, в свою очередь, обладает всеми возможностями прямого контроля и отзыва своих делегатов.

4. Революция

Как видно, путь из неприемлемой современности к достойной жизни требует глубоких, кардинальных перемен. Человеку нужно менять своё мировоззрение и свою жизнь. Людям необходимо изменить общество так, чтобы оно поощряло человечность и справедливость, а не подавляло и изживало их. Путь радикальных изменений – это путь революции и восстания против сил, заинтересованных в том, чтобы оставить всё как есть и продлить торжество садизма, эгоизма и жадности.

Великие потрясения случаются потому, что живому организму человечества нужно стряхивать с себя пыль, коросту и коррозию, коими являются власть, иерархия, любая социальная вертикаль – всё, что противно чувству справедливости и братства. Человеку как личности и человеческому обществу как миру взаимодействующих личностей и коллективов необходимо вырываться из этого прокрустового ложа и сбивать оковы всякий раз, когда они становятся непосильно обременительными.

Необходимость стремления к свободе и справедливости и борьбы за них, пожалуй, невозможно полностью схватить, описать и обосновать словами, потому что восста-

Аналогичным образом будет организовано управление средствами производства, а также самим производственным процессом и распределением благ. Дополнением здесь станет прямое ориентирование на запросы потребителя, что породит альтернативу рынку, создающему на одном полюсе дефицит и нужду, а на другом – перепроизводство и манипуляцию спросом.

ние против зла и воплощение в жизнь благородных ценностей есть фундаментальная и глубочайшая потребность человека. Можно сказать с уверенностью лишь то, что переход из одного состояния в другое – это решительный разрыв с обществом угнетения, его радикальное ценностное и практическое отвержение. Процесс резкого перехода от старого порядка к новому будет иметь смысл как минимум не меньший, чем поступательная эволюция социальных институтов и взаимоотношений между людьми.

Таково для меня обоснование анархизма как потребности человека и общества и контурный набросок путей его воплощения в жизнь.

Дмитрий Чащин

Международный фонд защиты анархистов

По всему миру репрессивные силы яростно обрушиваются на анархистов и анархисток. Летом 2017 года несколько активистов собрались обсудить идею создания Международного фонда защиты анархистов, и сегодня он начинает свою работу.

Наша коллективная структура поддержки призвана помогать анархистам и анархисткам по всему миру, преследуемым либо оказавшимся в сложной жизненной ситуации из-за своих политических идей и деятельности.

Мы кардинально отличаемся от других групп солидарности тем, что предлагаем прямое участие в распределении средств для тех, кто делает пожертвования, вместо обычной солидарности в стиле благотворительности. Фонд защиты анархистов основан на модели солидарности, которую мы переняли у Международного фонда защиты антифашистов. Мы считаем, что важно было создать такой Фонд, поскольку это очень простой и действенный способ информирования людей о репрессиях и вовлечения их в прямую финансовую поддержку и солидарность. В мире еще не настолько сильная сеть групп АЧК (Анархического

черного креста), куда активисты могут обращаться за помощью, и большинство местных групп находятся под большим давлением, если общий контекст страны очень репрессивный или движение слишком маленькое и не обладает достаточной возможностью поддерживать местных анархистов и анархисток. Теперь, когда есть Фонд, у них есть простой доступ к международным финансам из любой точки мира.

Фонд представляет собой коллективную структуру, потому что любой и любая, кто сделает взнос в размере 20 у.е. и больше (или эквивалентную сумму в местной валюте), может присоединиться к комитету, который принимает решение об удовлетворении заявок на помощь. Решения принимаются консенсусом, либо голосованием простым большинством в случае, если консенсуса достичь не удастся. Вся процедура очень быстрая и простая.

Присоединяйтесь к борьбе за лучший мир и поддержке товарищей и товарищек, которые сражаются за те же цели! Вы можете сделать пожертвование в Фонд и стать частью комитета по рассмотрению заявок или даже вступить в коллектив, который обеспечивает функционирование всей структуры. Пожертвования помогут нам особенно сейчас, когда мы только-только начинаем. Мы приветствуем все попытки собрать деньги для Фонда там, где вы активны, через организацию бенефитов или любыми другими способами. Мы также уже открыты к приему заявок на получение поддержки, однако пока что не стоит ожидать, что помощь будет значительной до тех пор, пока нам не удастся собрать широкую базу доноров.

Пока все не будут свободны!

Женские тюрьмы

Шесть испытаний для заключенных-революционерок

Коллектив «Эффект Монро» публикует текст про женские тюрьмы, чтобы женщины, участвующие в революционных организациях и анархической деятельности, могли дать достойный отпор государственному насилию. По статистике ФСИН, на 1 марта 2019 в местах лишения свободы содержалось 558 778 человек. Женщин среди них 44 336.

Сегодня в России нет публикаций анархисток-заключенных, которые рассказали бы, «как не сломаться и выйти человеком». Поэтому мы составили чек-лист о том, чему революционеркам придется противостоять в местах лишения свободы.

1. Переработки и наказания

В женских тюрьмах рабочий день длится 12–14 часов, а в некоторых колониях, например, в мордовских, и того больше – 16–17 часов. На сон при таком распорядке перепадает 4 часа. Выходной, в лучшем случае, раз в неделю. В худшем – раз в месяц. По бумагам рабство выглядит как подвижничество: зечек заставляют писать заявление о желании работать сверхурочно и без выходных. В основном женщины заняты пошивом одежды. Кто не справляется с «нормой», несет наказание: нельзя сходить в туалет, поесть в течение смены, запрещают прогулки и баню.

2. Давление со стороны администрации

В отличие от мужских, все женские колонии – красные. Администрация воздействует на заключенную, лишая ее свиданий с близкими, передач, прогулок, помещая в ШИЗО.

Тюремщики создают условия для конфликтов между зечками. Если заключенная не выполняет трудовую норму, недоработки распределяются между остальными женщинами, что приводит к озлобленности.

Если заключенная получает привилегии от тюремщиков, коллектив это не поощряет.

Среди арестованных есть активистки – женщины, которые сотрудничают с администрацией, например, в целях получить УДО. Людмила Гуляева, бывшая заключенная ИК-28 в Березниках, рассказала, что, если заключенная не успевает выполнить норму, зечка-активистка «не дает никому разгрузить ее, не дает ей помощи никакой. Она просто встает и на всю ленту объясняет: вот из-за нее мы пойдем последними в магазин, из-за нее у нас не будет звонков, из-за нее у нас не будет сна».

3. Антисанитарные условия

В женских колониях проблематично помыться. Баню или душ женщины посещают

раз в месяц. На повседневные гигиенические процедуры отводится раковина. Еще могут быть помывочные, но попасть в них затруднительно из-за жесткого графика. В первую очередь страдают новички, положение у них не такое привилегированное, как у зечек «со стажем».

4. Переполненные камеры

Ужасными условиями содержания славится «СИЗО 666» — московский изолятор в Печатниках. Как писали члены ОНК в 2016-м, зечки, которым не хватило кроватей, спали на полу. Борьба шла даже не за раскладушки: их все равно некуда ставить, — а за матрасы, чтобы на полу было не так холодно спать.

5. Отсутствие медицинской помощи

В 2016 году Россия лидировала среди европейских стран по смертности заключенных. Потом ФСИН и вовсе перестали публиковать отчеты о количестве умерших в тюрьмах и не отвечать на запросы журналистов. Но, судя по отзывам зечек и их родственников, медицинскую помощь сложно получить даже при тяжелых болезнях. Положение усугубляется тем, что больным не дают выходных: они продолжают работать со всеми на равных рабских условиях.

6. Побои, пытки

Ярославль есть и в уголовном мире женщин — это мордовские колонии. Оттуда регулярно поступают жалобы на побои, угрозы и пытки со стороны тюремщиков.

Татьяну Гаврилову, бывшую заключенную ИК-2, сильно ударил по голове начальник тюрьмы. Удар предательски был нанесен сзади, но Татьяна смогла развернуться и уложить начальника ударом с ноги. После этого тюремщики приковали ее наручниками к батарее и жестоко избили.

Ольга Минакова, бывшая заключенная ИК-6 Свердловской области, находилась в ШИЗО 40 дней прикованной наручниками к батарее.

Это далеко не все испытания, с которыми сталкиваются женщины в тюрьмах России. Мы надеемся, что этот материал поможет товарищам подготовиться к борьбе с беспределом в тюрьме за свободу свою и других зечек.

Эффект Монро

Мы рекомендуем:

<https://vk.com/leftfem> – либертарная феминистская инициатива

antijob.net – крупнейший русскоязычный черный список работодателей и пропаганда классовой борьбы

pramen.io – анархия в Беларуси

<https://t.me/anhoirk> – анархисты Иркутска

<https://www.facebook.com/BlackSquarePublishing> – издательство «Черный квадрат»

https://vk.com/fnb_all – «Еда вместо бомб»

https://www.instagram.com/larevolte_ua – дистрибуция и мероприятия в Киеве

<https://hevale.nihilist.li> – всё о революции в Курдистане

www.rtpbooks.info – издательство «Радикальная теория и практика»

<https://t.me/parisburns> – Paris Burns: телеграм-канал, вовлекающий в стикер-квест

moloko.plus – журнал «Молоко плюс»

*Связь с редакцией: avtonomjournal@gmail.com
<https://avtonom.org/avtonomnews>
t.me/avtonom.org*

